

Экономическое содержание гражданства Европейского союза

Economic substance of the European Union citizenship

В настоящее время международная миграция превратилась в общемировую проблему. Эта проблема многоаспектна. Наряду с положительными моментами (например, приток дешевой рабочей силы в периоды экономического роста) она содержит и ряд отрицательных, в частности, связанных с террористическими угрозами. Это поставило Европейский союз (ЕС) перед трудноразрешимой задачей разработки адекватного правового механизма регулирования миграционных потоков¹. Данный механизм представляет собой сложное переплетение элементов международного права, права ЕС и национального права государств-членов. На фоне этого необходимо учитывать и миграцию на внутренних границах государств-членов ЕС. Она служит движущей силой европейской интеграции: деловая, гуманитарная, учебная активность. Субъектами данных процессов являются, прежде всего, лица, обладающие гражданством ЕС.

Договором о Европейском союзе 1992 г.² (далее – ДЕС) в право ЕС было введено понятие «гражданство ЕС». Раскрывая этот институт, Договор о функционировании Европейского союза 1957 г.³ (далее – ДФЕС) (ст. 20–25) устанавливает, что «1. Каждое лицо, имеющее гражданство государства-члена, является гражданином Союза. Гражданство Союза дополняет, но не заменяет национальное гражданство. 2. Граждане Союза наделяются правами и подлежат исполнению обязанностей в соответствии с настоящим Договором».

Институт гражданства ЕС является основой для наделения граждан Союза политическими, гражданскими, социальными и, конечно, экономическими правами. Одни из них перечислены в самом ДФЕС, другие провозглашаются во вторичном праве, принимаемом на основе ст. 25 ДФЕС. Практика Суда ЕС также постоянно конкретизирует и дополняет систему этих прав.

Основная сфера применения европейского гражданства – это реализация права на свободу передвижения и проживание на территории госу-

---

¹ EU legal framework on asylum and irregular immigration «on arrival» State of play // European Parliament. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/551333/EPRS_BR1%282015%29551333_EN.pdf (дата обращения: 12 февраля 2017 г.).

² Договор о Европейском союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) // Официальный сайт законодательства Европейского Союза. URL: <http://eur-lex.europa.eu/> (дата обращения: 1 ноября 2016 г.).

³ Договор о функционировании Европейского союза (Рим, 25 марта 1957 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) // Официальный сайт законодательства Европейского союза. URL: <http://eur-lex.europa.eu/> (дата обращения: 1 ноября 2016 г.).

дарств-членов Союза¹. Именно по этой причине гражданство ЕС остается одним из самых привлекательных в мире, в том числе для граждан Российской Федерации (ст. 62 Конституции Российской Федерации). О таком интересе свидетельствуют многочисленные публикации в российских и европейских средствах массовой информации².

В доктрине права ЕС институту европейского гражданства посвящено множество исследований. Нередко его подвергают критике за неопределенность, зависимость от будущих политических условий в ЕС и, как следствие, неразработанность содержания³. Традиционно акцент в понимании и толковании европейского гражданства делается не на экономическую составляющую, а на права человека и его политико-правовую связь с Союзом в целом. Настоящим предлагаем рассмотреть экономическое содержание гражданства ЕС. Особняком при таком подходе стоит свобода передвижения лиц как одна из свобод внутреннего рынка ЕС.

Предварительно следует затронуть ограничения, которые ДФЕС (ст. 20 (1), 21 (1)) и Директива 2004/38/ЕС Европейского парламента и Совета от 29 апреля 2004 г. о праве граждан Союза и членов их семей свободно передвигаться и проживать на территории государств-членов (далее – Директива 2004/38/ЕС) устанавливают для применения европейского гражданства. Прежде всего, субсидиарность этого понятия по отношению к национальному гражданству приводит к тому, что лишь на граждан могут распространяться преимущества гражданства Союза. Как следствие, внутренние ситуации не подпадают под его действие. Так, в решениях *64 & 65/96 Uecker&Jacquet (1997)* Суд ЕС отметил: гражданство Союза не предполагает расширение сферы Договора на чисто внутренние ситуации, не имеющие связи с правом Сообщества. И, наконец, еще одно ограничение предусмотрено ст. 7 (1) Директивы 2004/38, конкретизирующей положения ст. 21 (1) ДФЕС. Согласно ст. 7 (1b) Директивы 2004/38/ЕС применение положений о европейском гражданстве к свободе передвижения и проживания граждан государств-членов на всей территории Союза обусловлено наличием у них достаточных средств и полной медицинской

---

¹ Директива 2004/38/ЕС Европейского парламента и Совета от 29 апреля 2004 г. о праве граждан Союза и членов их семей свободно передвигаться и проживать на территории государств-членов, изменяющая Регламент (ЕЭС) № 1612/68 и отменяющая директивы 64/221/ЕЭС, 68/360/ЕЭС, 72/194/ЕЭС, 73/148/ЕЭС, 75/34/ЕЭС, 75/35/ЕЭС, 90/364/ЕЭС, 90/365/ЕЭС и 93/96/ЕЭС // *Journal of ficieldel'Unioneuropeenne* L 229 du 29.06.2004, p. 35. *Official Journal of the European Union* L 229 29.06.2004, p. 35. Перевод с французского с учетом редакции документа на английском языке. *Перевод и предисловие Четверикова А. О.*

² Как получить европейское гражданство и в какой стране ЕС это проще сделать // Комсомольская правда. URL: <http://www.kp.ru/guide/grazhdanstvo-es.html> (дата обращения: 12 февраля 2017 г.).

Malta's citizenship scheme could be worth €200m // *European Voice* URL: <http://www.politico.eu/article/maltas-citizenship-scheme-could-be-worth-e200m/> (дата обращения: 12 февраля 2017 г.).

³ *Chalmers D., Hadjiemmanuil C., Monti G., Tomkins A. Op. cit. P. 561. Weatherill S. Cases & Materials on EU Law. Oxford, 2006. P. 489 etc.*

страховки, чтобы не быть обузой для национальной системы социального обеспечения принимающего государства-члена.

Суд ЕС в новейшей практике предпринял попытку придать институту гражданства ЕС новый импульс развития. Во-первых, было подтверждено прямое действие ст. 20 и 21 (1) ДФЕС о гражданстве ЕС, что позволило гражданам государств-членов, не относящимся к экономически активному населению, не только правомерно проживать на территории принимающего государства-члена, но и пользоваться социальными льготами. Суд ЕС опирался в своей аргументации на практику Европейского суда по правам человека в его интерпретации ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.¹

Первым значительным шагом в практике Суда ЕС стало решение по делу *C-85/96 Martínez Sala (1998)*. Опираясь на ст. 20 и 21 (1) ДФЕС в сочетании со ст. 18 (запрет дискриминации по признаку гражданства), Суд ЕС расширил защитную сферу действия свободы движения трудящихся на каждого гражданина Союза в двух отношениях: простого факта законного проживания гражданина одного государства-члена на территории другого достаточно для применения права ЕС; преимущества, ранее предоставлявшиеся только трудящимся в смысле ст. 45 ДФЕС, должны предоставляться и другим категориям лиц.

Аналогично решены дела *C-184/99 Grzelczyk (2001)* и *C-138/02 Collins (2004)*, в которых подчеркивается: мигранты, граждане Союза, не относящиеся к экономически активному населению (в данном случае студенты (*дело Grzelczyk*) и безработные (*дело Collins*)), наделяются правом законно проживать в принимающем государстве-члене и правом на социальную защиту наряду с местными гражданами на основании ст. 18 и 21 ДФЕС.

Суд ЕС в деле *413/99 Baumbast (2002)* подтвердил прямое действие ст. 21 (1) ДФЕС, наделяющей граждан Союза правом законно проживать на территории другого государства-члена, когда они уже не являются трудящимися мигрантами в смысле ст. 45 ДФЕС. Это решение интересно тем, что Суд ЕС подтвердил важность требования, вытекающего из Директивы 2004/38 не быть обузой для системы социального обеспечения принимающего государства-члена, если они хотят на законных основаниях проживать в этом государстве. И во-вторых, Суд ЕС подтвердил: право ЕС наделяет родителей ребенка правом оставаться с ним в государстве приема для его воспитания независимо от того, разведены родители или нет либо родитель — гражданин государства-члена, являющийся источником производных прав членов его семьи, покинул данное принимающее государство-член. Гражданство остающегося для воспитания ребенка родителя значения не имеет (ст. 12 (3) Директивы 2004/38).

В деле *C-200/02 Zhu & Chen (2004)* китайская пара, проживавшая и работавшая в Великобритании, въехала в Ирландию для рождения на ее территории ребенка с целью, чтобы ребенок получил гражданство этой страны (на момент решения Суда ЕС такое было возможно) и, соответственно,

---

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

гражданство ЕС. Преднамеренность подобного шага была очевидной, поскольку тем самым и мать ребенка в обход английского законодательства хотела получить вид на жительство в Великобритании, в чем английский суд ей отказал. Суд ЕС, однако, опираясь на ст. 18 Договора об учреждении Европейского сообщества, посчитал, что государство-член не вправе выяснять причины предоставления другим государством-членом своего национального гражданства и ограничивать права, вытекающие из гражданства ЕС, в данном случае – права проживать в любом государстве-члене. В результате Суд ЕС признал право матери проживать с дочерью в Великобритании в целях ухода за ней и ее воспитания.

Гражданин ЕС, не обладающий правом на проживание согласно ст. 45, 49, 56 ДФЕС, может быть наделен этим правом просто в силу прямого применения и действия ст. 21 (1) ДФЕС. Как только наличие такого права установлено, он может сослаться на ст. 18 ДФЕС (о запрете дискриминации по признаку гражданства), чтобы воспользоваться преимуществами социально-экономических программ государства пребывания. Именно в этом, по мнению Суда ЕС *C-417/02 «Commission v. Hellenic Republic» (2004)*, усматривается сущность европейского гражданства.

Положения ДФЕС, Директивы 2004/38/ЕС, прецедентного права Суда ЕС по рассмотренным делам находятся в системной связи, и образуют экономическое содержание института гражданства ЕС. Оно толкуется в свете свободы передвижения как одной из свобод внутреннего рынка ЕС, и предоставляет уникальные социально-экономические возможности обладателям европейского гражданства, в том числе посредством реализации свободы движения товаров, услуг, капиталов. Такая трактовка гражданства ЕС укрепляет единое социально-экономическое пространство ЕС и тем самым создает предпосылки для достижения целей интеграции.

Наднациональность в праве Европейского союза и применение наднациональности для Евразийского союза

Supranationality in European Union law and the implementation of supranationality concept in Eurasian Economic Union

Проблема наднациональности стала особенно актуальна после Второй мировой войны, когда в условиях складывающейся новой геополитической расстановки сил стали создаваться международные организации с постоянно действующими органами, которые в рамках их компетенции наделены полномочиями по принятию решений.

Значительно возрос интерес к проблеме наднациональности также в связи с началом интеграционного процесса в Европе. Становление будущего Европейского союза началось с создания в 1951г. Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) в форме региональной организации экономического сотрудничества. Вслед за ЕОУС были образованы Европейское экономическое сообщество и Европейское сообщество по атомной энергии, начала формироваться единая система институтов¹. Очень скоро изменились и качественные характеристики этого интеграционного объединения: сложилась система т.н. наднациональных органов (Европейский парламент, Комиссия и Суд ЕС), а в межправительственном органе – Совете решения могут приниматься квалифицированным большинством путем голосования так называемыми «взвешенными голосами»².

Государства в учредительных договорах определяют объем полномочий органов Союза и юридическую силу их актов, что само по себе служит одним из проявлений наднациональности в деятельности институтов Европейского союза.

Например, согласно Лиссабонскому договору, уменьшается количество вопросов, по которым Совет принимает решения единогласно. И, соответственно, увеличивается количество сфер, где решения в Совете принимаются квалифицированным большинством. По вопросам же своей внутренней процедуры, а также по некоторым вопросам организационно-процедурного характера Совет принимает решения простым большинством, т. е. 15 из 27 министров³.

Таким образом, наднациональность проявляется даже в деятельности Совета, который не относится к наднациональным институтам

---

¹ Право Европейского союза: учебник / под ред. С. Ю. Кашкина. 3-е изд. М.: Юрайт, 2011 г.

² Основы права Европейского союза: схемы и комментарии: учеб. пособие. 2-е изд. / под ред. С. Ю. Кашкина. М.: Юрайт, 2011.

³ <http://www.europa.eu.int/> – Официальный сайт Европейского союза; Лиссабонский договор, изменяющий Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского Сообщества (Лиссабон, 13 декабря 2007 г.).

Союза, а является межправительственным органом. Именно поэтому государства крайне сдержанно относятся к расширению полномочий институтов Союза и проявляют «щепетильность» в вопросе распределения компетенций между Союзом и государствами-членами в сфере совместного ведения.

В этой связи исследование наднационального механизма принятия решений институтами Европейского союза представляется актуальным и своевременным в связи с принятием Лиссабонского договора, расширяющего круг вопросов, подлежащих наднациональному регулированию.

Под наднациональностью в Европейском союзе следует понимать наделение институтов Союза полномочиями принимать решения в переданных ему согласно учредительным договорам аспектах. Исходя из такого определения наднациональности, формулируется вывод о том, что сущность наднациональности, т. е. то, какие аспекты и в каких сферах будут переданы Европейскому союзу, определяется национальными интересами государств-членов, являющихся первичными субъектами международного права, и создавших Союз для достижения своих национальных интересов. Принципы распределения компетенций в праве Европейского союза служат той системой «сдержек и противовесов», которая обеспечивает защиту суверенитета государств-членов.

Наднациональное право — форма международного права, при которой государства идут на сознательное ограничение некоторых своих прав и делегирование некоторых полномочий наднациональным органам¹.

Однако следует отличать понятие «наднациональное право» от понятия «международное право». Как было подмечено выше наднациональное право это форма международного права, характеризующаяся более глубокой интегрированностью правовых взаимоотношений между странами-субъектами.

Наднациональное право обладает рядом характерных особенностей, отличающих его от международного права:

1) внутреннее право наднационального объединения становится внутригосударственным правом его членов;

2) внутреннее право наднационального объединения творится органом, действующим юридически неподконтрольно государствам-членам и принимающим обязательные для государств решения вне зависимости от отрицательного к ним отношения со стороны одного или нескольких государств; при этом соответствующие вопросы полностью или частично изымаются из их ведения;

3) международные чиновники, участвующие в органах наднациональных объединений, выступают в личном качестве, а не как представители государств;

4) решения принимаются органами наднациональных объединений большинством голосов, путем пропорционального (взвешенного) голосования и без непосредственного участия заинтересованных стран.

---

¹ Основы права Европейского союза: схемы и комментарии: учеб. пособие. 2-е изд. / под ред. С. Ю. Кашкина. М.: Юрайт, 2011.

5) акты наднационального права имеют юридическую силу прямого действия, а не косвенного как в международном праве¹.

Происхождение термина «наднациональное право» связано с быстро развивающимися процессами интеграции государств в мировое сообщество.

Государства, находящиеся в составе какого-либо объединения, должны иметь схожие нормы права. Соответственно, требуется создание единого права, которое будет регулировать общественные отношения во всех государствах-участниках данного объединения по одинаковому принципу. И в качестве этого «единого права» выступает наднациональное право.

Изучив и рассмотрев наднациональность в праве ЕС, хотелось, чтоб это также функционировало бы и в Евразийском союзе, поэтому рассмотрим применение «наднациональности» в Евразийском союзе.

Применение наднациональности в Евразийском союзе

29 марта 1994 г. в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова Президент Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев впервые выступил с идеей формирования Евразийского союза на основе единого экономического пространства и совместной оборонной политики: «Назрела необходимость в переходе на качественно новый уровень взаимоотношений наших стран на основе нового межгосударственного объединения, сформированного на принципах добровольности и равноправия. Таким объединением мог бы стать Евразийский союз. Он должен строиться на иных, чем СНГ, принципах, ибо основу нового объединения должны составить наднациональные органы, призванные решать две ключевых задачи: формирование единого экономического пространства и обеспечение совместной оборонной политики».

Евразийский союз — это интеграционный проект на евразийском пространстве, целью которого является экономическое и политическое сближение постсоветских стран, при этом проект потенциально открыт и для многих других стран Евразии. К настоящему моменту евразийская интеграция реализована в виде целого ряда союзов разного уровня и глубины, важнейшими из которых являются Таможенный союз ЕАЭС и Евразийский экономический союз².

Евразийский союз должен был развиваться, чтобы в последующем стать похожим в какой то мере на ЕС, а именно наднациональность должна была стать главным элементом развития в данной системе.

Но его развитие остановилось, или можно сказать движется очень медленно, не так как хотели представители государств при объединении. Наднациональность в ЕАЭС фигурирует номинально, ни кто не хочет уступать право лидерства в той или иной ситуации.

---

¹ Право Европейского союза: учеб. / под ред. С. Ю. Кашкина. 3-е изд. М.: Юрайт, 2011.

² Договор об учреждении Евразийского Экономического Сообщества. Принят Решением Межгосударственного Совета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан от 10 октября 2000 г. № 79, г. Астана.

Если мы хотим улучшить работу ЕАЭС, нам надо четко прописать, что наднациональность в Союзе превыше всего, как это сделано в ЕС. Страны, которые вступают в ЕС, видоизменяют внутреннее законодательство, чтобы в последующем оно не противоречило Союзу, когда страна вступит в него. Хоть у них и возникают коллизии в праве, они их решают, при этом союз развивается и вносит что-то новое в право.

Евразийский союз должен стать больше чем просто экономической интеграцией. В таком уникальном проекте мы должны учесть опыт и ошибки нашей общей истории. Построение должно проходить в интересах всех народов Евразии, но с укреплением системообразующей роли русского суперэтноса. Именно русский суперэтнос во все времена являлся фундаментом всех предыдущих проектов: Российской империи и СССР. И если этот фундамент разрушится, то постсоветское пространство станет легкой добычей для других более сплоченных цивилизаций.

Для создания крепкого союза всем лидерам стран-участников необходимо прийти к единому взгляду на Евразийский проект. В настоящее время политические элиты решают не стратегические вопросы, важные для общего пространства, а тратят время на решение своих частных задач.

Если мы хотим, чтобы в последующем наш союз так же развивался, как и в Европе надо находить тенденции для его развития.

А именно:

— предлагаю создать соглашение, а в последующем его усовершенствовать, для получения «конституции» ЕАЭС, в которой будут прописаны все пути решения по той или иной ситуации, также прописать в ней, что наднациональность это главный фактор его развития. В Конституции ЕАЭС было все прописано про его суверенитет, и что суверенитет стран входящих в союз, никак не будет ущемлен в той или иной степени;

— страны которые собираются вступить в союз, приводили свое законодательство на должный уровень, так как в последующем, могут возникнуть вопросы при вступлении в него, тогда законодательство страны и конституции союза не смогут работать в тандеме для развития.

При таком тенденции ЕАЭС выйдет на новый уровень и сможет решать не только экономические и таможенные вопросы, но и многие другие и принесет что-то новое при таком взаимодействии.

Право на прерывание беременности в России и Европе

Right to abortion in Russia and Europe

В конце прошлого года в Российском обществе возникла дискуссия, по поводу инициативы «об оплате государством аборт только по медицинским показаниям». Предлагалось сделать следующее.

1. В перечне услуг программы ОМС оставить аборт только по медицинским показаниям, когда беременность угрожает физическому или психическому здоровью женщины, при наличии аномалий развития плода или в случае, когда зачатие произошло насильственно.

2. Проводить аборт исключительно в медицинских организациях государственной системы здравоохранения.

3. Вести административную ответственность за нарушение порядка проведения аборта.

4. Направить высвобождающиеся в ФОМС средства на выплату пособия по беременности женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Указанное пособие выплачивать с момента постановки женщины на учет по беременности до дня наступления оплачиваемого отпуска по беременности и родам¹.

Данный «проект» был размещен на Интернет-ресурсе «Российская общественная инициатива», собрал подписи более 100 000 участников и был рассмотрен экспертной группой, получив заключение² и решение³ по данному вопросу.

Обозначенная проблема была признана крайне значимой, требующей принятия комплексных мер для уменьшения количества аборт на территории Российской Федерации. При этом, основываясь на заключении экспертов, меры, разработанные в общественной инициативе, считать необоснованными.

Вопрос законности аборт является для любого общества очень важным и острым. В 2016 г. Патриаршей Комиссией по вопросам семьи, защиты материнства и детства был согласовано обращение граждан к законодательной и исполнительной власти для сбора подписей за запрет аборт с участием представителей епархий и приходов Русской Православной Церкви. Далее приводится текст обращения:

«За прекращение существующей в нашей стране практики легального убийства детей до рождения, требуем внесения в законодательство изменений, направленных на:

1) признание за зачатым ребенком статуса человеческого существа, жизнь, здоровье и благополучие которого должны быть защищены законом;

---

¹ <https://www.roi.ru/21245/>

² https://www.roi.ru/upload/21245_заключение.pdf

³ https://www.roi.ru/upload/21245_решение.pdf

2) запрет хирургических и медикаментозных прерываний беременности;
3) запрет противозачаточных средств с abortивным действием;
4) запрет вспомогательных репродуктивных технологий, неотъемлемой составляющей которых является унижение человеческого достоинства и убийство детей, находящихся на начальных этапах эмбрионального развития;

5) оказание из федерального бюджета материальной помощи беременным женщинам и семьям с детьми на уровне не менее прожиточного минимума»¹.

Вопросы прерывания беременности основываются на моральных, этических, в отдельных случаях религиозных, но самое главное — правовых нормах. Российская Федерация как член Совета Европы и страна-участница Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. взяла на себя обязательства установления своего законодательства в соответствии с принципами гуманизма и демократии.

В настоящий момент Российское законодательство в отношении абортов является одним из самых либеральных. В ст. 56 «искусственное прерывание беременности» Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»² установлено следующее.

1. Каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве. Искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при наличии информированного добровольного согласия.

2. Искусственное прерывание беременности по желанию женщины проводится при сроке беременности до двенадцати недель.

3. Искусственное прерывание беременности проводится:

1) не ранее 48 часов с момента обращения женщины в медицинскую организацию для искусственного прерывания беременности:

а) при сроке беременности четвертая — седьмая недели;

б) при сроке беременности одиннадцатая — двенадцатая недели, но не позднее окончания двенадцатой недели беременности;

2) не ранее семи дней с момента обращения женщины в медицинскую организацию для искусственного прерывания беременности при сроке беременности восьмая — десятая недели беременности.

4. Искусственное прерывание беременности по социальным показаниям проводится при сроке беременности до двадцати двух недель, а при наличии медицинских показаний — независимо от срока беременности.

5. Социальные показания³ для искусственного прерывания беременности определяются Правительством Российской Федерации.

---

¹ <http://www.patriarchia.ru/db/text/4625720.html>

² Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017).

³ Социальным показанием для искусственного прерывания беременности является беременность, наступившая в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 131 Уголовного кодекса Российской Федерации (изнасилование).

6. Перечень медицинских показаний для искусственного прерывания беременности определяется уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

7. Искусственное прерывание беременности у совершеннолетней, признанной в установленном законом порядке недееспособной, если она по своему состоянию не способна выразить свою волю, возможно по решению суда, принимаемому по заявлению ее законного представителя и с участием совершеннолетней, признанной в установленном законом порядке недееспособной.

8. Незаконное проведение искусственного прерывания беременности влечет за собой административную или уголовную ответственность, установленную законодательством Российской Федерации¹.

Указанный и другие нормативно-правовые акты позволяют женщине совершать прерывание беременности без особых ограничений, в отличие от других стран Совета Европы. В Монако, Ирландии, Андорре аборт допускается только в случае угрозы жизни беременной. В Испании и Польше в случае изнасилования, инцеста, аномального развития плода и с целью физического и психического здоровья женщины. В Финляндии и Великобритании аборт разрешен и по социально-экономическим основаниям.

При этом, если законодательно данная процедура разрешена, то имеется ряд других ограничений, которые необходимо устранить. Такие как: стоимость процедуры (от 15 до 800€), время на «размышление», низкое качество услуг в различных странах, плохая информированность, порицание персонала и общества.

Анализируя практику ЕСПЧ по делам, связанным с прерыванием беременности, автор предлагает выделить несколько дел: Р. Р. против Польши²; З. против Польши³; А, В и С против Ирландии⁴.

В первом деле, после ультразвукового исследования, проведенного на 18-й неделе беременности, заявительница была уведомлена о возможности неправильного развития плода. Она выразила желание сделать аборт, если диагноз подтвердится. Ей было рекомендовано пройти генетическое исследование путем амниоцентеза⁵. После отказа в направлении на осуществление процедуры со стороны ее врача и ряда других врачей исследование

---

¹ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/5e5a1accfc61df97f5fc6b684e12cab5fee05e25/#dst100573

² Р. Р. против Польши [R. R. v. Poland], Постановление Европейского Суда от 26 мая 2011 г., жалоба № 27617/04.

³ З. против Польши [Z. v. Poland], коммуницировано 19 июня 2009 г., жалоба № 46132/08.

⁴ [A, B, and C v. Ireland], Постановление Большой Палаты Европейского Суда от 16 декабря 2012 г., жалоба № 25579/05.

⁵ Амниоцентез — пункция плодного пузыря. Применяется в акушерстве с целью получения околоплодных вод (Околоплодные воды) для биохимического, гормонального, иммунологического и цитологического исследований, позволяющих судить о состоянии плода. Обычно операцию проводят при сроке беременности более 14 нед.; в случае подозрения на генетически обусловленное заболевание или порок развития плода она может быть осуществлена и в более ранние сроки.

состоялось на 23-неделе. Она вновь безуспешно требовала сделать аборт. Когда она получила результаты (две недели спустя), подтверждающие, что плод страдает синдромом Тернера, согласно общим правилам и законам Польши аборт она сделать не могла. В результате чего она родила ребенка-инвалида. Врачи не давали направление по личным, моральным соображениям, чтобы беременность не прервали искусственно. А обратиться к другим специалистам не позволяли бюрократические ограничения.

Решением ЕСЧП были установлены нарушение ст. 3 и 8 ЕКПЧ, а также, «что практическое применение национального законодательства вошло в необъяснимое противоречие с теоретическим правом на законный аборт в Польше, и властями в деле заявительницы не соблюдены их позитивные обязательства по обеспечению уважения ее личной жизни»¹.

В качестве компенсации морального вреда суд присудил Р. Р. 45 000€.

Во втором деле Заявительницами по делу были три женщины, проживающие в Ирландии; одна из них является гражданкой Ирландии, а две остальные – гражданки Литвы, которые приехали в Соединенное Королевство в 2005 г. для выполнения аборта с целью прерывания нежелательной беременности (абортный туризм).

Первая женщина имела социальные основания (низкий уровень жизни), вторая не была готова воспитывать ребенка одна, а третья опасалась рецидива рака.

Заявительницы жаловались на тот факт, что невозможность выполнения аборта в законном порядке делала данную процедуру чрезмерно дорогостоящей, трудновыполнимой и травмирующей. Все три заявительницы ссылались на ст. 3 Конвенции, а третья, кроме того, на ст. 2. Первая и вторая женщины подали жалобу на основании ст. 8 относительно ограничения права на медицинский аборт в Ирландии, а третья – относительно отсутствия в Ирландии законов, обеспечивающих действие положения Конституции, признающего право на жизнь будущей матери. Более того, ограничения возлагали чрезмерное финансовое бремя на заявительниц в нарушение ст. 14, в особенности на первую, чьи финансовые возможности были крайне ограничены.

Европейский Суд расценил запрет на прерывание беременности первой и второй заявительницы как вмешательство в их право на неприкосновенность частной и семейной жизни, однако счел, что Ирландия в данном случае не выходит за рамки своего широкого усмотрения; в отношении третьей заявительницы, страдающей редкой разновидностью рака, власти Ирландии нарушили право на неприкосновенность частной жизни и допустили нарушение ст. 8. Нарушений других статей установлено не было.

Почему же не стоит вводить ограничения на свободное прерывание беременности, устанавливая разрешение только по медицинским показаниям или полностью запрещать аборт?

На Пленарной сессии ПАСЕ 16 апреля был заслушан доклад «Доступ к безопасному и легальному abortу в Европе»². В результате была принята

¹ <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=236308#0>

² http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2008%5D/%5BApr2008%5D/Res1607_rus.asp

следующая резолюция № 1607 (2008) в которой были выдвинуты следующее тезисы и предложения:

1) не должно происходить навязывание многочисленных, дискриминационных условий и ограничений;

2) необходимо создать условия и гарантии для эффективного осуществления права на аборт;

3) запрет на аборт приведет не к уменьшению их числа, а, главным образом, к практике тайных (подпольных) аборт, далее к увеличению смертности женщин;

4) для уменьшения числа аборт следует проводить просветительскую, научную, образовательную деятельность среди граждан, особенно молодежи;

5) женщина должна иметь возможность пользоваться правом на соблюдение личной неприкосновенности и правом свободно распоряжаться своим телом;

6) создать условия для свободного и осознанного выбора, никоим образом не пропагандируя аборт;

7) снять ограничения, которые юридически или фактически препятствуют доступу к безопасным аборт и, в частности, предпринять необходимые шаги по созданию адекватных условий для санитарной, медицинской и психологической помощи, обеспечив соответствующее финансирование;

8) при проведении информационно-просветительских кампаний делать акцент на семейные ценности.

Подводя итог, автор считает, что для осуществления прав и свобод человека и адекватного развития общества запрет аборт не может и не должен вводиться. Необходимо проводить социальную и просветительскую работу, направленную на сохранение и поддержание семейных ценностей.

О европейской модели отмены смертной казни

On European model of abolition of the death penalty

1. Морально-философские концепции смертной казни в истории Европы

Г. В. Ф. Гегель писал в «Философии права»: «Само слово «справедливость» (Gerechtigkeit) происходит от слова “мечь” (Rache). На ранней стадии развития государства справедливость есть мечь, и от субъективной воли потерпевшего зависит, заставит ли он преступника претерпеть то, что тот заслужил».

Современное общественное движение за отмену смертной казни имеет свои истоки в европейском Просвещении. Вплоть до XVIII в. смертная казнь практиковалась во всех западных системах правосудия. О радикальных аргументах, направленных против права правителя отнимать жизнь, по существу, не было неизвестно. Ситуация изменилась во второй половине XVIII в., когда в 1765 г. австрийский юрист Джозеф фон Зонненфельд, критикуя смертную казнь, как противоречащую целям наказания, призвал использовать ее только в тех случаях, когда другие средства защиты общественной безопасности являются недостаточными. Первая последовательная и системная аргументация против права государства на убийство была дана в 1764 г. Чезаре Беккариа, 26-летним итальянским дворянином, который опирался на идеи Локка и Руссо. В своих эссе 1775 и 1831 гг. Иеремия Бентам провел более общий критический анализ моральных и политических аспектов смертной казни, более полный, чем этот делали его великие предшественники: Гоббс, Локк, Монтескье, и Руссо.

2. Особенности отмены смертной казни в странах Европейского союза

В политическом трактате «К вечному миру» Кант, также осуждавший смертную казнь, напутствовал: «Ищите, прежде всего, царство чистого практического разума и его справедливость, и ваша цель (благодать вечного мира) приложится сама собой». В современном мире, где реально существует угроза массового уничтожения, принципы справедливого миротворчества легли в основу работы представителей интеллектуальной элиты общества: ученых, общественных активистов и лидеров церкви, которые видят логическую необходимость отмены смертной казни в мировом масштабе.

В 1827 г. в Бельгии будущий инспектор тюрем Эдуард Дюкретюа (Edouard Ducrétiaux) в 23 года опубликовал свой первый объемный труд, осуждающий применение смертной казни на основе аргументов Бекариа и пенитенциарных практик. В 1863 г. власти страны договорились о неофициальном запрете смертной казни. В 1996 г. смертная казнь в Бельгии была официально отменена, и за этим последовала ратификация 6-го и 13-го дополнительных протоколов к Европейской конвенции о защите прав человека. В 2005 г. отмена смертной казни была официально закреплена в Конституции Бельгии.

Франция, последняя из трех крупнейших государств-членов ЕС отменила смертную казнь, сделал это только в 1981 г. С начала 2000-х гг. против смертной казни в европейских странах высказывается большинство.

Во многих странах Европы смертная казнь была отменена после вступления в Совет Европы и Европейский союз. В настоящее время во всех государствах-членах Европейского союза отменена смертная казнь. Из государств-членов Совета Европы, не вступивших в Европейский союз, смертная казнь сохранена только в РФ, в которой действует мораторий на ее назначение и исполнение. Единственным государством Европы, сохраняющим смертную казнь без установления моратория, является Белоруссия, которая не состоит ни в Европейском союзе, ни в Совете Европы, но состояла в числе стран-наблюдателей в Совете Европы, из которого была исключена в 1997 г. за отказ ввести мораторий на смертную казнь и отменить данное наказание. При этом в числе стран-наблюдателей в Совете Европы остаются Япония и США — страны, сохраняющие и применяющие смертную казнь. В настоящее время Белоруссия является единственной страной СНГ и постсоветского пространства в целом, применяющей смертную казнь.

3. Развитие гуманистической идеи об отмене смертной казни в России

«Внутреннее бессмыслие доктрины возмездия, или “отмстительной справедливости”, подчеркивается тем, что, за исключением немногих случаев, она не имеет никакого отношения к существующим уголовным законам. Строго говоря, случай кажущегося ее применения только один: смертная казнь за убийство», — писал В. С. Соловьев в работе «Добро чрез историю человечества».

В России до 1917 г., как и в Великобритании с 1964 по 1998 г., и на Кипре с 1983 по 2002 г., смертная казнь была отменена первоначально за убийство, а затем за другие преступления. Отмена смертной казни сначала за большинство или за все виды убийств, а затем за все преступления нарушает принцип справедливости, поскольку убийство является основным наиболее тяжким преступлением, нарушающим право человека на жизнь и позволяющим скрыть другие преступления, за совершение которого справедливо предоставление суду права на назначение виновному лицу высшей меры наказания, предусмотренной уголовным законом. Поэтому, если такой мерой наказания является смертная казнь, необходимо ее установление за наиболее тяжкие виды убийств, в частности, за массовые убийства, совершенные при геноциде или других особо тяжких преступлениях, посягающих на жизнь человека. В противном случае необходима полная отмена смертной казни для исключения случаев ее назначения лицам, не имеющим склонности к тяжким насильственным преступлениям, или случаев совершения убийств в целях сокрытия преступлений, за совершение которых предусмотрена смертная казнь

Несправедливое распределение наказания в виде смертной казни встречалось в законодательстве России и СССР, при этом смертная казнь отменялась, без ее отмены за все преступления, за общеуголовное убийство и другие общеуголовные преступления, но за преступления, сходные по

признакам с преступлениями террористического характера, предусмотренными УК РФ, как правило, всегда предусматривалась смертная казнь, при ее наличии в законодательстве.

Заключение

Проблема отмены смертной казни имеет древнюю историю и является более философской, чем социальной проблемой. О необходимости отмены смертной казни задумывались и заявляли философы, юристы и политики Древнего мира, Средневековья, эпохи Возрождения, а также Нового и Новейшего времени. Это – обязательное условие для государств, намеревающихся вступить в Совет Европы и в Европейский союз, либо сохранить членство в них, а также для любых государств, желающих встать на путь демократического развития. Отмена смертной казни позволяет избежать неустрашимых или невыявляемых судебных ошибок и несправедливых судебных решений, лишаящих права на жизнь одного преступника и сохраняющих его другому такому же опасному преступнику по причин: его невменяемости, отнесения его к категориям осужденных, которым не может быть назначена смертная казнь, мнения судьи о возможности назначения ему иного наказания, последующей отмены смертного приговора и т. п.

Западноевропейские модели отмены смертной казни трудно, но успешно применялись и в других странах. Европейский опыт показал, что такие проблемы, как отмена смертной казни, могут потребовать от правительств в целях демократии игнорировать мнение большинства граждан. Эта гуманистическая идея, которая популярна в юридических сообществах по всему миру, часто получает неоднозначную реакцию среди обычных граждан. Отмена смертной казни отражает те гуманистические ценности, которые играют центральную роль в мирном строительстве послевоенной Европы: уважение прав человека, восстановительное правосудие и отторжение практик диктатуры государства.

Тенденции развития информационного взаимодействия между государствами – членами Европейского союза

Development trends in information interaction between the European Union Member States

В настоящее время трансграничная преступность является не просто ключевой, базовой проблемой для всего мира, в том числе, для государств-членов Европейского союза, она представляет собой угрозу как для внутренней безопасности государств-членов Европейского союза, так и для глобальной безопасности, и может причинить значительный экономический и социальный ущерб.

Ввиду своего трансграничного характера, такого рода преступления не могут быть пресечены каждым государством в отдельности. Феномен трансграничной преступности требует целенаправленного и всестороннего подхода, включая оперативное применение различных механизмов международного сотрудничества. Поэтому, на сегодняшний день выделяется ряд особо важных направлений международной борьбы с преступностью, и помимо правотворческого процесса, выделяют:

- обсуждение проблем предупреждения преступности;
- информационный обмен опытом, оперативной информацией, сведениями;
- координация государств-членов на договорно-правовом уровне¹.

Необходимо отметить, что реформа правовых основ деятельности Европейского союза, которая была проведена в связи с принятием Лиссабонского договора в 2007 г., реорганизует уголовно-правовую политику полицейского и судебного сотрудничества государств-членов Европейского союза из межнациональной в наднациональную плоскость регулирования.

Одним из направлений реорганизации деятельности Европейского союза является сотрудничество государств-членов по вопросам борьбы с преступностью. Соответственно, инструментом реализации полицейского сотрудничества в рамках Европейского союза выступает Европейское полицейское ведомство² (Европол).

С 1 января 2010 г. Европол осуществляет свою деятельность на основе принятого 6 апреля 2009 г. Решения Совета Европейского союза о создании Европейского полицейского ведомства (Европола).

---

¹ См.: *Смирнов П. А.* Понятие и содержание международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства как одно из направлений международной борьбы с преступностью // *Международное уголовное право и международная юстиция.* 2011. № 1.

² Также используется равнозначный термин «Европейская полицейская организация».

В соответствии с указанным Решением помимо организационных механизмов, перечислены цели создания и функционирования Европола, которыми провозглашены, во-первых, поддержка деятельности компетентных органов государств-членов, образованных в соответствии с национальным законодательством и наделенных полномочиями в сфере профилактики преступлений и противодействия преступности¹, во-вторых, усиление сотрудничества государств-членов в предотвращении транснациональной организованной преступности, терроризма и других тяжких форм преступлений, которые затрагивают два или более государств-членов, и, в-третьих, взаимодействие в борьбе с данными явлениями.

Более того, указанной статьей закреплен термин «компетентные органы» Европола, под которыми понимаются все существующие в государствах-членах публичные учреждения, обладающие в соответствии с национальным законодательством компетенцией в области предотвращения преступности и борьбы с преступностью.

Соответственно, для достижения целей, содержащихся непосредственно в Решении и являющихся основой функционирования Европейского полицейского ведомства, необходимо своевременное и эффективное обеспечение информационного обмена между государствами-членами Европейского союза, сбор информации, ее анализ и обобщение о совершенных и готовившихся преступлениях, а также о лицах совершивших их. Этот механизм подразумевает под собой незамедлительный обмен между уполномоченными правоохранительными органами государств-членов сведений, касающихся преступлений и лиц, так называемой «оперативной информацией».

Также Европол осуществляет безотлагательное предоставление особо важной информации национальным правоохранительным структурам, содействует более оперативному и эффективному расследованию преступлений в государствах-членах, путем, в том числе, обеспечения материально-техническими средствами.

Таким образом, главное предназначение Европола заключается в обеспечении порядка и безопасности на территории Европейского союза не только с помощью информационного обмена оперативными сведениями между правоохранительными органами государств-членов, но и путем выработки усовершенствованных способов расследования преступлений как трансграничной преступности, которая имеет разветвленную структуру, «каналы связи» и прочую преступную атрибутику, так и раскрытие преступлений, совершаемых лицами «в одиночку».

Поэтому в целях недопустимости распространения такого опасного явления как трансграничной преступности, необходимо принятие дополнительных мер, которые будут основываться на глобализации и возможностях информационных технологий.

---

¹ См.: *Эттин Л. М.* Европейское право. Право Европейского союза и правовое обеспечение защиты прав человека: учебник для вузов. М.: Норма, 2009; *Трыканова С. А., Орина И. В.* Актуальные проблемы европейского права: учебное пособие. М.: Флинта: МПСИ, 2008.

Кроме того, необходимо упомянуть об информационных технологиях, которые на протяжении последних лет выводят преступность на новый уровень, усложняя работу полицейским органам государств-членов Европейского союза.

Исходя из вышеизложенного, несложно сделать вывод о том, что трансграничная преступность становится все более актуальной проблемой для многих государств-членов Европейского союза.

В первую очередь, необходима выработка специализированного подхода к разрешению, или хотя бы к первым шагам к ликвидации трансграничной преступности. Отдельные действия государств-членов и получение разовых результатов не будут способствовать выработке общей позиции и осуществлению совместных мер в борьбе с трансграничной преступностью.

Для выполнения вышеуказанных целей, Европол обладает компьютеризированной информационной системой, которая содержит ряд необходимых сведений для расследования и раскрытия преступлений.

Информационное взаимодействие в сфере полицейского взаимодействия и сотрудничества между государствами-членами Европейского союза осуществляется с помощью Шенгенской информационной системой, которая регулируется Регламентом Европейского парламента и Совета № 1986/2006 от 20 декабря 2006 г. об учреждении, функционировании, и использовании Шенгенской информационной системы второго поколения (SIS¹II) и Регламентом Европейского парламента и Совета Европейского союза № 1987/2006 от 20 декабря 2006 г. о доступе служб государств-членов, ответственных за регистрацию транспортных средств, и Решение Совета Европейского союза № 2007/533/ПВД от 12 июня 2007 г. об Учреждении, функционировании и использовании SISII.

В связи с тем, что визовая политика Европейского союза подразумевает под собой «стирание» границ между государствами-членами, в рамках взаимодействия правоохранительных органов обеспечивается контроль над границами Европейского союза, в том числе, возможность полиции одного государства осуществлять преследование подозреваемого лица на территории другого государства «по горячим следам».

На основании вышеизложенного, возникает ряд вопросов по обеспечению взаимодействия правоохранительных органов.

Во всех государствах в какой-либо форме существует картотеки, так называемые источники информации, которые содержат обработанные данные. В связи с этим возникает закономерный вопрос: насколько эффективно собирать такие сведения отдельно друг от друга, абстрагировано от всех государств?

Если полиция в одном государстве-члене собирает информацию и несет ответственность за сбором и управлением информацией, находящейся в его распоряжении, существует ли общие стандарты? Оценки и анализа информации? Ведутся ли полицейские досье, архивы или картотеки информации? Содержатся ли сведения о привлечении к уголовной ответственности и отпечатки пальцев?

---

¹ Шенгенская информационная система (Schengen Information System – SIS).

Таким образом, для более высокого, качественного и эффективного взаимодействия правоохранительных органов государств-членов Европейского союза требуется тесное и продуманное сотрудничество, наиболее регламентированный обмен информацией, которую можно использовать в расследовании и раскрытии преступлений, имеющих трансграничный характер.

Так, примером информационного обмена может послужить направление информации о готовившейся террористической атаке или сведений о лице, причастном к данному деянию.

В настоящее время наглядно можно наблюдать результат несвоевременности обмена оперативными сведениями, в связи чем на территории европейских государств происходят террористические атаки со множеством жертв. Именно для предотвращения недавних событий Европейскому полицейскому ведомству отведено особое место в организационном механизме Европейского союза – организация международного сотрудничества в области противодействия трансграничной преступности.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что Европейское полицейское ведомство является именно тем механизмом, который способен на практике оказать содействие по борьбе с трансграничной преступностью и применить единые стандарты в области противодействия преступности.

Что представляет собой Седьмая программа деятельности ЕС в области окружающей среды до 2020 г.

Basic features of the EU Seventh Environment Action Programme

Европейский союз (ЕС) уже более 40 лет осуществляет собственную политику в области окружающей среды. За это время организацией были проведены значительные по масштабу мероприятия природоохранного характера, создана правовая база для регулирования и координации экологической деятельности государств-членов, разработаны и внедрены новые подходы к защите и улучшению качества окружающей среды. ЕС в настоящее время является одним из мировых лидеров в сфере международного природоохранного сотрудничества. При этом экологическая политика и деятельность ЕС в целом неразрывно связаны с глобальными мероприятиями в сфере защиты окружающей среды, в том числе проводимыми под эгидой ООН.

Сегодня защита окружающей среды является одним из приоритетных направлений деятельности ЕС наряду с другими направлениями интеграции. ЕС обладает широкой компетенцией в области охраны окружающей среды, в этой сфере издается значительное количество общеевропейских нормативных актов. ЕС обладает также необходимыми полномочиями на осуществление международного сотрудничества в экологической сфере и в области окружающей среды¹.

Практическая деятельность Европейского союза в области экологии строится на основе специальной среднесрочной программы действий в отношении окружающей среды. Программа действий Сообщества в области окружающей среды – это политико-правовой документ, определяющий приоритетные мероприятия организации на ближайшую перспективу и устанавливающий конкретные цели и задачи, достигнуть и выполнить которые Сообществу под силу исходя из современной ситуации².

За все время проведения экологической политики было принято семь таких программ: в 1973, 1977, 1983, 1987, 1993, 2002 и 2013 гг. Современная Седьмая программа деятельности ЕС в области окружающей среды до 2020 г. «Улучшение качества жизни на основе имеющихся ресурсов нашей планеты» была утверждена решением Европейского парламента и Совета ЕС № 1386/2013/ЕС от 20 ноября 2013 г. (далее – Решение). Как и в 2002 г., утверждение новой программы было проведено на основе решения Ев-

---

¹ *Матвеева Е. В.* Экологическая политика Евросоюза // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 6. С. 311–312.

² *Право Европейского союза: учебное пособие / С. Ю. Кашкин, А. О. Четвериков, П. А. Калининченко [и др.]; отв. ред. С. Ю. Кашкин. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проект, 2013. С. 226.*

ропейского парламента и Совета ЕС, а не на основе резолюции Совета и представителей государств-членов, как это имело место при утверждении пяти предыдущих экологических программ. Однако, в отличие от Шестой программы, которая действовала в течение 10 лет, Седьмая охватывает меньший период времени – 7 лет.

В рассматриваемом документе отмечается, что благодаря предыдущим программам удалось достичь определенных успехов в улучшении экологической ситуации в мире, однако все еще существует множество проблем, которые необходимо решать.

В соответствии со ст. 192 (3) Договора о функционировании Европейского союза¹ общая программа деятельности предусматривает цели, подлежащие достижению в приоритетном порядке. Важно то, что данные цели Европейского союза на 2020 г. установлены в соответствии с четкими долгосрочными прогнозами на 2050 г. Согласно ст. 2 Решения приоритетными целями Седьмой программы деятельности в области окружающей среды являются:

- 1) защита, сохранение и увеличение природного капитала ЕС;
- 2) превращение Европейского союза в ресурсосберегающую, «зеленую» конкурентоспособную низкоуглеродную экономику;
- 3) защита граждан Европейского союза от негативных экологических явлений и рисков для здоровья и благополучия;
- 4) максимизация преимуществ законодательства ЕС в области окружающей среды посредством совершенствования его имплементации;
- 5) совершенствование базы данных и доказательной базы для политики Европейского союза в области окружающей среды;
- 6) привлечение инвестиций в политику в области окружающей среды и изменения климата, а также устранение ущерба, причиняемого в результате воздействия на окружающую среду;
- 7) совершенствование экологической интеграции и последовательности политики;
- 8) укрепление устойчивого развития городов Европейского союза;
- 9) повышение эффективности ЕС в решении международных проблем в области окружающей среды и изменения климата.

Все приоритетные цели разбиты на 3 блока: тематические приоритеты (цели № 1, 2, 3), нормативно-правовая база (цели № 4, 5, 6, 7) и решение задач на местном, региональном и мировом уровне (цели № 8, 9).

Начнем с тематических целей. Они взаимосвязаны и их следует достигать параллельно. Меры, принятые в рамках одной цели, зачастую будут содействовать достижению других. Так, повышение эффективности использования ресурсов позволит уменьшить давление на природный капитал, а повышение устойчивости природного капитала Европейского союза принесет пользу здоровью и благополучию человека. Меры по смягчению изменений климата и по адаптации к ним повысят устойчивость экономики и общества ЕС, стимулируя инновации и защищая природные ресурсы Европейского союза.

---

¹ Договор о функционировании Европейского союза (Рим, 25 марта 1957 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.).

В целях защиты, сохранения и увеличения природного капитала ЕС планируется к 2020 г. остановить сокращение биоразнообразия и ухудшение качества экосистемных услуг, снизить влияние негативных факторов на промежуточные, прибрежные, пресные и морские воды, уменьшить загрязнение атмосферы и его влияние на экосистемы и биоразнообразие, организовать рациональное использование земельных участков, почвы и лесных массивов. Все это требует, в первую очередь, активной имплементации многочисленных стратегий ЕС, регулирующих вышеперечисленные сферы.

Второй приоритетной целью является превращение Европейского союза в ресурсосберегающую, «зеленую» конкурентоспособную низкоуглеродную экономику, которая использует ресурсы эффективно и рационально. Предлагается ликвидировать зависимость между экономическим ростом и использованием ресурсов и энергии, произвести структурные изменения в производстве, технологиях и инновациях, а также в моделях потребления и образа жизни, что позволит снизить общее воздействие производства и потребления на окружающую среду. Управление отходами как ресурсом будет осуществляться безопасно в целях предотвращения вреда здоровью и экологии.

Огромную роль в достижении поставленных целей будет играть стимулирование государственных и частных исследований, а также инновационных усилий, требуемых для разработки и внедрения инновационных технологий, систем и бизнес-моделей, которые ускорят переход к низкоуглеродной, ресурсосберегающей, безопасной, устойчивой экономике и снизят стоимость такого перехода.

В целях защиты граждан ЕС от негативных факторов, связанных с окружающей средой, и рисков для здоровья и благополучия, Седьмая программа гарантирует, что к 2020 г. качество атмосферного воздуха и воздуха в помещениях в Европейском союзе значительно улучшится и приблизится к стандартам, рекомендованным Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), а шумовое загрязнение значительно снизится. Достичь этого предлагается с помощью имплементации усовершенствованной политики ЕС в области шума и качества воздуха в соответствии с последними научными достижениями, а также внесения улучшений в проектирование городов.

Добавлю, что Программа предусматривает необходимость минимизации использования опасных для окружающей среды и здоровья человека веществ, включая химические вещества в продукции.

Достижение вышеупомянутых приоритетных тематических целей требует нормативно-правовой базы в поддержку эффективных действий. Будут приняты меры по укреплению четырех ключевых основ такой нормативно-правовой базы: усовершенствование имплементации законодательства ЕС об окружающей среде во всех областях; повышение уровня научных знаний и доказательной базы для политики в области окружающей среды; привлечение инвестиций и создание правильных стимулов для защиты окружающей среды; и, наконец, совершенствование экологической интеграции и последовательности политики как в рамках самой экологической политики, так и между экологической политикой и иными областями политики.

Основным приоритетом на ближайшие годы станет максимизация преимуществ законодательства ЕС в области окружающей среды посредством

совершенствования его имплементации. Между государствами-членами ЕС, а также внутри таких государств имеются существенные различия в имплементации. Следует обеспечить лиц, участвующих в имплементации экологического законодательства на уровне Европейского союза, на национальном, региональном и местном уровнях, знаниями, инструментами и возможностями по использованию преимуществ этого законодательства, а также по совершенствованию управления процессом правоприменения.

Большое количество нарушений, жалоб и петиций, связанных с окружающей средой, свидетельствует о необходимости создания на национальном уровне эффективной функциональной системы сдержек и противовесов, которая поможет выявить и разрешить проблемы имплементации, а также принятия мер, которые помогут предотвратить изначальное возникновение таких проблем, в частности, взаимодействие между соответствующими администрациями, ответственными за имплементацию, и экспертами на стадии разработки политики.

Пятой приоритетной целью является совершенствование базы данных и доказательной базы для политики Европейского союза в области окружающей среды. Для ее реализации потребуются:

- координация, обмен и поощрение научных исследований на уровне Европейского союза и государств-членов ЕС в целях устранения основных пробелов в знаниях об окружающей среде;

- упрощение, рационализация и модернизация сбора, управления, обмена и повторного использования информации и данных об окружающей среде и о климатических изменениях;

- активизация сотрудничества на международном уровне, а также на уровне Европейского союза и государств-членов ЕС в области взаимодействия между наукой об окружающей среде и политикой.

Следующая цель: привлечение инвестиций в политику в области окружающей среды и изменения климата, а также устранение ущерба, причиняемого в результате воздействия на окружающую среду. Седьмая программа закрепляет, что к 2020 г. цели политики в области окружающей среды и изменения климата будут достигнуты экономичным способом и обеспечены достаточным финансированием, которое будет увеличено и со стороны государственного, и со стороны частного сектора. Для успешной реализации этой цели очень важно правильно определить стратегии финансирования, принять целенаправленные меры, гарантирующие полноценное и эффективное использование имеющихся средств для проведения экологических мероприятий, в частности, мониторинг и отчетность.

Одной из таких стратегий является незамедлительное исключение субсидирования экологически вредных видов деятельности на уровне Европейского союза и государств-членов ЕС, расширенное использование рыночных инструментов, таких как налоговая политика, ценообразование и введение обременений в государствах-членах ЕС, а также расширение рынков экологически чистых товаров и услуг.

Для совершенствования экологической интеграции и последовательности политики на уровне Европейского союза и государств-членов ЕС будут разработаны и имплементированы отраслевые стратегии, которые обе-

спечат поддержку соответствующих целей и задач в области окружающей среды и изменения климата. Директива о стратегической экологической оценке¹ и Директива об оценке воздействия на окружающую среду² при их правильном применении представляют собой эффективные инструменты для обеспечения интеграции требований к защите окружающей среды.

Третий блок целей посвящен решению задач на местном, региональном и мировом уровне.

Седьмая программа деятельности ЕС в области окружающей среды до 2020 г. подчеркивает необходимость обмена наилучшими практиками между городами Европейского союза и на международном уровне в отношении инновационного и устойчивого развития городов. Под этим развитием понимается усовершенствование городской среды посредством инновационной, безопасной и низкоуглеродной экономики, эффективного использования ресурсов, сохранения биоразнообразия городов, устойчивости экосистем, участия населения в принятии решений, а также экологического образования и просвещения.

Последней приоритетной целью является повышение эффективности Европейского союза в решении международных проблем в области окружающей среды и изменения климата. Европейский союз и государства-члены ЕС должны активно участвовать в международных, региональных и двусторонних переговорах решительно и целенаправленно в едином и согласованном порядке, так как большинство вышеперечисленных приоритетных целей могут быть в полной мере достигнуты только в рамках общего подхода и только в сотрудничестве со странами-партнерами, с зарубежными странами и территориями. Отмечается, что Европейский союз будет оказывать эффективную поддержку национальным, региональным и международным усилиям по решению проблем в области окружающей среды и изменения климата, а также обеспечению устойчивого развития.

Подводя итоги, можно сказать, что Седьмая программа деятельности ЕС в области окружающей среды в настоящее время является центральным документом в природоохранной сфере на европейском континенте. Программа содержит 9 приоритетных целей, в соответствии с которыми будет проводиться единая экологическая политика. Учитывая масштабы предсказываемых мероприятий и характер деятельности ЕС, нет сомнений, что данный документ окажет большое влияние на экологическую ситуацию не только в ЕС, но и во всем мире.

---

¹ Директива 2001/42/ЕС Европейского парламента и Совета от 27 июня 2001г. о проверке экологических воздействий определенных планов и проектов.

² Директива Совета 85/337/ЕЭС от 27 июня 1985 г. по оценке воздействия некоторых государственных и частных проектов на окружающую среду (с изменениями и дополнениями, внесенными Директивой Совета 97/11/ЕС от 3 марта 1997 г.).

Интеграция в сфере академического и профессионального признания в Европейском союзе: особенности и перспективы развития

Integration in the field of academic and professional recognition in the European Union: specific traits and perspectives of future development

Термин «интеграция» имеет латинское происхождение. Латинское слово *integratio* в переводе означает «соединение». Интеграцию определяют как процесс создания оптимальных механизмов и алгоритмов правового регулирования общественных отношений, направленных на достижение совершенствования и саморазвития общества в его стремлении к более целостному, цивилизованному развитию¹. Этот процесс может осуществляться на различных уровнях. О. В. Буторина отмечает, что интеграция на регионально уровне может:

- охватывать внутреннюю и внешнюю политику государств-членов. Например, в Европейском союзе (далее – ЕС) действуют общие правила конкуренции и принципы государственной бюджетной политики, существует гражданство ЕС;
- охватывать многие сферы общественной жизни: экономику, политику, право, экологию, миграцию рабочей силы, образование и др.;
- иметь общие органы и нормативную базу².

На сайте ЕС региональная интеграция определена, как процесс преодоления барьеров, разделяющих соседние страны, по общему согласию, и совместное управление общими ресурсами и активами. ЕС выступает примером такой региональной интеграцией для эффективного обеспечения процветания, мира и безопасности³.

В контексте международных отношений и их правового регулирования термин «интеграция» означает процесс объединения государств для достижения совместных целей в определенной сфере общественных отношений. В свою очередь, вид и степень интеграции зависят от поставленных целей⁴.

---

¹ Основы интеграционного права. Учебное пособие / отв. редактор С. Ю. Кашкин. М.: Проспект, 2014. С. 10–11.

² См.: Европейская интеграция. Учебник / отв. редактор. О. В. Буторина. М.: Деловая литература, 2011. С. 16–17.

³ International cooperation and development Электронный ресурс URL <https://ec.europa.eu/europeaid/sectors/economic-growth/regional-integrationen> (дата обращения: 14.02.2016). Р. 5.

⁴ *Остапенко Ю. С.* Понятие, формы и правовые последствия экономической интеграции государств. Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. Выпуск 2013 г. № 4.

Такое развитие интеграционных процессов характеризуется теорией функционализма (англ. functionalism). Функционализм представляет собой теорию международных отношений, сформулированную Дэвидом Митрани.

Характерной чертой интеграции в ЕС является ее неодинаковость для тех или иных секторов, что также отражается в различном объеме компетенции ЕС в тех или иных областях, а также ее периодическое расширение. М. Н. Марченко называет такую интеграцию секторной. На основании такой неравновесности интеграционных процессов выделяют теорию интеграции, которую можно интерпретировать как теорию многоуровневого правления (англ. — Multilevelgovernance (MLG)), или, как некоторые ее называют, организационная модель (англ. — anorganisingmetaphor)¹. Согласно этой теории, процесс принятия решений осуществляется на нескольких территориальных уровнях и власть может варьироваться между различными уровнями в зависимости от области ее осуществления.

Таким образом, интеграция — это весьма многогранное понятие, процесс интеграции в той или иной области общественных отношений имеет свои особенности. Так можно говорить об интеграции в экономическом секторе или в секторе образования. Обе эти области характеризуются неодинаковым характером общественных отношений, более того цели самой интеграции могут быть вариативными, немаловажную роль играет степень интеграции, ее объем и уровень.

Так, неодинаков характер интеграции в области профессионального и академического признания. Академическое признание — признание иностранной квалификации с целью дальнейших исследований. Основная задача академического признания заключается в оценке, может ли заявитель продолжать исследования в выбранном направлении и на выбранном уровне.

Профессиональное признание — это признание иностранной квалификации с целью занятия определенной профессией. Предметом оценки профессионального признания является оценка способности заявителя осуществлять профессиональные навыки, их достаточность для осуществления определенной профессии в принимающем государстве².

Итак, академическое признание означает признание дипломов, квалификаций или периодов обучения любого образовательного учреждения. Это очень важный инструмент для мобильности студентов. Профессиональное признание касается оценки знаний и компетентности конкретного человека. Они могут быть удостоверены дипломом, подтверждающим успешное завершение образовательного уровня, с помощью документа, подтверждающего осуществление регулируемой профессии де-факто или посредством компенсационных мер. Результатом этого процесса является решение, в отношении оценки способен ли человек заниматься профессией или нет.

И профессиональное и академическое признание реализуются в рамках определенной системы. Последняя не является однородной и отличает-

---

¹ *Rosamond B.* New Theories of European Integration. European Union Politics. 3rd edition. Oxford: OUP, 2010. P. 117.

² *Rauhvargers A.* Recognition of foreign qualifications. Last revised. August 2004. P. 4.

ся целями, областью применения, а главное механизмом реализации. Все это накладывает отпечаток на характер интеграции в данной области, или точнее говорит о различной ее степени и уровне, что находит отражение в механизме признании обеих систем.

Соотношения академического и профессионального признания следует начать с общих моментов, объединяющих данные системы. Во-первых, и академическое, и профессиональное признание являются видовым примером признания вообще, т. е. обе системы признания осуществляются в определенном спектре правоотношений. Во-вторых, академическое и профессиональное признание объединены понятием квалификация, которое является системообразующим фактором для обеих систем признания. В-третьих, механизмы одной системы признания, например академического могут быть применены для системы профессионального признания и на оборот. То есть обе системы объединены общностью категорий и механизма, процессуальными и материальными аспектами.

Тем не менее, цели и области применения данных система различны. Так, профессиональное признание, способствуя экономической мобильности лиц характерно для экономической области, а точнее права внутреннего рынка. Академическое же признание, имея отношения к области образования и культуры, реализуется в рамках другой области правоотношений и преследует иные цели. Из этого основного отличия двух систем признания вытекают особенности реализации механизма интеграции в области профессиональной и академической мобильности. Наиболее яркой особенностью в данном контексте будет отсутствие у ЕС компетенции по изданию актов гармонизации в области образования и культуры.

Поскольку система профессионального признания относится к совместной компетенции, ввиду того, что профессиональная мобильность является составляющей свободы передвижения лиц, одной из свобод внутреннего рынка. Система же академического признания к таковой не относится, в связи с чем, для регламентации академического признания, государства-члены ЕС используют нормативные акты Совета Европы (далее – СЕ). В соответствии со ст. 6 Договора о функционировании Европейского союза образование, профессиональное обучение, молодежь и спорт относятся к вспомогательной компетенции. То есть компетенции, направленной на поддержку, координацию или дополнение деятельности государств-членов. В рамках этой компетенции ЕС не наделен полномочиями издавать юридически обязательные акты и проводить гармонизацию законодательных и регламентарных положений государств-членов. Таким образом в сфере образования и академической мобильности ЕС может только оказывать различные виды содействия, в том числе и финансами. К мерам по содействию можно отнести и рекомендации, издаваемые ЕС в данной области. В этом прямое отражение секторной интеграции в ЕС, проявляющейся в его компетенции и типе нормативных актов.

Основным международно-правовым документом для академического признания является Конвенция Совета Европы и Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (далее – ЮНЕСКО)

о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе»¹ (далее – Лиссабонская конвенция).

Будучи инструментом европейской интеграции в сфере образования Лиссабонская конвенция создала гибкую систему, основанную на признании взамен эквивалентности. Конвенция была подписана не только европейскими государствами, но и США, Канадой и Израилем. Некоторые неевропейские страны получили право подписывать Лиссабонскую Конвенцию в качестве преемников бывшего Советского Союза. Конвенция выходит за пределы региональной интеграции и ее роль велика и для России. Участниками Конвенции являются и другие государства-члены Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), а также государства-члены ЕС, что говорит о некоей интеграции регионов, или интеграции интеграций.

Следует также отметить, что если интеграцию в ЕС можно отнести к неофункционализму или даже скорее к многоуровневому правлению, то интеграция в СЕ тяготеет к функционализму. Отсюда, несмотря на общие черты и регламентацию вопросов международной мобильности между государствами-членами ЕС нормативные механизмы обеих систем, все же различны.

Основными чертами академического признания являются:

- 1) осуществляется с целью продолжения дальнейших исследований;
- 2) регулируется: международными конвенциями, двусторонними или многосторонними соглашениями между государствами, программами сотрудничества в области образования;
- 3) оценка осуществляется: национальными академическими информационными центрами по признанию (ENIC и NARIC) и высшими учебными заведениями;
- 4) решение о признании принимается: высшими учебными заведениями и национальными органами по признанию (некоторые страны)².

Поскольку вопросы образования находятся за пределами полномочий ЕС по изданию актов гармонизации, то охарактеризованная выше система академического признания представлена в своей регламентации Лиссабонской конвенцией³. В отношении системы профессионального признания напротив обязательные акты ЕС образуют основу данной системы

В настоящее время вопрос взаимного признания профессиональных квалификаций в ЕС урегулирован Директивой № 2005/36/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС о признании профессиональных квалификаций с поправками, внесенными Директивой № 2013/55/ЕС Европейского Парламента и Совета от 20 ноября 2013. В свою очередь основными чертами профессионального признания являются:

---

¹ Convention on the Recognition of Qualification Concerning Higher Education in the European Region. Lisbon, 11.IV.1997. (ETS № 165).

² *Rauhvargers A.* Recognition of foreign qualifications. Last revised. August 2004. P. 5.

³ *Kudrová V.* Recognition of Qualifications: EU Law // COFOLA 2008 URL: <https://www.law.muni.cz/sborniky/cofola2008/files/evropa.html>

- 1) осуществляется для целей трудоустройства;
- 2) регулируется: национальным законодательством, директивами ЕС, документами, принятыми международными профессиональными ассоциациями;
- 3) оценка осуществляется: работодателями, государственными и профессиональными органами (часто по совету центров ENIC и NARIC);
- 4) решение о признании принимается: работодателями (для нерегулируемых профессий) профессиональными или государственными органами (для регулируемых профессий)¹.

Сопоставляя основные черты систем академического и профессионального признания, целесообразно отметить, что несмотря на отличия в уровне интеграции (имеются в виду интеграционные рамки, организации, через механизмы которых реализуется признание) элементы механизма признания дополняют друг друга. Более того, доказательства квалификации в рамках системы академического признания (квалификация, выраженная в официальном документе и подтверждающая соответствующий уровень образования) могут использоваться для профессионального признания. То есть можно говорить об общности этих систем. Несмотря на то, что интеграции в области академического и профессионального признания носит разные цели и реализуется в разных областях, наличествуют тенденции углубления интеграции в секторе академического признания в виде проецирования системы профессионального признания на академическое.

Об этом свидетельствуют внесенные Директивой 2013/55 поправки, а именно закрепление режима автоматического признания на основе общих принципов обучения. На основании изложенного, целесообразно отметить в качестве основной перспективы развития нормативной регламентации академического признания, его регламентацию в рамках ЕС посредством регламентации законодательных актов ЕС и усиление интеграции в секторе образования и культуры. А точнее применение механизма перелива для интеграции в другой области по модель профессионального признания.

---

¹ *Rauhvargers A. Recognition of foreign qualifications. Last revised. August 2004. P. 5.*

Конституционные правила о выходе из ЕС Великобритании: анализ дела R v Secretary of State for Exiting the European Union, ex parte Miller [2017]

Constitutional regulation for the United Kingdom secession from the EU: analysis of R v Secretary of State for Exiting the European Union, ex parte Miller case

Государство, являющееся членом ЕС, принимает решение о выходе из ЕС в соответствии со своими конституционными правилами¹. Когда такое решение принято, государство уведомляет о своем намерении Европейский Совет². В деле *R v Secretary of State for Exiting the European Union, ex parte Miller* [2017]³ Верховный Суд Великобритании анализирует конституционные правила Великобритании по вопросу принятия решения о выходе. Большинство судей постановлено, что решение о выходе не может быть принято исполнительной властью единолично. По мнению судей, необходимо издание Парламентом статута, который позволит исполнительной власти уведомить Европейский Совет о намерении покинуть ЕС.

1. Позиция большинства судей

1) Королевская прерогатива исполнительной власти

Исполнительная власть наделена королевской прерогативой (royal prerogative) заключать и расторгать международные договоры [пар. 34]. Тем, не менее, в деле *Burmah Oil Co v Lord Advocate* [1965] Лорд Рейд отметил, что королевские прерогативы осуществляются лишь по тем вопросам, которые не регулируются статутами (т. е. актами Парламента) [пар. 47]. При этом Лорд Пармур в деле *De Keyser* [1920] выразил идею о том, что Парламент может ограничить полномочия исполнительной власти, и любое ограничение будет для нее обязательным [пар. 48]. Ряд других дел позволяют сделать вывод о том, что любые действия исполнительной власти (в том числе нормативно-правовые акты (secondary legislation)) не могут противоречить актам Парламента [пар. 50, 51].

По существу, изложенные выше позиции базируются в первую очередь на деле *Case of Proclamations* (1610), в котором Сир Эдвард Коук постановил, что Король своими действиями не может отменять статуты Парламента, общее право и даже обычаи [пар. 44]. Во вторую очередь на деле *The Zamora* [1916], где Лорд Паркер довольно подробно рассмотрел вопрос об ограничении полномочий исполнительной власти [пар. 45].

---

¹ П. 1 ст. 50 Договора о ЕС.

² П. 2 ст. 50 Договора о ЕС.

³ R (on the application of Miller and another) v Secretary of State for Exiting the European Union [2017] UKSC 5 (25 January 2017).

Если же Парламент не высказал обратного и/или действия исполнительной власти не отменяют акты Парламента, то исполнительная власть может свободно реализовывать прерогативу на заключение и расторжение международных договоров¹. Данная прерогатива включает в себя вопросы переговоров о заключении договора, исполнения договора, расторжения и отказа от договора [пар. 54]².

Лорд Оливер в деле *JH Rayner* повторяет рассмотренные выше выводы, а кроме того отмечает, что в том случае, когда международный договор предоставляет права субъектам права или лишает их прав, договор подлежит инкорпорации в национальное право посредством акта Парламента [пар. 56]. Получается, что прерогатива исполнительной власти на заключение международных договоров ограничена «со всех сторон».

2) Акт о Европейских Сообществах 1972

Детальное рассмотрение пределов прерогативы исполнительной власти большинством судей в деле *ex parte Miller* [2017] в решение включено не просто так. Большинство судей приходит к выводу о том, что поскольку в рассматриваемой ситуации Уведомление о выходе из ЕС отменяет часть национального права, то Уведомление не может совершаться в рамках обычной реализации исполнительной властью прерогативы, а требует издания Акта Парламента.

Право ЕС не просто является источником права Великобритании, но и обладает большей юридической силой, чем любой национальный источник права, включая Акты Парламента [пар. 60]. Данный эффект достигается посредством Акта о Европейских Сообществах 1972 г и существует до тех пор, пока «Парламент так пожелает» [пар. 61]. Судья Лос в деле *Thoburn Sunderland City Council* [2003] рассматривает Акт о Европейских Сообществах 1972 как конституционный статут, что означает, что его действие не может быть прекращено более поздним Актом Парламента, содержащим противоположную норму (*implied repeal*) [пар. 66]. Прекращение действия данного Акта возможно лишь посредством прямого указания в последующем Акте на то, что Акт 1972 г. не применяется (*express repeal*). Следовательно, Парламент свободен в издании Акта, который отменял бы прямое действие права ЕС, даже если такой Акт противоречит самому праву ЕС [пар. 67].

Статья 2 (1) Акта 1972 г. включает в национальное право те договоры ЕС, которые возлагают обязанности и дают права субъектам права. Поскольку договоры, заключенные в рамках ЕС, являются частью национального права, то выход из ЕС неизбежно приведет к изменению национального права, так как Великобритания перестанет быть стороной данных договоров [пар. 69]. Более того резиденты Великобритании лишатся тех прав, которые им предоставляет право ЕС.

Нижестоящий суд выделил три группы таких прав: 1) права, которые могут быть воспроизведены в национальном праве; 2) права граждан Великобритании, которые находятся в других странах-участницах ЕС; 3) права,

¹ Civil Service Unions case [пар. 55].

² JH Rayner Ltd v Department of Trade and Industry [1990]; Lord Templeman.

связанные с участием в институтах ЕС [пар. 69]. Верховный Суд находит наиболее значимой первую группу прав [пар. 73].

Согласно позиции большинства судей, выход из ЕС приведет к значительному изменению конституционного строя, сравнимому с тем, который произошел, когда Акт 1972 г. был принят. Если признать, что Уведомление исполнительной власти может быть представлено в порядке п. 2 ст. 50 Договора о ЕС без предварительного «одобрения» Парламентом, то изменение конституционного строя произойдет вне зависимости от того, отменит ли Парламент Акт 1972 г. [пар. 81]. Таким образом, будет нарушен конституционный принцип, согласно которому, такие решения не могут приниматься исполнительной властью единолично, т. е. будут нарушены пределы реализации соответствующей прерогативы [пар. 81].

В пояснение своей позиции судьи отмечают, что прерогатива исполнительной власти заключать и расторгать международные договоры касается лишь отношений на международном уровне, но не может применяться к договорам, заключенным в рамках ЕС, так как последние, как уже отмечалось, относятся к национальному праву [пар. 86].

Как полагают судья Хоффман в деле *R v Secretary of State for the Home Department, ex parte Simms* [2002]: «основные права и свободы не могут быть исключены посредством указания на это лишь в общих словах». Применяя правило, исполнительная власть могла бы самостоятельно представить Уведомление о выходе из ЕС лишь тогда, когда Акт 1972 г. возлагал бы на исполнительную власть такие полномочия [пар. 86, 87]. Обратное противоречило бы принципу законности.

Суды также подчеркивают, что даже если само по себе Уведомление не приведет прямо к изменению национального, то, поскольку Парламент будет вынужден после представления Уведомления принять Акты, изменяющие национальное право, произойдет изменение косвенное [пар 94]. Такого косвенного изменения, по мнению большинства, более, чем достаточно для установления причинно-следственной связи между представлением Уведомления о выходе из ЕС и изменением национального права.

Кроме того, Парламент абсолютно свободен в выборе варианта действий (совершить выход из ЕС или нет) [пар. 99]. Обоснованием служит формулировка Судьи Деннинга: «Парламент вправе издать Акт, отменяющий международные договоры»¹. Лорд Дайсон отмечает, что Парламент имеет суверенные права на принятия решения о выходе из ЕС².

2. Позиция меньшинства

1) Аргументы судьи Риду

Согласно Лорду Риду, факт того, что ст. 2 (1) Акта о Европейских Сообществах 1972 г. включает нормы международных договоров на уровне ЕС в национальное право, не является достаточным для того, чтобы установить волю Парламента на устранение или ограничение реализации исполнительной властью королевских прерогатив [пар. 204]. Представление уведомле-

¹ *Macarthy v Smith* [1981] ICR 785, 789.

² *R (Shindler) v Chancellor of the Duchy of Lancaster* [2016] 3 WLR 1196.

ния о выходе из ЕС, в свою очередь, не влияет на действительность Акта 1972 г. [пар. 204]. Единственным последствием, согласно Лорду Риду, будет лишь неприменение положений Акта 1972 г., что не является достаточным, чтобы говорить о невозможности реализации прерогативы исполнительной власти на заключение и расторжение международных договоров [пар. 204].

Акт о Европейских Сообществах 1972 г. не содержит волеизъявления Парламента на членство Великобритании в ЕС [пар. 177]. Если так, то представление Уведомления о выходе из ЕС Правительством самостоятельно, нельзя рассматривать как противоречащее воле законодателя. Следовательно, *the Case of Proclamations* (1610), дело *Tin Council*, дело *The Zamora* не применимы: они основаны на совершенно ином фактическом составе.

Далее ст. 2 (1) Акта 1972 г. допускает изменение в будущем тех договоров, которые будут иметь прямое действие и включаться в состав национального права [пар. 186]. Следовательно, Парламент предусмотрел изменение национального права через договоры на уровне ЕС без необходимости издания дополнительного Акта Парламента [пар. 187]. Прерогативы исполнительной власти являются фундаментальной концепцией конституционного права Великобритании и могут быть отменены только посредством прямого указания на их отмену в Акте Парламента, о чем косвенно свидетельствует решение Лорда Хабхауса в деле *R (Morgan Grenfell & Co Ltd) v Special Commissioner of Income Tax* [2002] [пар. 194]. Таким образом, необходимость издания Акта Парламента для представления Правительством Уведомления о выходе из ЕС существовала бы лишь тогда, когда на это было бы прямое указание в Акте 1972 г. [пар. 197].

Если воля Парламента направлена исключение полномочий исполнительной власти, то об этом прямо указывается в Акте [пар. 207]. Так, например, Акт 2002 г. О Выборах в Европейский Парламент содержит норму, прямо исключающую полномочия исполнительной власти по некоторым вопросам.

Как отмечает Лорд Дайсон, Акт Парламента 2015 г., устанавливающий референдум по выходу из ЕС свидетельствует о том, что это одно из конституционных требований для решения о выходе из ЕС¹. При этом Парламент никаким образом в данном Акте не устанавливает для себя какой-либо иной роли в процессе выхода из ЕС [пар. 214]. Следовательно, воля законодателя не была направлена на необходимость «одобрения» Парламентом Уведомления о выходе из ЕС.

Кроме того, по мнению Судьи Рида, дело *DeKeyser* неприменимо, так как для того, чтобы исполнительная власть не могла осуществлять королевскую прерогативу, необходимо наличие регулирования соответствующего вопроса на уровне Акта Парламента [пар. 231–234]. По вопросу реализации полномочий Правительства по выходу из ЕС такого регулирования нет.

2) Аргументы судьи Кранвата

Лорд Оливер в деле *Tin Council* [1990] 2 AC 418 указал на то, что королевская прерогатива исполнительной власти на принятие международных договоров не может осуществляться путем, который отменял бы Акты Пар-

¹ R (Shindler) v Chancellor of the Duchy of Lancaster [2016].

ламента, предоставляющие права субъектам права или отменяющие такие права [пар. 244]. Судья Кранват отмечает, что дело *Tin Council* касалось лишь вопросов принятия международных договоров, но не выхода из них [пар. 245, 256].

Согласно судье Кранвату, Акт 1972 г. не содержит как прямого, так и подразумеваемого указания на необходимость получения «одобрения» Парламента перед представлением Правительством Уведомления о выходе из ЕС [257].

Судья Кранват указывает, что если законопроект, решающий последствия выхода из ЕС будет принят после Уведомления о выходе из ЕС, принятого без «одобрения» Парламента, но до собственно выхода, то никакой отмены действующих Актов Парламента в связи с Уведомлением не произойдет [пар. 264]. Следовательно, нельзя согласиться с позицией большинства судей, согласно которой такое Уведомление будет иметь последствие в форме отмены Актов Парламента.

Кроме того, дело *ex parte Fire Brigades Union* неприменимо, так как в нем использование королевских прерогатив противоречило прямо изложенной обратной воле законодателя [пар. 266]. Таким образом, факты дела существенно отличаются от представленных в настоящем деле.

В завершение, реализация выхода из ЕС в любом случае будет требовать взаимодействия Правительства и Парламента. Тем не менее, это не означает, что инициировать процесс возможно лишь после издания соответствующего Акта Парламента [пар. 274].

3) Аргументы судьи Хьюгса.

Судья Хьюгс представил краткое решение, по содержанию практически полностью совпадающее с решением Лорда Рида.

3. Выводы и перспективы выхода из ЕС

На взгляд автора, Лорд Рид представил наиболее обоснованное решение. Судья детально анализирует положения Акта 1972 г. и эффективно применяет системное и телеологическое толкование. Кроме того, Лорд Рид отграничивает одно дело от другого, подробно останавливаясь на вопросах применимости или неприменимости судебных позиций к настоящему делу.

Присутствует стойкое ощущение, что мнение большинства судей политической мотивировано. Лорд Бингам в деле *A v Secretary of State for the Home Department*, несколько в другом контексте, высказывает следующее: «к функции политических органов [т. е. исполнительной власти], а не судебных относится решение политических вопросов». Помимо этого, позиция большинства судей в деле *ex parte Miller* [2017] содержит взгляд, согласно которому, органы исполнительной власти существенно ограничены в реализации той функции, которую они выполняют: «управление государством»¹.

Дело *ex parte Miller* [2017] имеет огромное значение по вопросам конституционного права Великобритании. Что касается уведомления о выходе

---

¹ В то же время управление государством является исключительной функцией исполнительной власти (см. решение Lord Mustill по делу *ex parte Fire Brigades Union*).

из ЕС, то решение Верховного Суда скорее лишь тормозит сроки. В настоящий момент Билль о выходе из ЕС успешно прошел рассмотрение в Палате Общин (всего за один день – 8 февраля) и в тот же день был рассмотрен в первом чтении Палатой Лордов¹. Второе чтение в рамках Палаты Лордов назначено на 21 февраля 2017 г. Содержание Билля сводится лишь к: (1) подтверждению права Премьер-министра представить Уведомление о выходе из ЕС, (2) признанию отсутствия препятствий со стороны законодательства для реализации такого уведомления. После того, как Билль пройдет все три чтения в Палате Лордов и получит подпись Королевы, Премьер-министр сможет представить Уведомление о выходе из ЕС.

---

¹ <http://services.parliament.uk/bills/2016-17/europeanunionnotificationofwithdrawal.html>

The Right to be Forgotten in the EU and Russia

Most of us are fortunate to have a memory. This tool allows us to store information about past events and predict the future as a result. This is what differentiates us from animals. Instinct and physical needs are not the only factors that govern our lives. Our society is also governed by ideas and rules that we store in our memory. If the Johnson family is a royal family, the surrounding families will be aware of this fact and will consider it when interacting with the Johnsons. But what if the Johnson family does not want to be seen as the royal family? Do they have the right to alter the facts known about them in their society? The goal of this paper is to prove that, in fact, the Johnsons do have the right to eradicate the fact that they are a royal family from all existing records if they are doing this without criminal intent. Humans should have the right to alter the way they are perceived by their society. However, the information that they delete needs to be strictly governed so that nobody erases aspects that should never be erased such as criminal records.

It was written by Philippe Boilat and Morten Kjaerum¹ that previously the EU law was mainly regulated by national norms. The EU law was not the first within this area. Council of Europe already permitted to protect private life with the help of Councils court². Nevertheless, Human rights Court did not make decisions, which oblige states to protect the right to be forgotten.

Even though the CJEU of the EU and ECHR of the Council may have the same rules, the interpretation can make a significant distinction.

The EU law in its constitutional part also contains basic principles, which were enshrined through The Charter of Fundamental Rights of the European Union (2000)³, which are very similar to the Councils' Charter, in some parts of it. These two principles are common for all states governed by the rule of law and they are established in articles 7 and 8 of The charter of the fundamental rights of the European Union. The first article constitutes everyone's "*right to respect for his or her private and family life, home and communications*"⁴ and the second provides the "*right to the protection of personal data concerning him or her*"⁵.

This article also became a perfect ground for extension of basic human rights, because they are wide. In order to compare, I will use "Right to life"⁶. This rule is completely opposite. If everyone has right to live that mean that nobody can

---

¹ Handbook on European data protection law, Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2014.

² European convention of human rights, Council of Europe, www.echr.coe.int.

³ EU (2012), Charter of Fundamental Rights of the European Union, OJ 2012.

⁴ Art. 7.

⁵ Art. 8 par. 1.

⁶ Art. 2.

be executed, no one state, within the EU, can use this type of penalty, it simple because it has a strong connection with material world. Day-to-day practice cannot leak a new way for implementing this rule, it is absolutely direct and clear. Nobody can be alive and dead at the same time. That is why authorized institutions always have to fill gaps which were made by ambiguous statements such the present in question. One of the ways is to establish new regulation or directive.

In order to provide stability and unify the level of data protection on the level of the state, the Data Protection Directive 95/46 was created¹. It includes standards, which represent the opinion of the EU institutions about a higher level of data protection. At the same time it enables individuals for extension of such rights by making requests to the CJEU.

Secondary law broke new ground in question. A completely new remedy was created as result of Google Spain SL and Google Inc. v Agencia Española de Protección de Datos (AEPD) and Mario Costeja González case².

This situation arose because of the will of a Spanish citizen – Mario Costeja, who attempted to exclude the publication of his payments of a debt by service of The National Agency for Data Protection from the online searching service of Google. Consequently his claims were satisfied, but in an extraordinary way. Information about him still exists in the relevant newspaper publication, but instead the internet service was obligated not to show links with the article to users when they use Google search.

Opinion of the CJEU hardly ever can be called undisputable. Google or any different searching system are not enough technically able to handle with a shed-loads of information living within internet space. Of course, an internet has a limit, it is stored on different servers. At the same time, no one company has enough manpower to sort it.

However, in its preliminary ruling the Court of Justice determined that the activity of a searching system followed under the scope of a processing personal data according to Directive 95/46 was “*performed under personal data, whether or not by automatic means*”³. This interpretation legitimates the burden of a searching service to illuminate links that concerns the name of certain individuals which were published by a third party. It seems that this way of solving a dispute was chosen by the Court of Justice of the European Union because it made it easier to protect the rights of individuals. Its discussions are not obligatory for those undertakings which are established in non-EU member states. Therefore, this information is still available in other undertakings of Google.

This decision also needs so much attention because internet search engines became responsible for all this information which they do not control. It is not just a random novation, indeed. Civil procedure always was on the verge of making pre-action procedure as the main mechanism of solving dispute. Mainly, it happens because of two reasons. Firstly, population of the world always increases. That makes to prepare more judges, increase of their number entails stable

---

¹ Data Protection Directive, OJ 1995.

² C-131/12, Google Spain SL and Google Inc. v Agencia Española de Protección de Datos (AEPD) and Mario Costeja González. 13 May 2014.

³ Art. 2 par. (b).

lose of quality. Secondly, more disputes we have, more money we have to spend, because everyone need a protection. A pioneer of pre-action use is the United Kingdom. In 1998 the Master of the Rolls Lord Woolf launched a reform of civil procedure¹. According to practice direction of pre-action, there are several types disputes which can be solved by this way. Court trial should be the last tool for the parties². In the begging there were two additional protocols and now there are thirteen. As it rapidly increased popularity in its homeland, other lawmakers came to the decision that this reform is useful. Syne world population shows dramatic growth this approach has a big chance to become dominant.

Going back to our question, pre-action influenced supranational law. Of course, the EU is not enough authorized to make all member-states to hire new lawyers for implementation of all its ideas, it will be improprieate, that is why this soft way was chosen.

Another thing, which can be disputed, is consequences for Mario Costeja. Were his claims satisfied? The main purpose of his claims was to limit an access to information about his depts and attachment proceedings. De facto Mario Costeja did not achieve his main purpose. His case is one of the most famous in the world. Law makers and lawyers discuss it and there are also doctrine disputes. Indeed, he lost this case, but at the same time he extended rights to millions of European citizens.

To sum up, this precedent establishes a very controversial practice. The Court of Justice of the European Union in its judgment ordered that to control functions under this process was the burden of the operator itself. According to this, each operator is automatically obliged to hide links. Logically, these unpledged obligation expects extra payments. “For cash cows” such as Google these services are not a very hard requirement to fulfil, but which is not about small companies and in our opinion, it contravenes one the basic principles of European law – the freedom of establishment, because it violates the rights of small undertakings and gives advantages to big corporations.

Moreover, this decision could become a perfect bypass for politicians. Thinking more about development, the Situation was saved by The General Data Protection Regulation 2016/679 which comprises areas where the right to be forgotten work and where it is not³.

The Directive on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data by competent authorities 2016/680 include special statements about public needs. According to this act, limitations to the right of the access can be exercised only by member – states if it covers numerous numbers of subjects such as:

- 1) *Avoiding the obstruction of official or legal enquiries, investigations or procedures;*
- 2) *avoiding prejudicing the prevention, detection, investigation or prosecution of criminal offences or the execution of criminal penalties;*

---

¹ Statutory instruments, 1998, No. 3132 (L.17), Supreme court of England and Wales country courts.

² Civil procedure rules, pre-action Conduct page 4, pre-action conduct, practice direction, April 2010.

³ Regulation 2016/679 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, OJ 2016.

- 3) *protection of public;*
- 4) *protection of national security*¹.

Here we can see that individual rights do not have priority over other extremely important values – fair trial and national security. The right to be forgotten was fairly restrictive.

This experience also influenced the Russian legal system, but here situation is different. The only regulation was established through The federal law from 27.07.2006 N 152-FZ “About personal data”.

“Article 14 *Private individuals’ right to access to his personal data.*

*Private individuals are entitled to require the operator to clarify his personal data, block and eliminate them if it is not fulfilled, outdated, inaccurate, illegally obtained or if they are not necessary to activate the declared processing purpose...”*²

From the first look, national texts look similar in comparison to the Council’s directive, but it did not. The crucial problem of observed federal law of Russia that it excluded a wide range of statements, which should restrict wide implementation. Afterwards ringleaders such as Sergey Mihaylov, who was the chief of Solnecevskaya ring, which is one of the biggest criminal groups within the territory of former Soviet Union, was given the opportunity to improve his reputation.

For us that seems that applying present claims without a previous sanction of the court leads to the growth of a large number of unfair actions. In the light of the national implementation, the law needs the clarification of the Federal law and to obey the protection of individual rights in a court. In our opinion, the whole concept of the right to be forgotten can be determined as a negative that is why it should not be as easy as it is. If practice go by another way at least some limitations shall be provided as it was done at the EU level. Otherwise, influential groups as politician’s, criminals and businessmen will get control over information with time, because we cannot remember all past actions and new generation just assumes what they get from media. Here it become obvious that modern antiutopian future is not so far.

“He who controls the past controls the future. He who controls the present controls the past”.

George Orwell, 1984

Even if this information is old the internet should not be restricted or limited. It is an absolutely free space, must not be controlled. Different state authorities always try to challenge it and invent something to make at least basic obstacles and borders, that is what usually not easy to do, speed of technologies is much higher than speed parliament, even in Russia.

Right to be forgotten is a result of the conflict of two groups. One of them regards people who were inspired by the freedom of the internet define it as a “free and peaceful bay”. As regards the rest it is related conservative people for whom the internet is very chaotic “trash can” which must be stabilized.

---

¹ Art. 15.

² Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О персональных данных» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2015) // СЗ РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

For Russian officials the last position is common. The internet has become a critical tool in the media quite often. One of the last law amendments caused it to be reaffirmed. I mean the package of deputy Yarovaya which increases the supervision of the state in this area and obligates operators to save all personal data for state needs without any confirmation of the internet users.

Most limitations of internet freedom of this kind do not show the power of the state, but do show its weakness. According to Fromm: “*The frightened individual seeks somebody or something to tie his self to; he cannot bear to be his own individual self any longer, and he tries frantically to get rid of it and to feel security again by the elimination of this burden: the self*”¹.

The internet is a random and absolute dimension which works as a mirror of its users. Information arrives there so fast that it is impossible to control it without global restrictions such as “Grand Chinese firewall” or its Northern Korean equivalent, where there is just few web sites with a law number of content. Logically it scares people who grew up in the soviet state with an official ideology. For them the area regarding a lack of censorship is nonsensical because here people can choose sources of information and form their own opinion. Here they can be taught how to think.

To conclude this article, we believe that it is necessary to determine the nature of this reform. Mainly it is a result of liberal ideas, because individuals are allowed to carry out executive actions according to their personal volume to protect their name and reputation. The individual can limit access at his own will and purpose, to other users. From one side It is wise decision, people should not suffer for their old faults. Nobody wants to be known as person who makes selfies at alcohol parties and it is fair, what happens with youth, should stay with youth. At the same time, we have the example of “Kremlin chef” case, in which a person concerned with state product delivery and unofficially supports state propaganda who also applied to Yandex to delete information about his aggressive and propagandistic actions against the Russian opposition. Instead of providing a sufficient description, Eugene Prigogine filed a law suit against the search system².

One question still remains, what if it is just the beginning of something much more significant? Now it seems to be a good system, but law changes by practice of courts. The right to be forgotten was invented recently, before that nobody even could think about it when he wrote about protection of “personal life and information” this is not synonyms, but judges of the EU Court made their verdict and now that is how it is in the world of law. What kind of extension of these will we get in the future and what parts of the internet will get under control? Timewillshow.

---

¹ Erich Fromm, *Escape from Freedom*. Henry Holt and Company. 1994. P. 175.

² Суд отложил рассмотрение иска «кремлевского повара» Пригожина к «Яндексу»
URL: [http:// http://www.novayagazeta.ru/news/1704915.html](http://http://www.novayagazeta.ru/news/1704915.html) (DateViews: 14.07.2016).

Д. Камойленко
Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Студент (бакалавриат)

The Real Nature of Human Rights

What is the real nature of human rights? Is it something common to all states with the rule of law? Is it a legal presumption or purpose of modern law? What if it is just a source of inspiration for lawmakers? In this very article, we will try to find a real term for human rights and try to analyze modern definitions and theories about them.

Firstly, we will look through The Universal Declaration of Human Rights of United Nations. This document includes a wide range of rights, however without implementation of this provisions in a national law system the whole text remains to be claimant, but not a substantial remedy for purpose in question.

An adequate solution within the sphere of a European integration was made by The Council of Europe. It provided protection of basic human rights, which were enshrined through its convention. By the end of 2015 The Court had settled more then 18 000 disputes.

It is an important to mention that some of its decisions raised questions which concerned fair and independent trials. One of those examples can be The Yukos affair, According to decision Russian must pay \$ 50 billion to owners of shares of violated company. Russian government reacted with suspicion, mainly because dispute was highly discussed within foreign media, that made them think that it was made with a hidden political purpose. This precedent lead to court decision, which the main court-mediator made – Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation from 14.07.2015 N 21-P which provided an opportunity not to exercise some of the Human rights Court decisions.

Do other regions have their own equivalent? We have The African Court on Human and Peoples' Rights and The Inter-American Court of Human Rights, indeed these courts introduce problem of a lack of sufficient level of legal culture in the present states. The first one has not made any decision since the day of its foundation and the second is more effective, but it could not make any decision even during one year.

This is supported by the fact that there are some states such as The United Kingdom and The United States of America, which are “big players” in the international field without recognizing prior international law and determine it as non-existent.

A key answer on the question why this happens can be seen in history. Human rights were born many centuries ago, but there were many causes of conflict. Human rights were engulfed by different kinds of restrictions such as differentiation of statues of nationals or property qualification to have a right of entrance to elections. Just in the middle of the twentieth century we had fascist authorities in some European states. Moreover, divided Europe existed with socialistic camp full of censorship and one strict line of “right” behavior before the end of this century.

If we look at modern times, there is the example of Lisbon treaty which was adopted against a large number of people who voted in the French and the Dutch referendums against the united European constitution. Factually, it includes 98 percent of the original text. A referendum is one of the cleanest and values of democracy and even it can be bypassed with help of legal quick fix.

All these over used facts brings to the decision that indeed human rights are something new for the whole world and coherence of its evolution is weaker that it seems to be from the first look.

In our opinion, human rights for modern legal order are purpose inspired by volume of past generations. Nowadays, it is obvious that fair society is more competitive and ready for social upheaval. The experience of The Soviet Union and many other conservative nations of the past illustrates this. As a result the modern part of society always wins in a competition. Only a high level of protection of human rights can provide stable growth of human beings.

All concept of collective interests seems to us virtual. Law as a living substantive platform cannot contravene the status quo if it is going to be an effective remedy, at the same time lawmakers have to admit presumptions to achieve their aimed purposes. Pursuing to prove that human rights is one of those presumptions, we are going to present the following argument of Gestalt psychology.

Human rights determined by the Cambridge dictionary as:

“The basic rights that it is generally considered all people should have, such as justice and the freedom to say what you think.”

The main idea of this term stands in opposition to Gestalt’s way of thinking which was easily compiled in the so-called Gestalt prayer of psychotherapist Fritz Perls:

“I do my thing and you do your thing.

I am not in this world to live up to your expectations,

And you are not in this world to live up to mine.

You are you, and I am I...”

According to Gestalt all people are unique and have their own thoughts. A person can guess what is happening in the mind of another person, but he can never be one hundred percent sure about it. Certainty about ideas and the behaviour of others is just an illusion of control which makes obstacles for personal expression. Moreover, a very small group of people can understand their own wishes and ideas therefore a person should rely on his own thoughts.

The above-mentioned facts brings me to the opinion that the concept of Gestalt’s psychology even if it is not always correct still sounds very realistic vis-à-vis human rights.

The future of the protection of human rights seems to us a source of inspiration for future integrational organizations and supranational organs. The experience of the Council of Europe presents that it is possible within a limited area states of which comprised by cultural similarities.

Different political volume can become the main reason for diversity. Even in European region country-neighbors still have controversial positions and open conflicts for example the Ukrainian-Russian conflict. That is why the future of building the real rule of law in the modern world seems to us a long ongoing process.

Правовое регулирование отношений по использованию товарного знака в странах Европейского союза

Regulatory environment for trademark usage in the EU Member States

В современном мире роль товарного знака как объекта интеллектуальной собственности существенно возросла, ведь именно товарный знак индивидуализирует товары производителей. К тому же, рынок товаров и услуг постоянно расширяется, поскольку увеличивается количество продавцов, которые предлагают потребителям свою продукцию. Именно поэтому предпринимателям необходимо выделяться и заинтересовывать потребителей. Одним из способов привлечения их внимания является товарный знак.

Правовое регулирование товарного знака в Европейском союзе (далее – ЕС) имеет свои особенности.

Прежде всего, необходимо отметить, что отношения, возникающие по использованию товарного знака, регулируются, в первую очередь, национальным законодательством. Но у граждан государств-членов ЕС есть возможность получить защиту своего товарного знака не в одной стране, а в 28. Для этого необходимо зарегистрировать средство индивидуализации как товарный знак ЕС.

Введение товарного знака ЕС необходимо для развития бизнеса, взаимодействия предпринимателей на внутреннем рынке. Кроме того, процедуры регистрации и защиты товарных знаков в каждой отдельной стране ЕС сложны и дорогостоящи, поэтому для экономии времени и денежных средств выгоднее для продавцов зарегистрировать товарный знак ЕС.

Регулирование данной области претерпело изменения: в 2016 г. произошло реформирование сложившегося в ЕС режима в отношении товарных знаков. Реформа товарного знака ЕС состоит из двух законодательных актов:

- а) Директива (ЕС) 2015/2436, которая вступила в силу с 12 января 2016 г.,
- б) Регламент (ЕС) 2015/2424, вступивший в силу с 23 марта 2016 г.

Необходимо отметить, что изменилось название товарных знаков ЕС: предыдущее название The “Community Trade Mark” (СТМ) заменили на the “European Union Trade Mark” (EUTM).

Согласно Директиве (ЕС) 2015/2436 товарный знак ЕС может состоять из любого обозначения, в частности слова, включая личные имена, или рисунки, буквы, цифры, цвета, формы или упаковки товаров, звуки, при условии, что такие знаки способны:

- отличать товары или услуги одного предприятия от других;
- могут быть представлены на регистрацию в такой форме, которая позволит компетентным органам и общественности определить четкий и точный предмет охраны.

Не могут быть зарегистрированы в качестве товарного знака ЕС:

- знаки, которые не представляют собой товарный знак;
- товарные знаки, которые лишены каких-либо отличительных признаков;
  - товарные знаки, которые состоят исключительно из знаков или указаний, которые могут служить в торговле для обозначения вида, качества, количества, назначения, ценности, географического происхождения или времени производства товаров или другие характеристики товаров;
  - товарные знаки, которые состоят исключительно из обозначений или указаний, которые стали привычными и сложились в практике торговли;
  - знаки, которые состоят исключительно из признака, который вытекает из природы самих товаров, или признака, который необходим для получения технического результата; либо признака, который дает существенную ценность товара;
  - товарные знаки, которые противоречат общественному порядку или общепринятым принципам морали;
  - торговые знаки, которые вводят общественность в заблуждение, например, в отношении характера, качества или географического происхождения товаров;
  - торговых знаки, которые не подлежат регистрации в соответствии с законодательством ЕС, национальным законодательством государства-члена, международным соглашением.

Правовая охрана предоставляется товарному знаку ЕС на 5 лет с момента завершения процедуры регистрации.

Реформа коснулась не только содержания товарного знака ЕС, но и органа, компетентного оказывать услуги в сфере правовой охраны товарных знаков – Управления по гармонизации на внутреннем рынке (ОНИМ). Теперь ОНИМ официально называется Ведомство ЕС по интеллектуальной собственности (EUIPO).

Ведомство ЕС по интеллектуальной собственности (EUIPO), помимо своих основных функций, будет осуществлять сотрудничество с соответствующими подразделениями государств-членов в различных сферах деятельности. Сотрудничество подразумевает создание общих стандартов, общих баз данных и порталов, обмен данных и информацией, обмен технической экспертизы и помощи, а также повышение осведомленности относительно системы товарных знаков и борьбы с контрафактной продукцией.

Регламент предусматривает возможность создания в будущем института медиации для разрешения во внесудебном порядке на добровольной основе споров по товарным знакам ЕС.

В настоящее время решения Ведомства могут быть обжалованы как в административном порядке (в Апелляционный Совет Ведомства), так и в судебном порядке (в Суд ЕС).

Необходимо заметить, что российские граждане часто оспаривают в Суде ЕС решения Ведомства. Одним из самых резонансных процессов было дело *Couture Tech LTD v. ОНИМ*. Компания *Couture Tech LTD* подала заявку в ОНИМ на регистрацию товарного знака ЕС, который представлял собой сочетание серпа и молота с красной звездой на фоне земного шара.

Данный товарный знак напоминал герб СССР. ОНМ в регистрации отказал, после чего Couture Tech LTD обратилась в Суд ЕС для обжалования отказа. Суд ЕС запретил регистрацию «Герба СССР», поскольку использование символики СССР «противоречит общепринятым принципам морали и нормам правопорядка». Помимо этого, Суд ЕС указал, что в Венгрии сочетание серпа, молота и красной звезды является «символом деспотизма», потому и не может быть зарегистрировано в качестве товарного знака.

Суд ЕС рассматривал еще несколько дел, затрагивающих интересы граждан РФ. Например, дело *Goncharov v. ОНМ* (по поводу регистрации по классу оказания туристических услуг товарного знака DSBW, сходного с ранее зарегистрированным датской компанией, занимающейся железными дорогами, товарным знаком DSB) и *Volvo Trademark Holding v. ОНМ – Grebenshikova* (по поводу регистрации товарного знака Solvo, сходного до степени смешения с Volvo). В обоих случаях российским гражданам в регистрации было отказано, поскольку товарные знаки, представленные россиянами, сходны до степени смешения с товарными знаками других компаний, что вводит в заблуждение потребителей.

Товарный знак самым непосредственным образом влияет на функционирование внутреннего рынка. При неблагоприятном режиме регулирования данный объект интеллектуальной собственности препятствует свободному перемещению товаров. Институты ЕС пытаются создать благоприятные условия для правообладателей торговых знаков, найти баланс между законодательством ЕС и национальным законодательством в отношении торгового знака.

Особенности трудоустройства граждан РФ в странах Европейского союза

Special features of Russian citizen employment in the EU Member States

В соответствии с международными соглашениями, любая дискриминация в области труда по признаку национальности или гражданства запрещается. Так, например, в соответствии с Конвенцией МОТ № 111 относительно дискриминации в области труда и занятий от 25 июня 1958 г. определение «дискриминация» включает:

- всякое различие, недопущение или предпочтение, проводимые по признаку расы, цвета кожи, пола, религии, политических убеждений, иностранного происхождения или социального происхождения, приводящие к уничтожению или нарушению равенства возможностей или обращения в области труда и занятий;
- всякое другое различие, недопущение или предпочтение, приводящие к уничтожению или нарушению равенства возможностей или обращения в области труда и занятий.

Одним из основополагающих принципов в сфере трудового права Европейского союза является принцип равенства. Он закреплен в нормативно-правовых актах Евросоюза, а именно в ст. 12 Договора о ЕС, которая устанавливает запрет любой дискриминации в государствах-членах по признаку государственной принадлежности и в ст. 21 Хартии Европейского союза об основных правах 2000 г., которая в качестве важнейшего принципа основных прав личности закрепляет недопустимость дискриминации.

Важную роль в данном вопросе играет Директива 2009/50/ЕС. Она нацелена на создание благоприятных условий для переезда, проживания и трудоустройства в ЕС высококвалифицированной рабочей силы из третьих стран. Данная Директива обеспечивает дополнительными гарантиями в трудовой сфере обладателей “голубой карты”, наделяя их правом по истечении полутора лет работы в государстве-члене, выдавшем Европейскую голубую карту, переезжать для осуществления трудовой деятельности в другие государства-члены ЕС.

Отношения России и Европейского союза в области трудовых отношений строятся на основе главы I раздела IV Соглашения о партнерстве и сотрудничестве. Данная глава гласит, что граждане России в ЕС, как и граждане ЕС в России, устроившиеся на работу на законных основаниях в ЕС или РФ соответственно, не могут подвергаться дискриминации по признаку гражданства. То есть, теоретически граждане РФ должны приниматься на работу в странах ЕС на тех же условиях что и их собственные граждане (по условиям труда, вознаграждения или увольнения).

Помимо этого, данное соглашение предусматривает координацию между подписантами в области социального обеспечения работников, а также допускает заключение двусторонних соглашений России и государств-членов ЕС, если такие соглашения предусматривают более благоприятный режим для граждан России или государств-членов.

Важность данного соглашения по отношению к работающим в ЕС россиянам подтверждается решениями суда ЕС. Так с момента возникновения отношений между Россией и ЕС Суд ЕС рассмотрел несколько дел затрагивающих права российских граждан работающих в ЕС. Особенно показательными можно считать два дела, рассмотренных Судом ЕС в порядке преюдициальных запросов национальных судов. Это дела Жаке (Jacquet) и Симутенкова (Simutenkov), решения суда по этим делам были приняты с разницей в 8 лет и соответственно до и после вступления в силу Соглашения между Россией и Евросоюзом.

Вера Жаке (гражданка России), состоящая в браке с гражданином Германии, пыталась отстоять свои права в трудовых отношениях, добиваясь расширительного толкования ст. 11 Регламента Совета (ЕЭС) № 1612/68 от 15 октября 1968 г. о свободе передвижения работников по Сообществу, как позволяющей распространять режим трудоустройства работников-мигрантов на их супругов, обладающих гражданством третьей страны. Однако Суд ЕС в Решении от 5 июня 1997 г. отказал в таком толковании ст. 11 указанного Регламента, признав его недопустимым. Впрочем, на текущий момент, дело Жаке не имеет прецедентного значения, так как ст. 11 Регламента 1612/68 была отменена положениями Директивы Европейского парламента и Совета 2004/38/ЕС от 29 апреля 2004 г. о праве граждан Союза и членов их семей на свободное проживание и выбор места жительства на территории государств-членов. Новая Директива более либеральна в отношении прав граждан третьих стран являющихся супругами граждан ЕС.

В 2001 г. российский футболист Игорь Симутенков, выступавший на тот момент за испанский футбольный клуб «Депортиво», обратился в Королевскую федерацию футбола Испании (КФФИ) с требованием о прекращении дискриминации его трудовых прав, ссылаясь на ст. 23 Соглашения о партнерстве и сотрудничестве России с ЕС. При этом, дискриминация, с точки зрения Симутенкова, вытекала из положений Соглашения между КФФИ, Национальной лигой профессионального футбола и Ассоциацией испанских футболистов от 28 мая 1999 г., вводившего лимит на легионеров, согласно которому клубы первого дивизиона могли выпускать на поле не более трех футболистов, не являющихся гражданами ЕС, одновременно, в матчах на сезоны 2000/01–2004/05 гг. Соответственно, это ограничивало его игровое время, и неблагоприятно сказывалось на зарплатке. Тем не менее, КФФИ требование Симутенкова отклонил.

КФФИ заявил, что лимит, существующий в футбольных соревнованиях, не является дискриминацией по отношению к иностранцам, так как он не ограничивает численность принятых на работу иностранных футболистов, а лишь вводит в численности одновременно участвующих в игре. Таким образом, все принятые на работу футболисты-не граждане ЕС рано или

поздно смогут принять участие в официальных играх, и даже выходить на поле постоянно, если приложат для этого серьезные усилия.

Правило легионеров, устанавливало неравенство между гражданами ЕС и не гражданами ЕС, что следует из самих его формулировок, содержащихся в регламентных документах. Дискриминированным в правах по национальному признаку является четвертый легионер – не гражданин ЕС в матчах первого футбольного дивизиона на сезоны 2000/01– 2004/05 гг.

Данный лимит распространялся на официальные матчи, а именно выступление в таких играх является основной трудовой функцией футболиста, и соответственно, данное правило является дискриминирующим игрока по сравнению с другими профессиональными футболистами гражданами стран – членов ЕС.

Игорь Симутенков подал иск в Центральный суд по административным спорам № 3, который решением от 22 октября 2002 г. отказал в удовлетворении искового заявления. После этого футболист обратился в апелляционном порядке в Национальный апелляционный орган, обжаловав это судебное решение. Апелляционный орган Испании принял решение приостановить разбирательство дела и направил Суду ЕС преюдициальный запрос о толковании ст. 23 СПС России с ЕС. Дело Симутенкова рассматривалось судом около четырех лет и, в конце концов, в апреле 2005 г. своим решением Высший Суд ЕС в Люксембурге указал на недопустимость нарушения положений упомянутого Соглашения с ЕС.

Решение Суда гласит: «Пункт 1 ст. 23 Соглашения о партнерстве, учреждающего партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны, подписанного в Корфу 24 июня 1994 г., должен быть истолкован в том смысле, что он препятствует применению к профессиональному спортсмену, имеющему российское гражданство, принятому на работу на законных основаниях клубом, учрежденным в каком-либо государстве-члене, правила, установленного спортивной федерацией того же государства, согласно которому на соревнованиях, организуемых на национальном уровне, клубам разрешается выставлять только ограниченное число игроков из третьих государств, не являющихся сторонами Соглашения о Европейском экономическом пространстве».

Данное решение Высшего Суда ЕС касается не только профессиональных спортсменов, его выводы имеют силу для всех российских граждан, легально работающих на территории любого государства-члена ЕС, независимо от их специальности и квалификации. Россияне должны пользоваться такими же правами в отношении условий труда, заработной платы (или иного «вознаграждения») и увольнения, как и граждане Евросоюза.

Особая важность дела Симутенкова для развития договорно-правовой базы в отношениях между Россией и ЕС заключается не только в констатации Судом равных трудовых прав для российских граждан на территории ЕС, но также в том, что оно предоставило возможность прямого применения этих и иных положений СПС на территории государств-членов Евросоюза.

Развитие и совершенствование сотрудничества в социально-трудовой сфере со странами Евросоюза протекает как в рамках многостороннего

формата (например, Пражский процесс), так и в рамках заключения двухсторонних соглашений с отдельными странами ЕС.

Пражский процесс является целевым политическим процессом, обеспечивающим диалог по вопросам миграции и продвигающим миграционное партнерство среди стран Европейского союза, стран Шенгенского соглашения, Восточного партнерства, Западных Балкан, Центральной Азии, России и Турции. Одной из основных сфер сотрудничества, установленных на 2012–2016 гг., является рассмотрение вопросов законной миграции и мобильности с акцентом на трудовой миграции. В рамках пражского процесса проходят регулярные министерские конференции (последняя состоялась в Братиславе 20.09.2016), на которых обсуждаются вопросы миграции, в том числе и трудовой.

Также сотрудничество в социально-трудовой сфере между Россией и странами ЕС развивается путем заключения двухсторонних соглашений с отдельными странами ЕС, в таких соглашениях оговариваются вопросы защиты прав трудовых мигрантов, их социальной защиты, страхованию, налогообложению и др. Например, такие соглашения заключены правительствами Испании (О сотрудничестве в социально-трудовой сфере, 1994 г.), Чехии (О временной трудовой деятельности РФ и граждан ЧР, 1998 г.), Франции (О временной трудовой деятельности граждан обоих государств, 2009 г.) и др. Как правило, в таких соглашениях также определяется режим дальнейшего сотрудничества в социально-трудовой сфере, так Россия и Испания договорились о том, что «для определения ежегодной программы деятельности, а также для контроля за ходом и развитием осуществляемых мероприятий создается Смешанная рабочая группа, которая будет собираться поочередно в Российской Федерации и Королевстве Испания не реже одного раза в два года».

Несмотря на то, что сфера трудового права Евросоюза урегулирована директивами ЕС, которые закрепляют принципа равенства и не дискриминации, на практике мы зачастую сталкиваемся с неравноправием и ущемлением прав граждан стран, не входящих в Евросоюз. Безусловно, ЕС в первую очередь стремится обеспечить рабочими местами граждан государств-членов. Но все-таки не стоит забывать о правах, которыми нас наделяют Директивы ЕС и заключенные соглашения с Евросоюзом в сфере трудового права и права социального обеспечения.

При попытке легального трудоустройства в Евросоюзе граждан России может ожидать немало препятствий и сложностей, главной из которых является необходимость официально оформить свое пребывание (с правом на работу) на территории ЕС. Тут возможны различные варианты:

- приглашение на работу;
- национальная виза на работу;
- голубая карта;
- являться членом семьи работника из ЕС;
- проживать на территории ЕС определенный период времени.

В принципе, очевидно, что наиболее удобным для трудового мигранта является наличие полноценного, т. е. с правом трудоустройства, безвизового режима между ЕС и страной, гражданином которой он является. Однако на практике Евросоюз крайне неохотно идет на подобные соглашения.

К сожалению, на данный момент диалог между Россией и Евросоюзом фактически заморожен из-за, политических причин, в частности об этом в своем интервью в июле 2016 г. заявил телеканалу «НТВ» постпред РФ при Евросоюзе Владимир Чижов. Однако даже тем государствам, которым безвизовый режим давно обещан (Турция, Украина, Грузия), он до сих пор не предоставлен. Наиболее характерен здесь пример Турции, которая дольше всех ведет переговоры о безвизовом режиме с ЕС, ей Евросоюзом были выдвинуты требования из 72 пунктов, которым она должна отвечать для получения такого режима. Несмотря на заключенное в марте 2016 г. соглашение Турции и ЕС, которое предусматривает предоставление Турции безвизового режима, в обмен на прием беженцев, такой режим до сих пор не предоставлен. На открывшемся 21 октября 2016 г. саммите в Брюсселе лидеры 28 стран – членов Евросоюза высказались за то, чтобы в течение ближайших недель определить механизм отмены виз между ЕС и Турцией. В свою очередь, президент Турции Тайип Эрдоган пригрозил ЕС выходом из миграционного соглашения, если Евросоюз не предоставит гражданам его страны безвизовый режим. Украина также, несмотря на все свои усилия и серьезную политическую поддержку внутри ЕС, до сих пор не смогла добиться отмены визового режима. Судя по последним заявлениям украинского руководства, теперь срок отмены виз перенесен на 2017 г. Впрочем, не факт, что ЕС опять не заявит, что для введения безвизового режима выполнены не все условия. Самое интересное, что тот безвизовый режим, который обещают предоставить Украине, будет неполноценным, он предусматривает, что для устройства на работу в ЕС украинцам все равно придется получать рабочую визу. Таким образом, на сегодняшний день Евросоюз совершенно не горит желанием упрощать доступ к своему рынку труда.

Кроме того, как при устройстве на работу, так и в процессе нее граждан России рискует столкнуться с рядом ограничений. Так например, для того чтобы устроиться на работу гидом в Италии помимо получения лицензии и достижения возраста 18 лет, необходимо свободное владение итальянским языком, а также двумя другими иностранными языками и наличие итальянского гражданства, или гражданства государства-члена ЕС. Гражданам же России (и других третьих стран) необходимо прожить на территории Италии более трех лет.

По данным ФМС за 2009 г., из уехавших за границу большая часть занимаются коммерческой деятельностью, которая почти в 60% случаев ограничивается мелкооптовой торговлей. Оставшаяся часть трудоустроилась в сфере услуг и транспортной сфере (дальнобойщики, моряки). Ученые и высококвалифицированные специалисты, устроившиеся на работу по специальности, составляют лишь незначительную часть уехавших на заработки. Большая часть трудовых мигрантов из России имеющих высшее образование работают не по специальности.

С другой стороны, наблюдается обратная картина, из ЕС в Россию едут работать, как правило, высококвалифицированные специалисты, например, в области управления.

Одна из проблем, также состоит в том, что большая часть граждан России пытается найти работу в ЕС самостоятельно или пользуясь услугами

сомнительных посредников и не вызывающих доверия частных агентств по трудоустройству, рискуя попасть в серьезные неприятности, и лишь небольшая часть попадает на работу в Евросоюз, воспользовавшись услугами государственного агентства. В то время как устройства на работу через государственное или серьезное частное агентство, максимально гарантирует права работника.

Необходимо отметить, что, в отличие от России, где в основном используется бессрочный трудовой договор, в ЕС широко распространен срочный трудовой договор, а также заемный труд (аутсорсинг, аутстаффинг). Современная практика развития форм занятости свидетельствует об активном использовании заемных форм труда среди европейских стран (к примеру, в Германии ею охвачено около 20% занятого населения). Во многом этому способствовало принятие Директивы ЕС № 2000/104 о труде и агентствах занятости. В 15 государствах Евросоюза эта форма труда легализована (Бельгия, Дания, Испания, Италия, Норвегия, Швеция, Финляндия и др.). Данное обстоятельство, положительно сказывается на бизнесе, особенно в периоды кризиса в экономике, однако не лучшим образом влияет на права работников.

Вызывают серьезную озабоченность тенденции последних лет, прежде всего массовый наплыв беженцев с Ближнего Востока, из Африки, Турции, возросшая угроза терроризма, привели к тому, что во многих странах ЕС все громче звучат голоса евроскептиков, требующих защитить местный рынок труда от мигрантов, причем как из стран не входящих в ЕС, так и из стран – членов Евросоюза.

В принципе, интерес любого государства состоит в том, с одной стороны в том, чтобы восполнить недостаток рабочей силы, за счет трудовых мигрантов, а с другой стороны найти работу для граждан своей страны, чьи специальности не востребованы на родине, в других государствах ЕС. Таким образом, открытость рынка труда и свобода передвижения внутри ЕС, увеличивает мобильность рабочей силы и идет на пользу экономикам стран членов. Беда в том, что как только количество трудовых мигрантов превышает определенный уровень, они начинают отнимать рабочие места у граждан страны, что неизбежно приводит к росту социальной напряженности, а когда проблема усугубляется наплывом беженцев и трудовых мигрантов извне, это уже грозит серьезными проблемами. И если ранее в благополучных странах ЕС наплыв трудовых мигрантов из менее зажиточных стран Европы вызывал лишь неодобрительное ворчание, да шутки про польских сантехников, то сейчас уже зреет серьезное недовольство, усугубленное к тому же наплывом беженцев. Более того, вопрос трудовой миграции через ЕС и из ЕС (в основном из Прибалтики и стран Восточной Европы) стал одним из аргументов, убедивших граждан Великобритании проголосовать за выход из ЕС.

Таким образом, если события будут продолжать развиваться в прежнем русле, политика относительной открытости трудового рынка ЕС, подвергнется очень серьезному испытанию, причем как в отношении трудовой миграции извне, так и трудовой миграции внутри ЕС.

*Н. Кононова,
А. Музыченко
Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Студенты (бакалавриат)*

Брексит как основа для реформирования механизмов деятельности Европейского союза

Brexit as the basis for the EU mechanism reform

В настоящее время можно говорить, что вопрос о выходе стран из еврозоны становится более актуальным. Причиной этому служат нарастающие проблемы, такие как экономические и миграционные кризисы, дисбаланс в финансовых системах государств.

В преамбуле к Договору о Европейском союзе¹ закреплено, что решение учредить Европейский союз основано на решимости укрепить экономические системы, желанием углубить солидарность между народами при уважении культуры, истории, традиций, стремлении содействовать социальному и экономическому прогрессу народов.

Статья 4 Договора о Европейском союзе устанавливает, что союз уважает основные функции государства, особенно те, которые направлены на обеспечение территориальной целостности, поддержание общественного порядка и охрану национальной безопасности. А национальная безопасность остается в единоличной ответственности каждого государства. Несмотря на это, возможна ситуация, когда руководство страны сочтет, что процессы, происходящие в рамках Европейского союза, могут негативным образом повлиять на жизнь государства. В результате государство может встать перед выбором: продолжать членство в Европейском союзе, пользуясь всеми его достижениями и, в то же время, претерпевая последствия определенных проблем, либо же прекращать свое членство в таком объединении.

Впервые право выхода государства из европейского объединения государств было закреплено в ст. 50 Лиссабонского договора². Процесс выхода является очень сложным как с юридической, так и с практической точек зрения. Примеров интеграционных объединений подобных Европейскому союзу нет, поэтому не существует четко сформулированной процедуры выхода государства из такого объединения и дальнейшего существования такого государства вне рамок союза. Государство функционирует по законам объединения, и необходимо предпринять ряд определенных мер для выработки собственных путей дальнейшего осуществления своих задач.

Любое государство-член ЕС вправе на добровольной основе принять решение о выходе из состава союза на основании конституционных пра-

---

¹ Договор о Европейском союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) // Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/2566557/#ixzz4Z491slAH>

² Там же.

вил. Такое государство уведомляет о решении Европейский совет. Союзом (в лице Европейской комиссии) с государством проводятся переговоры и заключается соглашение, определяющее порядок выхода и характер дальнейших взаимоотношений государства и ЕС. Соглашение должно быть одобрено Европарламентом, а затем Совет на основе квалифицированного большинства заключает соглашение о выходе государства из состава ЕС. С момента вступления в силу соглашения о выходе государства из ЕС все договоры ЕС прекращают применяться в отношении этого государства.

Возможна ситуация, когда стороны не могут прийти к единому мнению в процессе заключения соглашения о выходе. В таком случае государство автоматически выходит из состава ЕС через два года после уведомления о намерении выйти из ЕС, если Европейский совет с согласия государства не продлит этот срок.

В ст. 50 дано общее описание механизма выхода государства из состава ЕС. Однако в договоре не дается ответа на многие вопросы, такие как, например, какие положения необходимо включить в соглашение о выходе из ЕС, как выход государства повлияет на права физических и юридических лиц (в частности, на свободу передвижения и свободу учреждения), в какой форме будут строиться отношения ЕС и вышедшего из его состава государства, каким образом будет функционировать рынок.

Отсутствие более четкой формулировки процедуры выхода связано с тем, что на момент создания данной нормы не возникало даже теоретических дискуссий о выходе какого-либо государства из состава членов ЕС. Евроскептики утверждают, что выход хотя бы одного государства приведет к цепной реакции и выходу других государств из ЕС.

В 2015 г. премьер-министр Великобритании начал переговоры с ЕС об особом статусе Великобритании в ЕС. В ходе переговоров было выделено 4 основных направления для обсуждения:

1) избавление Великобритании от «валютной дискриминации». Великобритания не участвует в зоне евро, поэтому, по мнению Дэвида Кемерона, налогоплательщики не входящих в зону евро государств, не должны участвовать в операциях по спасению евро как валюты;

2) отказ участвовать в построении все более тесного союза, национальные парламенты не должны терять свои полномочия, должна быть возможность блокировать законопроекты ЕС;

3) повышение конкурентоспособности ЕС и уменьшения уровня бюрократии и регулирования бизнеса;

4) защита социальной системы Великобритании, в соответствии с которой будет ограничен доступ мигрантов к социальным благам. Для получения пособия и социального жилья мигранту необходимо проработать в стране не менее четырех лет.

Вышеперечисленные аспекты обсуждались на заседании Европейского совета. Не удалось прийти к согласию по миграционной проблеме, так как некоторые страны указали на то, что такие требования Великобритании нарушают право на свободу передвижения на едином рынке ЕС.

Таким образом, страна оказалась перед выбором: стоит ли продолжать членство в объединении? Не принесет ли оно больше вреда, нежели поль-

зы? В результате было принято решение вынести этот вопрос на всеобщее обсуждение.

В июне 2016 г. в Великобритании состоялся референдум о членстве Великобритании в ЕС. За выход из ЕС высказалось 51,9% проголосовавших.

Для многих результат референдума стал неожиданностью. Дэвид Кермерон оставил пост главы кабинета министров. Впоследствии состоялись выборы, и на его должность вступила Тереза Мэй, которая сформировала два особых министерства: министерство по выходу из ЕС, министерство международной торговли.

Стоит отметить, что реакция на результат референдума была незамедлительной. По состоянию на 27 июня сентябрьские фьючерсы на нефть марки Brent опустились до 48,89 доллара за баррель, а цена августовских фьючерсов на нефть марки WTI — до 47,38 доллара за баррель. Уже 24 июня курс британского фунта стерлингов обвалился более чем на 10%, опустившись ниже отметки 1,35 доллара — до самого низкого уровня с 1985 г.¹ Следом за британским фунтом потеряла в цене и европейская валюта. Возросло число граждан, желающих получить гражданство стран-членов ЕС.

Кроме того, не все граждане согласились с такими итогами референдума. Вскоре после него, группа активистов во главе с Джинной Миллер, занимающейся управлением инвестициями, и парикмахером испанского происхождения Деиром Дос Сантосом обратились в Высокий суд Лондона с требованием признать неконституционным решение правительства запустить процедуру Брексит без согласования с Парламентом. На что Высокий суд постановил, что Правительство не может объявить о введении в действие ст. 50 Лиссабонского договора (формально запускающей процедуру выхода из Евросоюза) без одобрения парламента. Правительство Терезы Мей в свою очередь не согласилось с данным решением и оспорило его в Верховном Суде.

В ходе слушаний, проходивших в суде 5–8 декабря 2016 г., Правительство отстаивало точку зрения, согласно которой премьер-министр Великобритании Тереза Мэй имеет право отменить Акт Великобритании «О европейских сообществах» 1972 г., согласно которому законы ЕС являются обязательными для исполнения на территории Соединенного Королевства.

24 января 2017 г. Верховный Суд поддержал ноябрьское решение Высокого суда Лондона, который постановил, что Правительству для формального запуска переговоров с Брюсселем о выходе из ЕС нужно одобрение Парламента².

Недолго думая, Правительство Терезы Мей подготовило проект так называемого «Билля о выходе Великобритании из Европейского союза» и отправило его на рассмотрение в Парламент. Содержание данного документа сводится к тому, что премьер-министр Великобритании уведомляет Европейский союз о намерении Великобритании воспользоваться правом, предоставленным ей ст. 50 Договора о Европейском союзе, и что данное

¹ <http://inosmi.ru/politic/20160628/237002570.html>

² <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2016-0196-judgment.pdf>

заявление действует независимо от положений Акта Великобритании «О европейских сообществах» 1972 г., а также иных законодательных актов.

Обсуждение началось днем 31 января, но из-за большого числа желающих высказаться затянулось до ночи. 8 февраля Палата общин одобрила данный Билль, который поддержали 498 парламентариев, а 114 высказались «против».

Теперь документ будет обсуждаться в комитетах Парламента и в Палате лордов. В соответствии с данными, опубликованными на сайте Парламента, если Палата Лордов одобрит данный законопроект, Правительство Соединенного Королевства сможет инициировать процедуру выхода, применив ст. 50 Лиссабонского договора, уже к 7 марта.

Тут хотелось бы привести цитату Уинстона Черчилля, бывшего премьер-министра Британии: «У нас есть своя собственная мечта и своя собственная роль. Мы – с Европой, но мы – не Европа. Мы связаны, но не объединены».

Европейский союз уже не тот и Великобритания это понимает.

Механизмы регулирования отношений в рамках Союза нуждаются в серьезном реформировании. Так, рыночные отношения в рамках ЕС в той форме, в которой они существуют сегодня, не могут обеспечить дальнейшее развитие и функционирование Европейского союза как союза равноправных государств. Уже сейчас можно говорить о «неравенстве» государств в рамках ЕС – такие государства как Великобритания, Германия, Франция дают Союзу больше, чем получают.

В целом, последствия выхода Великобритании из ЕС для каждой из стран-участниц серьезно разнятся. В связи с этим, компания S&P, занимающаяся аналитическими исследованиями финансовых рынков, подготовила новый индекс – индекс чувствительности к Brexit, который отражает связь между экономиками Великобритании и других стран¹. Первыми в данном рейтинге S&P называют Ирландию, Мальту, Люксембург и Кипр, которые наиболее уязвимы в области торговли и миграции. Для каждой из этих стран потребуется собственное решение, которое потребует больших усилий как от других стран, так и от всего Союза в целом.

Дабы предотвратить процесс дезинтеграции и выход других стран из Союза, работа Евросоюза должна стать более демократичной: если существует риск разногласий между Европейским советом и Европарламентом по тексту постановления или директивы, переговоры по его согласованию ведутся за закрытыми дверями. Европейские граждане не могут проследить механизм принятия решений. Этот процесс должен стать более прозрачным. Также Европейский парламент – единственный выборный орган ЕС, представляющий граждан Союза, должен иметь более широкие полномочия.

При всех недостатках, в работе Евросоюза можно отметить и множество достижений. Та же Великобритания заявила, что сохранит некоторые законы Евросоюза после выхода из его состава. Правительству предстоит решить, какие законы ЕС можно будет применять, а от каких стоит отка-

---

¹ http://www.agefi.fr/sites/agefi.fr/files/fichiers/2016/06/09_-_06_-_2016_-_brexit_sensitivity_index_sp.pdf

заться в пользу создания новых, учитывающих специфику государства, национальных статутов. Например, планируется сохранить законодательные акты ЕС в области труда и окружающей среды.

Таким образом, на наш взгляд, лучший вариант развития событий для ЕС – это, как ни странно, Брексит. Великобритания очень часто тормозит европейскую интеграцию – отказ от участия в Шенгене, сохранение национальной валюты, выступления против обособления ЕС от НАТО в военно-политической области и т. п. С ее выходом из Союза появится возможность начать новый виток интеграционных процессов, после чего можно будет говорить о новом этапе развития Европейского союза.

«Голубая Карта» для Евразийского экономического союза

The Blue card for the Eurasian Economic Union

Уже на протяжении нескольких лет на территории стран-членов Европейского союза действует так называемая программа «Голубая Карта Европейского союза»¹ для лиц «третьих стран» (включая Россию). Что же такое «Голубая Карта» и каковы ее преимущества мы рассмотрим в данной статье.

Сама идея создания «Голубой Карты» была позаимствована из миграционной политики США, которые ввели свою знаменитую «Зеленую Карту»² с 1940 г., дающую право вида на жительство и легального трудоустройства для граждан других стран. В Европейском союзе данный проект был предложен президентом Европейской Комиссии Мануэлем Баррозу 23 октября 2007 г. в Страсбурге³. Основной задачей, представленной Еврокомиссией проектируемой карты, была удовлетворить потребности Европейского союза в рабочей силе путем привлечения граждан «третьих стран» с высокой профессиональной квалификацией, а также решением проблематики конфликтующих между собой законодательств стран ЕС в области въезда иммигрантов и «расхождением в правах» между гражданами ЕС и легальными иммигрантами. Директива 2009/50/ЕС «Об установлении условий въезда и пребывания граждан третьих стран в целях высококвалифицированной работы» была окончательно принята Евросоюзом 25 мая 2009 г. Стоит отметить, что в данном проекте принимают участия все страны союза, кроме Великобритании, Дании и Ирландии, отказавшиеся еще на стадии рассмотрения законопроекта.

Несомненно, проект «Европейская Голубая Карта» стал привлекателен для граждан тех стран, где существуют проблемы с трудоустройством, где низкий уровень жизни, маленькие зарплаты. Ведь каждый человек, получивший высшее образование и являющийся профи в своем деле, желает получать достойную заработную плату, иметь качественный уровень жизни и стабильное социальное обеспечение. Но, к сожалению, не все страны способны удовлетворить потребности своих граждан в данном вопросе. Поэтому Европейский союз стал привлекательным образом не только для нелегальных иммигрантов, занимающих позиции чернорабочих, но и для образованных лиц, желающих применить свои знания по назначению и, конечно же, жаждущих «красивой жизни», ведь, несмотря на сегодняшнее тяжелое положение Европы, ее основные ценности по отношению к сво-

---

¹ Council Directive 2009/50/EC of 25 May 2009 on the conditions of entry and residence of third-country nationals for the purposes of highly qualified employment // Official Journal of the European Union. 18.06.2009.

² Alien Registration Act, AR-3, 1940.

³ José Manuel Durão Barroso. President of the European Commission «Opening remarks of President Barroso – Legal Immigration» // Press conference Strasbourg, 23 October 2007.

им гражданам в трудовом праве, особенно в таких странах как Германия, Франция, Бельгия, Австрия, по-прежнему превосходят в организации труда и социальном обеспечении другие страны¹. Желание жить и работать в европейских странах в наше дни также можно приравнять к известному понятию «американская мечта», к которой так старательно и усердно пытаются приблизиться миллионы людей.

Что же необходимо для осуществления заветной мечты о европейской жизни? Существует общий список требований для оформления «голубой карты», это:

- соискатель не является гражданином страны Европейского союза;
- наличие у соискателя действующего удостоверения личности и разрешение на пребывание (виза);
- документ, подтверждающий наличие соответствующего высшего образования;
- документы, подтверждающие соответствие требованиям для регулируемых профессий (например, для врачей);
- рабочий контракт или предложение о работе с заработной платой минимум в полтора раза превышающей средний уровень зарплаты в данном государстве-члене ЕС;
- наличие договора о медицинском страховании.

В каждой стране ЕС существуют свои дополнительные требования к соискателю, например, знание языка, обязательный опыт работы. Различны и сроки предоставления голубой карты от 1 года до 4 лет, а также фиксированный объем допуска граждан третьих стран, въезжающих на территорию того или иного европейского государства². Еще одним требованием, но уже по факту получения карты, является необходимость отработать не менее полутра лет на одном месте.

Кроме высокой заработной платы существует и ряд других преимуществ, принадлежащих обладателю голубой карты. Во-первых, свободное передвижение по странам, входящих в Шенгенское соглашение³. Во-вторых, право по истечению 5 лет законного проживания получить статус «долгосрочного резидента ЕС», дающий гражданам третьих стран еще более широкие возможности работы и проживания. Основным для большинства лиц является право на «семейное воссоединение», т. е. право на переезд и совместное проживание членов семьи.

Введение такого проекта является плюсом не только для гражданина третьей страны, но и для самой страны, выдавшей разрешение данного вида на жительства. Государство в первую очередь получает высококвалифицирован-

---

¹ Право Европейского союза, Том 2. Особенная часть. 4-е изд. / под ред. С. Ю. Кашкина. М.: Юрайт, 2015. С. 438–471.

² Директива 2009/50/ЕС от 25 мая 2009 г. «Об установлении условий въезда и пребывания граждан третьих стран в целях высококвалифицированной работы» – Глава III.

³ REGULATION (EC) No 810/2009 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 13 July 2009 establishing a Community Code on Visas// Official Journal of the European Union, 15.09.2009.

ного специалиста, что высоко ценится на рынке труда, особенно в узконаправленных отраслях. Этот закон позволяет регулировать иммиграционную политику, легальный работник выплачивает налоги, в его интересах сделать все возможное для получения права жить в Европе. Поэтому он ответственно подходит к исполнению законов, в свою очередь государство имеет всю необходимую информацию для контроля лица в случаях правонарушений.

А нужен ли такой проект для Евразийского экономического союза? Возникновение идеи о формировании нового объединяющего страны союза, названного изначально президентом Казахстана Нурстолтаном Назарбаевым как Евразийский союз, появилась не так давно, в 1994 г. И только в 2010 г. было достигнуто соглашение о создании Евразийского экономического союза на базе единого экономического пространства России, Казахстана и Белоруссии. Сегодня список стран-участниц пополнился еще на две страны: Армения и Киргизия. Наблюдается активное участие и желание глав государств-членов развивать данные отношения, совершенствовать их, а также привлекать и пополнять список стран, входящих в союз.

Возвращаясь к вопросу статьи, на сегодняшний день в Договоре о Евразийском экономическом союзе¹ законы, связанные с трудовой миграцией, отображены в Разделе XXVI «Трудовая миграция» всего в трех статьях², а также в Приложении № 32 «Положение о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе» п. V «Трудовые отношения и социальные гарантии», где речь идет исключительно о трудящихся гражданех государств-членов. Но даже эти статьи не унифицируют требований для получения вида на жительство в одной из стран Евразийского экономического союза, каждое государство руководствуется собственными законами. Так, например, в Российской Федерации для получения вида на жительство³ необходимо следующее:

- иностранный гражданин обязан прожить не менее одного года на территории Российской Федерации, за исключением граждан Белоруссии и Туркменистана, а также высококвалифицированных специалистов и иностранных граждан, призванных носителями русского языка;
- для осуществления трудовой деятельности: а) для граждан государств-членов Евразийского экономического союза – трудовой договор с указанным сроком; б) для граждан безвизовых стран – патент; для иных граждан – разрешение на работу;
- документ, подтверждающий наличие жилого помещения;
- документ, подтверждающий отсутствие заболевания наркоманией и инфекционных заболеваний;
- документ, подтверждающий владение данным иностранным гражданином русским языком, знание истории России и основ законодательства Российской Федерации.

---

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе, Астана, 29.05.2015.

² Ст. 96 «Сотрудничество государств-членов в сфере трудовой миграции», ст. 97 «Трудовая деятельность трудящихся государств-членов», ст. 98 «Права и обязанности трудящегося государства-члена» Договора о Евразийском экономическом Союзе.

³ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Для получения вида на жительство в Республики Беларусь действуют следующие требования¹: автобиография; справка об отсутствии судимости; медицинская справка; подтверждение законного нахождения в республике (отметка о регистрации); документ, подтверждающий местожительства в Белоруссии.

Что же касается миграционной политики Армении, то там установлены 3 статуса для иностранных граждан² с определенным сроком пребывания: временный (до 1 года), постоянный (до 5 лет), специальный (до 10 лет). Данные статусы имеют право получить лица учащиеся или осуществляющие трудовую и предпринимательскую, а также культурную или экономическую деятельности, супруги или родственники граждан Республики Армении, лица армянской национальности.

Основными требованиями для получения права вида на жительство в Казахстане являются³: автобиография; справка об отсутствии судимости; документ, подтверждающий платежеспособности; адресную справку с местожительства; обязательный срок проживания на территории республики не менее 3 лет.

И, наконец, для иностранных граждан, желающих получить вид на жительство в Кыргызской Республике⁴, действуют такие правила, как: справка о наличии постоянного легального источника дохода; медицинская справка о состоянии здоровья; справка об отсутствии судимости; автобиография; копии паспорта, свидетельства о рождении, свидетельства о браке; справка с местожительства.

Данная трудовая и миграционная политика, а точнее отсутствие единого закона на территории Евразийского экономического союза, исключает упрощенную возможность получить вид на жительство и разрешение на работу для высококвалифицированных иностранных граждан на более выгодных и привлекательных условиях.

Если рассматривать миграционную ситуацию в России, то единицы, приезжающих и желающих здесь остаться и работать, обладают высшим образованием или опыт в редких профессиях. Поэтому, обращая свой взор в сторону Запада, по моему мнению, введение подобных проектов, как зеленая и голубая карты, целесообразны и эффективны на рынке труда. В первую очередь это привлечет иностранных граждан осуществлять трудовую деятельность в наших странах, непосредственно это необходимо в таких отраслях как образование, особенно педагогика иностранных языков, наука, в медицине. Сотрудничество с иностранными высококвалифицированными специалистами позволяет обмениваться знаниями и опытом, что способствует совершенствовать систему в той или иной области. К тому же, как говорилось ранее, наличие подобного разрешения на пребывание и работу увеличит число легальных иммигрантов, что также полезно и для экономики страны, и в сфере внутренней безопасности.

---

¹ Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь».

² Закон Республики Армении от 16 января 2007 г. № ЗР-47 «Об иностранных лицах».

³ Закон Республики Казахстан от 19 июня 1995 г. № 2337 «О правовом положении иностранцев».

⁴ Закон Кыргызской Республики от 17 июля 2000 г. № 61 «О внешней миграции».

*А. Лагаева,
А. Симаченко
Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Студенты (бакалавриат)*

Правовое регулирование защиты эмбрионов в Европейском союзе

Legal regulation offoetusprotection in the European Union

Ни для кого не является секретом, что в двадцать первом веке происходит бурное развитие различных сфер жизни человека. Прогресс не стоит на месте, развивается наука и техника. Не осталась в стороне и такая область, как биомедицинские технологии.

Многие государства и международные организации стараются урегулировать вопросы, связанные с данной сферой, на законодательном уровне. Тщательное внимание уделяется данному аспекту и в рамках Европейского союза.

Если обратиться к истории регулирования биотехнологий, то в Европейском союзе она берет свое начало в 80-х гг. прошлого столетия. Вопросы, которые вошли тогда на повестку дня, касались регулирования лабораторных исследований и применения технологии рекомбинации ДНК в разных отраслях промышленности.

В настоящее же время основные вопросы, которые относятся к биотехнологиям, в основном связаны с человеком и его правами, а именно его здоровье, право на жизнь, момент возникновения права на жизнь, определение статуса эмбриона и другие.

Ни общество в целом, ни право оказались не готовы к тому, что новые биомедицинские технологии сопровождаются вмешательством в сущность человека.

Если обратиться к правовому регулированию рассматриваемого аспекта, то наиболее совершенное правовое регулирование в европейском праве он получил в рамках Совета Европы и Европейского союза.

В данной статье хотелось бы рассмотреть проблему правовой защиты эмбриона в Европейском союзе и выделить наиболее значимые и дискуссионные вопросы в этой сфере.

Для начала необходимо определиться с понятием «эмбрион». В словарях эмбрион определяется как зародыш животного или человека (реже речь идет о растениях) в начальный период развития.

Однако стоит отметить, что единого нормативно закрепленного понятия не существует.

В целом, в науке выделилось несколько научных подходов.

Одни считают, что эмбрион – это зародыш до определенного срока развития. Другие же придерживаются мнения, что он остается таковым от момента зачатия до момента рождения.

Соответственно, существуют и различные мнения относительно правового статуса эмбриона. Как отмечено в Рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1046 от 24.09.1986 «Об использовании человеческих

эмбрионов и зародышей для диагностических, терапевтических, научных, промышленных и коммерческих целей», статус эмбрионов и зародышей не определены законом, не существует единого мнения на этот счет.

Высказывается точка зрения, что эмбрион, в силу того, что является живым существом, обладает различными правами, в частности правом на жизнь. Поэтому проведение различного рода исследований просто не может быть допустимым.

Согласно другой точке зрения эмбрион, хоть и обладает признаками человека, но все же не является таковым, и, поскольку, исследования могут пойти на пользу всему человечеству, то их проводить необходимо.

Также, имеет место быть и третья точка зрения, согласно которой допускается проведение исследований эмбриона, но, должен вводиться запрет на создание эмбрионов с целью проведения испытаний. Данный подход нашел свое воплощение в Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины (далее — Овьедская конвенция) 1997 г.¹, а именно в ст. 18².

Упомянутая выше статья касается исследования на эмбрионах *in vitro*. В 2005 г. был принят Протокол к Конвенции, касающийся биомедицинских исследований³, частности положения Протокола распространяются на плоды и эмбрионы *in vivo*.

Статья 18 Протокола допускает проведение исследований на беременной женщине, но при этом учитывается необходимость защиты не родившегося ребенка, а также тот факт, что результаты такого исследования будут полезными, в том числе и для эмбриона. Также, указывается на то, что проведение исследований, которые не будут иметь полезный результат, видится возможным, но при соблюдении ряда условий.

К таким условиям относятся следующие:

- 1) исследование будет полезным для других беременных женщин и для других зародышей;
- 2) исследования можно провести только на беременной женщине (на не беременной невозможно достичь определенных результатов);
- 3) исследования сопряжены с минимальными рисками и трудностями.

При этом необходимо уделить особое внимание возможности негативного влияния на будущую мать и ребенка (ст. 22 Протокола).

Если обратиться к судебной практике, то Европейский суд по правам человека в своем решении по делу № 8416/78 «Paton vs UK» от 13.05.1980 указывал на то, что у эмбрионов нет юридических характеристик, которыми обладают все физические лица.

---

¹ Конвенция Совета Европы № 164 от 4.04.1997 «О защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: конвенция о правах человека и биомедицине».

² Статья 18. Исследования на эмбрионах *in vitro*.

1. Если закон разрешает проводить исследования на эмбрионах *in vitro*, он же должен предусматривать надлежащую защиту эмбриона.

2. Создание эмбрионов человека в исследовательских целях запрещается.

³ Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине в области биомедицинских исследований № 195 от 25.01.2005.

Следующий аспект, который необходимо затронуть в теме защиты эмбрионов, это вопрос права эмбриона на жизнь.

Если обратиться к Хартии Европейского союза об основных правах от 07.12.2000, то в п. 1 ст. 2 будет указано, что каждый человек обладает таким правом. В связи с этим вполне логичным видится вопрос о том, с какого времени возникает данное право (с рождения, с момента зачатия или с определенного периода развития эмбриона). Единственный документ, в котором в той или иной мере дан ответ на данный вопрос — это Американская конвенция о правах человека. В ст. 4 данной конвенции говорится о том, что данное право закрепляется за человеком и, соответственно, защищается с момента зачатия.

Тем не менее, вопрос остается дискуссионным, и точного ответа дать не удастся. Если все же обратиться к существующим в настоящее время подходам, то выделяют следующие.

Одни ученые высказывают позицию о том, что эмбрион является частью организма матери, и приравнивается к органам. Данной точки зрения придерживается и Европейский суд по правам человека. Так, в одном из своих решений он указал на то, что эмбрион не может существовать отдельно от беременной женщины, а, соответственно, и рассматриваться отдельно от нее¹. Такая же позиция отражена в Конституциях многих стран. Так, например, в Швейцарской Конституции указывается на то, что эмбрионы являются лишь генетическими и зачаточными средствами человека.

Согласно другой точки зрения, эмбрион — это самостоятельный субъект права, а, следовательно, уже с момента зачатия обладает определенными правами, в том числе правом на жизнь.

Еще один довольно распространенный подход: эмбрион — объект прав. Как бы грубо это ни звучало, но при таком подходе эмбрион просто отождествляется с вещью, которой можно спокойно владеть, пользоваться и распоряжаться. Однако мы склонны категорически не согласиться с данной позицией ввиду того, что, если бы эмбрион выступал в качестве объекта, скажем, гражданско-правовых отношений, то мог бы выступать предметом различных договоров, таких как, например, купли-продажи. Соответственно, продавая данный «товар» можно было бы извлекать денежную выгоду, что противоречит Конвенции о правах человека в биомедицине 1997 г., в ст. 21 которой указывается на то, что тело человека и его части не должны быть источником финансовой выгоды. Также можно отметить практику ЕСПЧ. Он не только не дает извлекать выгоду от использования эмбрионов в качестве извлечения прибыли, но и просто ограничивает их распоряжение ими. Так, по делу Паррильо против Италии (№ 46470/11) от 27.08.2015 гражданке Италии было отказано в донорстве ее собственных эмбрионов науке.

Думается, что все же необходимо исходить из того, что эмбрион — это специфический самостоятельный субъект, который обладает теми же правами, что и все люди. Ограничение или лишение его таких прав просто противоречит уважению человеческой сущности.

---

¹ Дело *Beggemann and Scheuten v. Germany* № 6959/75 от 12.07.1977.

Кроме права на жизнь Хартия Европейского союза об основных правах устанавливает в ст. 1 право на человеческое достоинство. Там же указывается, что оно подлежит уважению и защите. Аналогично, как и в отношении права на жизнь, в отношении данного права возникает вопрос, в какой мере оно распространяется на еще не родившегося человека. Для того чтобы ответить на данный вопрос, необходимо сначала ответить, что же такое достоинство. Думается, что достоинство может проявляться в различных аспектах. Так, оно может выражаться в признании обществом социальной значимости или же ценности человека. Если подходить к достоинству с такой точки зрения, то оно вполне может распространяться и на эмбриона. Уважение и защита в данном контексте могут рассматриваться в качестве бережного отношения беременной женщины к эмбриону, заботе о его надлежащем развитии. Думается, если эмбрион обладает таким правом, то нарушение его прав должно влечь и соответствующие санкции. Однако ни в одном законодательном акте нельзя найти санкции, например, за то, что беременная женщина в период беременности ненадлежащим образом заботилась о здоровье плода, и в результате ребенок родился с определенными отклонениями, именно виду поведения матери. Возможно, следовало бы на законодательном уровне установить такого рода ответственность.

Если же вернуться к медицинским исследованиям эмбриона, то можно затронуть еще одну немаловажную проблему — использование стволовых клеток¹ зародыша.

В 2003 г. Европейской комиссией был подготовлен доклад², в главу 3 которого вошли вопросы использования стволовых клеток, как с юридической, так и с этической стороны. В докладе нашли отражение положения Заключения № 15 Европейской группы по этике «Об этических аспектах исследования и использования человеческих стволовых клеток». Здесь хочется отметить следующие моменты.

В отношении стволовых клеток, которые получены от плода или эмбриональных бластоцитов, действуют особые требования.

Для получения стволовых клеток из тканей эмбриона необходимо получение согласия матери, а также необходима гарантия того, что не будет произведен аборт или не будет негативного результата, который может повлиять на планированное прерывание беременности.

Каждое государство-член Европейского союза вправе самостоятельно решать вопрос об исследованиях на эмбрионах. Думается, что в данном контексте будем вполне уместным упомянуть Директиву Европейского союза о правовой защите биотехнологических изобретений³.

---

¹ Стволовые клетки — это клетки, обладающие уникальной способностью самообновляться (пролиферировать) и дифференцироваться в специализированные клетки различных типов.

² Commission staff Working paper report on human embryonic stem cell research. SEC (2003) 441.

³ Директива Европейского парламента и Совета ЕС 98/44/ЕС от 06.07.1998 о правовой охране биотехнологических изобретений.

Согласно п. 2 ст. 6 данной Директивы запрещается патентование использования эмбрионов для промышленных и коммерческих целей. Как отметил Суд Европейского союза, человеческое тело вне зависимости от стадии развития не может рассматриваться в качестве патентоспособного изобретения.

Еще одна весьма важная проблема, связанная с исследованием на эмбрионах, — проблема клонирования. Если обратиться к Протоколу о запрете клонирования человеческих существ 1998 г.¹ (является дополнением к Конвенции о правах человека и биомедицине), то незаконным признается репродуктивное клонирование² (а именно клонирование человека, например, путем разделения эмбриона).

Наиболее показателен в этом вопросе вклад Германии. Еще в 1990 г. был принят Федеральный закон ФРГ о защите эмбрионов. В нем указывается на то, что клонирование эмбрионов является преступлением.

В Испании данную сферу охватывает Закон о процедурах, способствующих репродукции 1988 г. Аналогично подходу Германии, клонирование считается преступлением, влекущим уголовную ответственность.

Наибольший интерес вызывает подход Великобритании. Довольно известным фактом является, то, что именно там, в 1997 г., были впервые проведены попытки клонирования. Там данную сферу регулирует Акт о зачатии человека и эмбриологии 1990 г. В него пытались внести изменения, касающиеся непосредственно клонирования эмбрионов. В частности изменения касались установления возможности проводить клонирование эмбрионов в научных целях на основании специальной лицензии, а также возможности исследовать полученные клоны, возраст которых составляет не более 14 дней исключительно в целях исследования в области стволовых клеток. Данная инициатива поддерживалась многими британскими учеными, которые указывали на огромную пользу для медицины, поскольку подобные исследования могли бы разрешить проблемы неизлечимых болезней. В итоге в 1990 г. поправки были приняты. Однако некоторое время спустя одна из общественных организаций оспорила решение Парламента, аргументируя свои доводы тем, что клон эмбриона вообще нельзя назвать эмбрионом, поскольку процесс «зачатия» клона значительно отличается, а если точнее, ничего общего не имеет с обычным человеческим зачатием. Данная точка зрения была поддержана Судьей Высокого суда, который рассматривал дело. Как результат в Палату общин был направлен проект Билля о репродуктивном клонировании человека, который в дальнейшем был принят. Билль указывает на запрет репродуктивного клонирования человека, квалифицируя данное деяние как уголовно наказуемое, сроком до 10 лет. Стоит все же отметить, что отдельного акта, который бы закрепил прямой запрет на проведение репродуктивного клонирования, нет.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что существует довольно много различных аспектов, которые

---

¹ Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине о запрете клонирования человеческих существ № 168 от 12.01.1998.

² Репродуктивное клонирование — тип клонирования, которое выполнено с целью создания дубликата другого организма.

в совокупности составляют вопрос защиты эмбриона, в первую очередь, с точки зрения права.

Дискуссионными остаются многие вопросы, в том числе имеет ли эмбрион право на жизнь. Как отмечено выше, точного ответа на данный вопрос в настоящее время нет, что вызывает немало проблем. Представляется необходимым в ближайшем будущем нормативно урегулировать данный вопрос.

Стоит также отметить тот факт, что наука не стоит на месте, она постоянно развивается, а право, как мы зачастую видим, не успевает за этими изменениями. К настоящему моменту скопилось немало нерешенных вопросов, а с каждым днем их число все растет и растет. Поэтому необходимо совершенствовать законодательство, особенно в сфере защиты основополагающих права и свобод человека.

Перспективы развития Европейского исследовательского пространства

Development prospect of European research area

Исследовательское пространство как концепция появилось в Коммюнике Комиссии ЕС «На пути к Европейскому исследовательскому пространству» в 2000 г.¹ В документе указывались актуальные проблемы развития исследований в ЕС: фрагментарность проводимых исследований, сравнительно небольшой их вклад в ВПП (в отличие Японии и США), несистемная поддержка НИОКР, низкий уровень научной кооперации в ЕС, сравнительно небольшая доля занятых, особенно молодежи, в исследованиях. Цель по формированию единого исследовательского пространства была также зафиксирована ДФЕС в Разделе XIX «Научные исследования и технологическое развитие и космос». Ст. 179 закрепляет «единый рынок» для исследований: свободное перемещение сотрудников, научных знаний и технологий. По ст. 180 к компетенции Союза дополнительно к деятельности государств-членов относится:

1) принятие программ исследований, технологического развития и демонстрации (технологий), предусматривающих трансграничное сотрудничество органов ЕС и государств, научных центров, университетов, поставителей бизнес сообщества;

2) продвижение сотрудничества с области исследований ЕС с третьими странами и международными организациями;

3) распространение и оптимизация результатов исследований ЕС;

4) стимулирование обучения и мобильности исследователей в ЕС.

Например, основной финансовой формой участия Союза в формировании единого исследовательского пространства является принятие многолетней рамочной программы, в которой закрепляются цели научных и технологических исследований, направления исследований, предельная сумма финансового участия ЕС в программе в совокупности и по выделенным сферам. Так, текущая рамочная программа Горизонт 2020 была принята Регламентом 1291/2013. В соответствии со ст. 3 целью программы является внесение вклада в создание общества и экономики, основанной на научных знаниях и инновациях. В качестве общих целей (подпрограмм) определены: передовая наука, индустриальное лидерство, социальные вызовы. Помимо этого, Регламент охватывает вопросы финансирования, кооперации с третьими странами, партнерства заинтересованных сторон (государств-членов, крупных компаний, МСП, научных центров, университетов и т. д.), обеспечения доступа к материалам исследований, контроля, мониторинга и оценки программы. В настоящее время Горизонт 2020 является основой функциони-

---

¹ В тексте в качестве сокращенного наименования от «Европейского исследовательского пространства» будет использоваться аббревиатура ЭПА от «ERA – European research area».

рования ЭРА, обеспечивая интеграцию в финансировании, трансграничную кооперацию научных центров, вовлечение всех заинтересованных сторон (государство-бизнес-наука) в системы организации исследований.

Для обеспечения эффективного развития и функционирования единого исследовательского пространства принята в форме заключения Совета ЕС Дорожная карта «Европейское исследовательское пространство» 2015–2020. Целью этого документа было расставление приоритетов для дальнейшей интеграции, которые будут иметь наибольший эффект в развитии европейской науки, исследований и инноваций. В итоге было выделено 6 главных приоритетов: более эффективные системы организации исследований, оптимальная транснациональная кооперация и конкуренция, открытый рынок труда для исследователей, гендерное равенство в исследованиях, оптимальный оборот, обеспечение доступа и передачи научного знания, международная кооперация. Таким образом, были выделены направления интеграции в сфере исследований в ЕС. Каждое государство ЕС должно было разработать в соответствии с Дорожной картой Планы действий (Action Plan) и национальные стратегии для имплементации выбранных приоритетов. Ниже представлен обзор приоритетов, их задач и динамики развития в соответствии с докладом Европейской Комиссии 2016 г. «Прогресс Европейского исследовательского пространства (ERA Progress)».

1. Более эффективные национальные системы организации исследований.

К системе организации исследований относятся институциональные основы (наличие координационного центра для лабораторий, специальные государственные органы, крупные НКО, профсоюзы и т. п.), порядок и условия финансирования, стратегическое планирование развития науки и исследований, наличие партнерских программ с третьими странами. До актуализации вопроса о формировании ЭРА в 2000 г. системы финансирования государств-членов были негармонизованы, исследований и разработки проводились недостаточно системно, не поднимались вопросы стимулирования кооперации научных центров и продвижения мобильности исследователей.

К 2016 г. был достигнут определенный прогресс в этой сфере: странами были приняты стратегии и Планы действий, отразившие в себе приоритеты ЭРА, увеличились объемы финансирования исследований, программы поддержки создавались с учетом направлений программ ЕС, что позволяло достичь большего эффекта. Так, принимаемые стратегии учитывали государственно-частное партнерство в исследованиях, сотрудничество бизнеса и научных центров, но, как отмечает Комиссия, они требуют более системного, стабильного и открытого финансирования.

2. Трансграничная кооперация и конкуренция.

Поощрение сотрудничества научных центров подразумевается, в первую очередь, ст. 179 ДФЕС. Для ЭРА взаимодействие имеет значение в целях обмена опытом и знаниями, продвижения использования единой терминологии, формирования общепринятых концепций, создания трансграничных научных кластеров и лабораторий. Основным инструментом поощрения такой кооперации являются инициативы по совместному стратегическому планированию (Joint Programming Initiatives (JPIs)). Это платформа совместного финансирования исследований, проводимых коллективами из

разных государств-членов. Комиссия отмечает, что многие страны и коллективы активно пользуются предоставляемыми возможностями, но нуждаются в большей интеграции с национальными системами и обеспечении открытости прогресса исследований и эффективном едином управлении.

3. Открытый рынок труда для исследователей.

Несмотря на то что в праве ЕС давно закреплена свобода передвижения рабочей силы, для развития ЭРА это направление выделяется отдельно. Помимо общих гарантий трудящихся ЕС, для исследователей особо важна информация о возможностях и перспективах исследований в ЕС, существующих формах финансирования и способах его получения, а также трудоустройства в тех лабораториях и сферах, где их знания и навыки будут максимально востребованы и полезны. Для реализации этой задачи была создана платформа EURAXESS. Это портал всеевропейский портал поиска работы, сотрудников и партнеров в сфере исследований. Анализ активности соискателей, пользующихся платформой, выявил две основные проблемы, связанные с дисбалансом в правовой защите трудящихся по странам: предоставление различной степени социальной защиты трудящихся и наличие требований к языку, особенно в сфере преподавания. Для решений этих проблем Комиссией ЕС был основан дополнительный пенсионный фонд для исследователей (RESAVER), в отдельных национальных инициативах расширяются возможности использования иностранных языков, обеспечивается равный доступ к конкурсу на получение грантов и их перемещение.

4. Гендерное равенство в исследованиях.

Этот приоритет отражает общее направление политики ЕС по продвижению гендерного равенства. На текущем этапе его успех определяется повышением доли женщин-исследователей, повышение доли женщин, занимающих руководящие должности. Например, в 2014 г., по оценке Комиссии, результаты были не удовлетворительны: хотя в среднем доля женщин составляет около трети, среди лиц, занимающих руководящие должности только 25% женщин.

5. Оборот, передача и обеспечение доступа к научным знаниям.

Задачей этого приоритета является более широкое использование результатов исследований и обеспечение к ним максимально открытого доступа. Показателем активной передачи и оборота результатов является использование механизмов государственно-частного партнерства, партнерства научных центров и бизнеса, университетов и крупных компаний и в результате — их коммерциализация и выход на рынок. В идеале, потребности производства должны поддерживаться соответствующими научными знаниями, развитие которых стимулируется государством. Основной проблемой является то, что центры исследований не всегда нацелены на сотрудничество с бизнесом и поиск партнеров в частном секторе. Комиссия приходит к выводу, что доверие и взаимодействие с бизнесом должно строиться путем проведения совместных мероприятий, «ярмарок вакансий», обучения и обмена кадрами, создания совместных Индустриально-исследовательских организаций (Industry – Research Performing Organisation (RPO)), а государства могут организационно этому способствовать.

Для обеспечения открытости данных в мае 2016 г. Советом было принято Заключение о переходе к Открытой системе науки (Open Science System).

К 2020 г. планируется обеспечить размещение в открытый доступ данных, научных публикаций и результатов исследований по программам, финансируемым из публичных источников. Комиссия приходит к выводу, что многие Планы действий ЭРА уже имплементировали политику открытых данных, но существующие условия и системы не гармонизированы и доступ к данным обеспечивается неравномерно, что также является препятствием для единого пространства.

6. Международное сотрудничество.

Для ЕС такое сотрудничество актуально путем привлечения талантливых коллективов из третьих стран и использования их научного потенциала. Тем не менее, отмечается, что национальные планы больше сконцентрированы на кооперации внутри ЕС, но внешнее сотрудничество также достаточно фрагментарно.

Таким образом, по состоянию на 2016 г. Комиссия приходит к выводу, что в каждом из направлений интеграций ЭРА существуют трудности и барьеры, связанные с отсутствием общей рамки для развития приоритетов и формирования единого пространства. В связи с этим возникает вопрос о развитии компетенции Союза в этой сфере. С одной стороны, научные исследования, в том виде, в котором они продвигаются в ЕС (инновационность, ориентация на бизнес и рынок, решение социальных задач), являются драйверами экономического роста, в котором ЕС заинтересован *suigeneris*. Вызовом для права ЕС становится определение, какими инструментами, мягкого или жесткого права, будет дальше формироваться единый рынок исследований. С другой стороны, возможно, полномочий и практики ЕС в других сферах (промышленность, образование, экономическая политика и т. д.) может оказаться достаточно для формирования единого пространства.

В настоящее время компетенция ЕС ограничена п. 3 ст. 4 ДФЕС, по которому полномочия и деятельность Союза по реализации программ в сфере исследований и технологического развития не должны препятствовать реализации государствами ЕС своих собственных программ, при этом такая сфера компетенции как «исследования и технологическое развитие» отдельно не выделена. Как показывает Доклад Комиссии за 2016 г. национальные программы, даже имплементировав основные приоритеты ЭРА, приводят к различным и не всегда гармонизированным результатам. При этом вклад исследований как в экономику отдельных государств, так и ЕС в целом, ощущен уже сейчас и для повышения конкурентоспособности ЕС в мире требует большей степени наднациональной организации. Представляется вероятным, что для создания единого пространства потребуются консолидация имеющейся правовой базы и закрепление исследований и технологического развития в качестве сферы совместной компетенции ЕС, предусматривающей формирование общей политики в сфере исследований и технологического развития. Такое решение позволит формировать правовую базу ЕС, обеспечивающую не только стратегическое планирование, но и общие правила размещения данных в открытый доступ, предоставления социальных гарантий исследователям, обеспечения допуска к конкурсу на получение национальных грантов, координацию и самоорганизацию научных центров, расширение программ и способов организованного финансирования, включая вклад ЕС, государств и частных лиц.

Формирование общей европейской системы предоставления убежища

Common European Asylum System reform

Понятие и статус беженца закреплены в Женевской конвенции 1951 г. о статусе беженцев, которая ратифицирована всеми государствами-членами Европейского союза¹. Положения данной Конвенции реализуются через национальное законодательство каждого государства-члена ЕС.

Во всех государствах-членах ЕС проведено разграничение между лицами, ищущими убежище, и беженцами. Лицо, ищущее убежище, — это лицо, направившее запрос о предоставлении статуса беженца. Лицу, ищущему убежище, статус беженца предоставляется только после решения, принятого государством-членом ЕС, что он (она) имеет на это право в соответствии с установленными правилами и процедурами. В ст. 18 Хартии Европейского союза об основных правах написано: «Право на убежище гарантировано при условии соблюдения правил Женевской конвенции от 28 июля 1951 г. и Протокола к ней от 31 января 1967 г. о статусе беженцев, а также при условии соблюдения норм о порядке предоставления убежища, установленных в соответствии с Договором, установленным Европейским Сообществом»².

Убежище предоставляется людям, спасающимся от преследования и угрозы причинения им серьезного вреда в своей стране и тем самым нуждающимся в международной защите. Получение убежища является неотъемлемым правом лица, а его предоставление международным обязательством государства, впервые прописанным в Женевской конвенции 1951 г. Для стран Европейского союза из-за открытых границ и свободы передвижения необходим комплексный подход, гарантирующий соблюдение требуемых стандартов защиты беженцев. Процедуры должны быть в то же время справедливыми и эффективными для всего Европейского союза и не допускающими злоупотребления. Имея в виду эти обстоятельства, государства-члены ЕС стремятся к установлению Общей Европейской системы предоставления убежища³.

По мнению европейских законодателей, рассмотрение вопросов предоставления убежища в рамках ЕС следовало обосновывать необходимостью

---

¹ Конвенция о статусе беженцев Принята 28 июля 1951 г. Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созванной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 г.

² Хартия Основных прав Европейского союза Торжественная прокламация, принята в г. Ницца, 7 декабря 2000 г.

³ *Гончарова Н.* Реализация права на убежище в Европейском союзе // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 3 (44). С. 191–199.

солидарных действий государств-членов ЕС в сфере, где отдельные страны не могут эффективно решать вопросы предоставления убежища в Европейском союзе без внутренних границ. Первая фаза создания Общей европейской системы по предоставлению убежища предполагала гармонизацию не только законодательства, но и практики его применения, что, в свою очередь, было призвано повысить качество принимаемых решений в контексте согласованных процедур и привести к повышению доверия между государствами-членами и обеспечить последовательность практических шагов в рамках Европейского союза¹.

С этой целью в соответствии с задачами по созданию Общей европейской системы по предоставлению убежища институты ЕС разработали и приняли три ключевых документа:

- Директиву Совета 2003/9/ЕС от 27 января 2003 г., определяющую минимальные стандарты приема лиц, ищущих убежища²;
- Директиву Совета 2004/83/ЕС от 29 апреля 2004 г. о минимальных стандартах для квалификации и статуса граждан третьих стран или лиц без гражданства в качестве беженцев или лиц, нуждающихся в иной форме международной защиты, и содержании предоставляемой защиты³;
- Директиву Совета 2005/85/ЕС от 1 декабря 2005 г. о минимальных стандартах для процедур государств-членов по предоставлению и отмене статуса беженца⁴.

Все выше отмеченные документы были отменены вновь принятой Директивой №2013/32/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «Об общих процедурах для предоставления и отмены международной защиты», которая сочетает в себе положения всех трех документов⁵.

Государства-члены ЕС сохраняют значительную степень суверенитета по способу предоставления убежища. Это означает, что условия и пособия для лиц, нуждающихся в убежище, получаемые в определенном государстве-члене ЕС, могут существенно различаться. Государства-члены ЕС сделали первые шаги в попытке согласовать обращения лиц, нуждающихся

---

¹ Справочник по европейскому законодательству об убежище, границах и иммиграции // Агентство Европейского союза по основным правам, Совет Европы, Европейский суд по правам человека, 2014 г.

² Директива Совета Европейского союза 2003/9/ЕС от 27 января 2003 г., определяющая минимальные стандарты приема лиц, ищущих убежища // Опубликована в Official Journal of the European Union. 2003. Vol. 46. L. 31. P. 18–25.

³ Директива Совета Европейского союза 2004/83/ЕС от 29 апреля 2004 г. о минимальных стандартах для квалификации и статуса граждан третьих стран или лиц без гражданства в качестве беженцев или лиц, нуждающихся в иной форме международной защиты, и содержании предоставляемой защиты // Журнал международного права и международных отношений. 2006. № 3.

⁴ Директива Совета Европейского союза 2005/85/ЕС от 1 декабря 2005 г. о минимальных стандартах для процедур государств – членов по предоставлению и отмене статуса беженца, 2 января 2006, 2005/85/ЕС.

⁵ Директива Европейского Парламента и Совета ЕС 2013/32/ЕС от 26 июня 2013 г. об общих процедурах для предоставления и отмены международной защиты // опубликована в Official Journal of the European Union N L 180. 29.06.2013. P. 60.

в убежище, и беженцев, проживающих на их территории. Общая европейская система предоставления убежища является побудительным мотивом к гармонизации и состоит из большого количества нормативных актов, охватывающих такие вопросы, как ответственность государства-члена ЕС за рассмотрение ходатайства о предоставлении убежища, процедуры, применяемые при рассмотрении ходатайства, и условия проживания до вынесения решения¹.

Общая Европейская система предоставления убежища, однако, не устранила различия в отношении государства-члена ЕС к лицам, нуждающимся в убежище, и беженцам. Поэтому Европейский Парламент и государства-члены ЕС вели переговоры по доработке действующего законодательства. Зеленая книга 2007 стала базой общественного обсуждения и консультаций по этому поводу². Итоги совместно с результатами оценки реализации существующих мер стали основой для политического плана Европейской комиссии в сфере предоставления убежища, представленного в июне 2008 г. Он основывается на трехкомпонентной стратегии развития общей Европейской системы предоставления убежища: уделяется особое внимание гармонизации стандартов защиты с дальнейшей стандартизацией законодательства государств-членов ЕС в области убежища, практическому сотрудничеству; усилению солидарности и ответственности государств-членов ЕС, а также государств, не входящих в ЕС.

В новых согласованных Европейским союзом правилах изложены общие стандарты, предусматривающие более тесное сотрудничество, что гарантирует рассмотрение прошения о предоставлении убежища лицам, нуждающимся в нем, открыто и объективно — независимо от места подачи прошения. Целью Директивы по процедуре предоставления убежища является стремление к более справедливым, быстрым и качественным решениям по предоставлению убежища.

Нельзя не отметить также Дублинскую Конвенцию (Дублин I) 1990 г.³, которую сменил Регламент Дублин II (343/2003 от 18 февраля 2003 г.)⁴. Она устанавливает процедуру определения государства-члена ЕС, отвечающего за рассмотрение прошения о предоставлении убежища в ЕС. Преимущественно это первое государство, в которое въезжает проситель убежища, или государство, ответственное за въезд на территорию государства-члена ЕС, Норвегии, Исландии и Швейцарии. Цель регламента — гарантировать своевременное предоставление политического убежища, избегая дублирования

---

¹ Notices from European Union Institutions and Bodies (European Parliament, Council, Commission) Charter of fundamental rights of the European Union. / 2007/C 303/01.

² «Зеленая книга» от 6 июня 2007 г. о будущей общей европейской системе убежища [COM (2007) 301 final — в «Официальном вестнике» не опубликована].

³ Конвенция по определению государства, ответственного за рассмотрение ходатайств об убежище, поданных в одном из государств-членов Европейского сообщества, от 15 июня 1990 г., Official Journal of the European Union C 254, 19 августа 1997 г.

⁴ Постановление Совета (ЕС) № 343/2003 об установлении критериев и механизмов для определения государств — членов, ответственных за рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища, поданных в одном из государств-членов гражданском третьей страны, Official Journal of the European Union, 25 февраля 2003 г., L50/1.

обращений по этому поводу. Вместе с Регламентом Дублин еще три правовых документа образуют своего рода систему: Регламент Совета Европы 2725/2000 «О создании системы Евродак для сравнения отпечатков пальцев с целью эффективного применения Дублинской конвенции»¹; Регламент 1560/2003, устанавливающий подробные правила применения Регламента Совета 343/2003 о критериях и механизмах определения государства-члена ЕС, ответственного за рассмотрение прошения, поданного в одно из государств-членов ЕС гражданами третьей страны; Регламент Совета 407/2002, устанавливающий правила применения Регламента 2725/2000².

Однако на практике действие Регламента Дублин часто оказывается направленным против беженцев. Он может привести к серьезным задержкам в рассмотрении ходатайств о предоставлении убежища и может даже стать причиной того, что ходатайство вообще не будет рассматриваться. Вопросы, вызывающие беспокойство, — это чрезмерное использование таких мер, как содержание под стражей просителей убежища, разделение семей, отказ от эффективной возможности апеллировать против перевода (ст. 3 § 2 Регламента Дублин), чтобы облегчить решение этих и других проблем. Он также препятствует интеграции беженцев, вынуждая их подавать прошения в определенное государство-член ЕС, с которым они не имеют никакой определенной связи. Также структура системы Дублин увеличивает давление на те государства-члены ЕС на внешних границах ЕС, которые часто не в состоянии предложить просителям убежища поддержку и защиту. Последние события, связанные с переводом в Грецию, выявили недостатки Дублинской системы, судя по многочисленным искам как на европейском, так и на национальном уровне, и послужили поводом для пересмотра Регламента Дублин.

В 2008 г. Комиссия опубликовала изменения Регламента Дублин. Целью внесения изменений является увеличение эффективности системы и гарантии обеспечения защиты просителей убежища, подпадающих под процедуру Дублин. За последние 10 лет также было немало судебных процессов, по которым просители убежища оспаривали перевод в другое государство-член ЕС по системе Дублин, как по вопросам, касающимся защиты, так и из-за ненадлежащих условий приема на национальном и европейском уровнях. В январе 2011 г. Большая палата Европейского суда по правам человека вынесла решение в М.С.С. против Бельгии и Греции. Среди прочих решений было указано, что Бельгия нарушила ст. 3 и 13 Европейской конвенции по правам человека, вернув просителя убежища обратно в Грецию по Дублинскому Регламенту. Суд постановил, что Бельгия нарушила ст. 3, подвергая заявителя рискам из-за несовершенства процедур предоставления убежища в Греции, нарушения были связаны и с содержанием под стражей и ус-

---

¹ Постановление Совета (ЕС) № 2725/2000 от 11 декабря 2000 г. о создании системы «Eurodac» для сравнения отпечатков пальцев в целях эффективного применения Дублинской конвенции, Official Journal of the European Union, 15 декабря 2000 г., L316/1.

² Гончарова Н. Реализация права на убежище в Европейском союзе // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 3 (44). С. 191–199.

ловиями проживания. По поводу национальной процедуры обжалования в Бельгии суд постановил, что это государство нарушило ст. 3 и 13, так как отсутствовали эффективные средства правовой защиты. Точно так же в декабре 2011 г. суд Европейского союза установил, что государства-члены обязаны не передавать лиц, нуждающихся в убежище, тем государствам-членам, в которых они могут столкнуться с бесчеловечным или унижающим достоинство обращением в нарушение ст. 4 Устава. Как видно по этим судебным решениям, Система Дублин не может функционировать одинаково во всех странах¹. Цель Нового Регламента Дублин III – внедрение эффективных процедур по защите лиц, нуждающихся в убежище, и повышение эффективности системы. Кроме того, он содержит ряд положений по защите интересов заявителей на предоставление убежища, например, обязательное анкетирование, гарантии для несовершеннолетних (включая подробное описание факторов, которые должны быть основными при оценке интересов ребенка) и расширенные возможности их воссоединения с родственниками. Он также гарантирует возможность для заявителя приостановить исполнение перевода на период, пока идет рассмотрение, с гарантией того, что человек остается на соответствующей территории в ожидании решения. Важным является то, что он устанавливает единые основания для задержания лиц, просящих убежище, в случае опасности побега и предельную продолжительность содержания под стражей и гарантирует право на обжалование так называемого «Решения о переводе». Он также обеспечивает большую правовую ясность процедур между государствами-членами ЕС, например, устанавливает четкие сроки. Вся процедура не может длиться более 11 месяцев для принятия решения о приеме лица, или 9 месяцев для возврата его/ее (за исключением побега или нахождения в заключении)².

На данный момент на официальном сайте EASO (Европейского агентства по вопросам убежища) размещена информация о разработке проекта нового документа, регулирующего вопросы предоставления убежища. Подобные шаги были предприняты, поскольку действующая система не принесла, необходимых для всецелого регулирования данной проблемы, результатов³.

Таким образом, в скором времени, Европейский союз ждет серьезная переработка нормативно-правовой базы, касающейся вопросов предоставления убежища. Это, прежде всего, связано с тем, что огромное число заявлений о предоставлении убежища было получено за последние 5 лет. Исходя из такого положения дел, необходима детальная переработка некоторых положений относительно функционирования Общеввропейской системы предоставления убежища.

---

¹ Дело «М. С. С. против Бельгии и Греции» (краткое содержание), № 30696/09, Совет Европы: Европейский суд по правам человека, 21 января 2013.

² Гончарова Н. Реализация права на убежище в Европейском союзе // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 3 (44). С. 191–199.

³ Официальный сайт European Asylum Support Office <https://www.easo.europa.eu/>

*А. Николаишкина,
А. Неустроева
Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Студенты (бакалавриат)*

Ограничительные меры Европейского союза против России: правовая природа и последствия их введения

The EU restrictive measures against Russia: legal nature and consequences of implementation

В последние несколько лет наблюдается негативная тенденция введения большого количества мер ограничительного характера против России в том числе и со стороны Европейского союза (далее – ЕС). На сегодняшний момент ограничительные меры являются основным инструментом внешней политики ЕС.

В международном праве остается дискуссионным вопрос о разграничение понятий ограничительные меры, санкции, контрмера (мера ответственности). Относительно мер, принимаемых ЕС в отношении государств, не являющихся ее членами (т. е. третьих стран), применяется следующий подход: «в качестве родового понятия используется термин *restrictive measures* (ограничительные меры), затем следует класс конкретных мер (индивидуальные и финансовые), а все это вместе называется *sanctions* (санкции)»¹. Следовательно, мы можем сделать вывод, что в законодательстве ЕС нет существенной разницы между вышеупомянутыми понятиями. В настоящей работе санкции и ограничительные меры будут рассматриваться как тождественные.

Ограничительные меры (санкции) – принудительные меры, применяемые Советом ЕС (далее – Совет), Парламентом в отношении определенных государств, организаций и граждан с целью изменения политики или деятельности государства, его части, правительства или отдельных физических лиц, а также с целью последующего предупреждения правонарушения.

В соответствии со ст. 215 Договора о функционировании ЕС (далее – ДФЕС) решение о введении санкций принимается Советом ЕС, постановляя квалифицированным большинством по совместному предложению Верховного представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности и Комиссии². В случае достижения согласия ЕС не ограничен в объеме и круге применения ограничительных мер.

Нормативно-правовой базой для принятия ограничительных мер со стороны ЕС служат положения главы 2 раздела V Договора о ЕС (далее – ДЕС), а также ряд статей ДФЕС (например, ст. 75, 215). Европейский союз для

---

¹ Жбанков В. А., Трубочева К. И., Слепак В. Ю. Правовой режим ограничительных мер в европейском праве // Актуальные проблемы российского права. 2015. Вып. № 10.

² Договор о функционировании Европейского союза (Рим, 25 марта 1957 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.).

введения ограничительных мер издает как минимум два документа: решение в рамках ОВПБ в соответствии со ст. 29 ДЕС и принятый в соответствии со ст. 215 ДФЕС в целях наиболее полной его реализации регламент, накладывающий на субъекты права ЕС обязательства экономического характера.

Действующее законодательство ЕС предусматривает возможность ослабления решения Совета по искам конкретных граждан или организаций, в отношении которых были приняты меры.

Все акты Совета ЕС, устанавливающие ограничительные меры, в доктрине условно делят на две группы: основные и дополнительные. Основными являются решения и регламенты, запускающие тот или иной вид санкций, а дополнительными — решения и регламенты, которые вносят изменения или дополнения в основные.

Ниже рассмотрим следующие вопросы: что же послужило причиной введения санкций? Каковы итоги их введения для России и ряда других стран?

На сегодняшний день в свете рассматриваемого вопроса можно выделить следующие взаимоотношения ЕС и Российской Федерации (далее — РФ).

В. В. Войников выделяет три вида санкций против России¹:

1) индивидуальные санкции, касающиеся конкретных граждан и организаций, которые по мнению ЕС виновны в нарушении суверенитета и территориальной целостности Украины (например, запрет на выезд, заморозка активов);

2) ограничительные меры в отношении Крыма и Севастополя, принятые в связи с присоединением полуострова в состав РФ;

3) антироссийские экономические санкции, введенные после крушения малайзийского «Боинга».

В. В. Войников высказывает мнение, что санкции в отношении России ввелись не как превентивная мера, а как наказание за действие в Крыму и на Юго-Востоке Украины, которые с точки зрения ЕС — нарушают принципы международного права. Также существует мнение, что ограничительные меры против РФ введены из-за проведения независимой внешней политики.

В июне 2014 г. Европейским союзом было принято несколько постановлений о наложении санкций в отношении РФ. Так, Постановление Совета от 23 июня 2014 г. № 2014/386/CFSP «Об ограничениях на импорт товаров из Крыма и Севастополя на территорию стран Европейского союза» и Постановление (ЕС) Совета от 31 июля 2014 г. № 833/2014 «Об ограничительных мероприятиях в отношении поведения России, дестабилизирующего положение на Украине» были приняты сроком на один год и должны были прекратить свое действие в конце июня 2015 г. Поскольку страны — участницы Совета ЕС посчитали, что цель вышеназванных постановлений пока не была достигнута, было принято решение о продлении их действия. ЕС снимет ограничительные меры с РФ, только после выполнения последней Минских соглашений.

Хронология введения санкций против России берет свое начало в марте 2014 г. Первыми ограничительные меры в отношении РФ ввели Кана-

---

¹ *Войников В. В.* Ограничительные меры ЕС в отношении России: правовая природа и проблема имплементации // Балтийский регион. 2015. Вып. № 1.

да и США. США, не согласные с действиями России в ходе украинского кризиса, ввели санкции в отношении высокопоставленных российских политиков. Ограничения предполагают, в частности, запрет на въезд на территорию США и блокировку активов и собственности. В список попали 11 человек (премьер Крыма Сергей Аксенов, Дмитрий Рогозин, Валентина Матвиенко). В тот же день министры иностранных дел стран Евросоюза договорились о введении санкций в отношении российских и украинских официальных лиц, которых они считают виновными в «подрыве территориальной целостности Украины» (всего в списке оказалось 21 человек). Немного позже Албания, Исландия, Черногория, Норвегия и Украина присоединилась к индивидуальным санкциям ЕС.

Спустя время США объявил о введении санкций против Банка Москвы, ВТБ и Россельхозбанка, а также Объединенной судостроительной корпорации РФ. Под санкции Евросоюза попали «Роснефть», «Транснефть», «Газпром нефть». Основанием для включения российских компаний в санкционный список стала их тесная связь с государством. В ответ на это Россия сократила экспорт российского газа в страны ЕС и выработала проект «Стратегии развития минерально-сырьевой базы РФ до 2030 года», одной из целей которого стало увеличение поставок указанного сырья в Азию.

Применение ограничительных мер негативно повлияла и на государства-члены ЕС. Так, в результате санкций ЕС и введенных контрсанкций со стороны РФ, страны Европы понесли существенный экономический ущерб. Упомянутые санкции прежде всего касаются европейского аграрно-продовольственного экспорта в Россию. Были потеряны проекты по организации и расширению производства в РФ (например, проекты между немецким и российским бизнесом также оказались подвешенными или замороженными под воздействием политических факторов). Кроме того, европейские компании жалуются на то, что резко ухудшились условия финансирования инвестиционных проектов¹. Так же в обход санкциям компании из ЕС продолжали торговлю с Крымом (Германия-2014, Румыния-2015). На Россию ограничительные меры тоже оказали существенное влияние. В экономике страны наблюдается процесс стагнации, затруднилось отношение с международными организациями (Россия считает политическим вывод ВТО о том, что запрет поставки свиноводческой продукции из ЕС связан с ограничительными мерами, а не с неспособностью обеспечить поставку безопасной продукции).

Кроме негативного воздействия, можно проследить и положительные стороны санкций для России. Так, например, укрепились отношения на мировой арене с Китаем, государствами Ближнего востока, которые готовы заменить импорт из европейских стран. Китай и РФ подписали более 30 соглашений по взаимоотношениям в различных сферах общественной жизни. Можно выделить следующие ключевые соглашения: о сотрудничестве по сопряжению создания Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути», по углублению всеобъемлющего партнер-

---

¹ Вишняков А. Война санкций: до последнего европейского фермера. 2015.

ства и стратегического взаимодействия, и продвижения взаимовыгодного сотрудничества.

Позицию ЕС в вопросе введения санкций нельзя назвать «единой», так как о смягчении санкций уже высказывались представители Испании, Австрии, Италии, Финляндии, и об их скорейшем снятии – Венгрии и Словакии, и противоречия только усиливаются.

На данном этапе перечень ограничительных мер распространяет свое действие на все сферы общественной жизни. И остается открытым вопрос о введении новых и продлении старых санкций. Среди политологов существует мнение, что даже если ограничительные меры будут формально отменены, то продолжают свое действие неформально. В настоящий момент в Официальном журнале Евросоюза опубликовано решение о продлении санкций против Москвы до 31 января 2017 г.

Возможные правовые последствия выхода Великобритании из Европейского союза

Possible legal consequences of the United Kingdom secession from the European Union

Вопрос выхода Великобритании из состава Европейского союза (далее – ЕС) на данный момент очень актуален и имеет ряд проблем, с которыми предстоит столкнуться не только выходящему из состава данной международной организации государству, но и самому Европейскому союзу.

Во время референдума, который прошел 23 июня 2016 г., за выход Великобритании из Европейского союза высказалось с небольшим перевесом чуть больше половины проголосовавших, а за продолжение членства проголосовало 48,1% избирателей¹ соответственно.

Статья 50 Лиссабонского договора² вносит новое положение в институт членства государства в ЕС. Если прежние договоры о Европейских сообществах и ЕС не предусматривали возможности выхода из их состава какого-либо государства-члена, то теперь в Договоре о ЕС допускается выход из Союза любого государства-члена.

Такое государство-член в соответствии со своими конституционными правилами может принять решение о выходе из состава Союза. Государство-член, которое принимает решение о выходе, уведомляет о своем намерении Европейский совет. Союз проводит переговоры и заключает с данным государством соглашение, в котором определяется порядок выхода последнего с учетом основ его будущих взаимоотношений с Союзом. Переговоры о заключении данного соглашения проводятся в соответствии со ст. 218 Договора о функционировании ЕС³. Соглашение от имени Союза заключает Совет, постановляя квалифицированным большинством, после одобрения Европейского парламента.

Поскольку ни одно государство-член ЕС ранее не покидало Европейский союз, процедура выхода на практике не применялась. При этом существует ряд правовых проблем, а именно:

- 1) в статье не оговорены детали и четкая процедура выхода из ЕС;
- 2) не оговорены конкретные вопросы, которые необходимо урегулировать в соглашении сторон о выходе;

---

¹ http://www.bbc.com/news/politics/eu_referendum/results (Проверено 10 октября 2016 г.).

² Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty Establishing the European Community (2007/C 306/01) // Official Journal of the European Union C 306/1.

³ Договор о функционировании Европейского Союза (Рим, 25 марта 1957 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) // Система «ГАРАНТ».

- 3) нет четких указаний на сроки подготовки данных соглашений;
- 4) в рамках ст. 50 Лиссабонского договора, финансовые и таможенные вопросы также остались без внимания.

Согласно п. 3 ст. 50 Договора о Европейском союзе¹, договоры прекращают применяться к заинтересованному государству со дня вступления в силу соглашения о выходе либо при отсутствии такого соглашения через два года с момента уведомления, если только Европейский совет с согласия заинтересованного государства-члена единогласно не решит продлить этот срок.

Стоит отметить, что в Высоком суде юристом правительства было заявлено, что Великобритания не будет в этом году активировать ст. 50 Лиссабонского договора, которая официально запускает процесс выхода страны из Европейского союза и определяет правила этого выхода. Тем самым откладывая процесс выхода Великобритании из состава ЕС, наиболее вероятно, к 2019 г. Одним из аргументов является то, что на процесс переговоров о выходе Британии из Евросоюза могут оказать влияние президентские выборы во Франции, намеченные на апрель, и в Германии, запланированные на октябрь 2017 г. В связи с данной политической неопределенностью, Великобритания не может определиться с четкой позицией ведения переговоров, связанных с выходом из ЕС.

До проведения референдума правительство Великобритании заявило, что «голос за выход из ЕС станет только началом, но никак не концом процесса». В связи с выходом из ЕС Великобритании потребуются заключить многочисленные международные договоры и соглашения в целом ряде различных областей. Важно отметить, что после согласования выхода из ЕС Великобритания еще несколько лет будет оставаться членом Евросоюза, и к ней по-прежнему будет применяться большинство законов ЕС².

Инициаторы выхода Великобритании из Европейского союза (далее – Brexit) ожидают только улучшений, противники данных действий наоборот уверены, что выход из Европейского союза спровоцирует серьезные последствия. В первую очередь перед правительством Великобритании встанет вопрос о сотрудничестве со странами ЕС, которые остались в его составе. Для продолжения торговых отношений с каждым государством необходимо заключить соответствующий договор, на что потребуется достаточно много времени.

Сторонники выхода Великобритании из ЕС активно поддерживают требование, чтобы на государство не распространялись законы Европейского союза, т. е., чтобы британцы могли свободно передвигаться по территории ЕС и страна при этом не выплачивала никаких членских взносов. Инициаторы Brexit уверены, что заключить подобное соглашение будет несложно, так как в данный момент законодательства сторон пребывают в полном нормативном соответствии. В пример они приводят Канаду, которая не так давно заключила с ЕС договор о свободной торговле. Это соглашение под-

---

¹ Договор о Европейском союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.). Консолидированный текст // Система «ГАРАНТ».

² Welcome to Brexit Next: legal implications, June 2016 // CMS Russia.

разумеает отмену практически всех торговых ограничений, однако стоит заметить, что оно не предусматривает свободного перемещения граждан по территории ЕС.

Также определенные проблемы может вызвать будущая визовая политика. Вызывает беспокойство именно то, что если визовые правила Великобритании не изменятся, а соглашение о свободном въезде граждан стран ЕС отменят, обладателям европейских паспортов придется получать визы для поездок в Соединенное Королевство. Как говорится в исследовании Оксфордского университета¹, три четверти граждан стран ЕС, которые сейчас работают в Великобритании, потеряют это право и не смогут получить рабочие визы, поскольку не попадут под их жесткие требования. Всего в Великобритании 2,2 миллиона работающих европейцев, в основном они заняты в гостиничном бизнесе и строительстве. Сторонники Brexit признают, что с необходимостью получать визы для поездок в Европу столкнутся и сами британцы – такой будет цена за более надежные границы.

Экономические последствия Brexit начались сразу после проведения референдума. Международный валютный фонд (далее – МВФ) снизил прогноз роста ВВП Великобритании в 2017 г. Также во время торгов курс фунта к доллару опустился до самого низкого уровня за 31 год из-за новых опасений инвесторов по поводу Brexit.

Что касается Европейского союза, учитывая взятый еврозоной курс на объединение национальных банковских систем, локальная помощь банкам в одной стране, повлечет за собой цепную реакцию. В Италии, как и в Германии, достаточно своих неприбыльных банков. На фоне новостей о выходе Великобритании из ЕС и опасений инвесторов за итальянские банки, распродажам подверглись и акции финансовых учреждений в других странах. Крупнейшие компании, такие как BNP Paribas и Deutsche Bank не стали исключением. Перспективы европейского банковского сектора достаточно неопределенны в связи с выходом Великобритании из ЕС. Тем не менее, крах любого из крупнейших банков может повлечь за собой новый финансовый кризис.

Существенное опасение вызывает и то, что Великобритания пострадает из-за Brexit, потеряв свободный доступ к рынкам своих главных торговых партнеров и став менее привлекательной для иностранных компаний, в частности банков, которые размещали в ней свои европейские штаб-квартиры. Также неопределенность по поводу переговоров между Лондоном и Брюсселем приводит к сокращению инвестиций.

Экономика Великобритании после выхода из ЕС будет зависеть от ее дальнейших шагов. В первую очередь, властям стоит провести множество переговоров с представителями других стран, входящих в ЕС, а от их результатов будет зависеть дальнейшее развитие или упадок той или иной сферы. Также будет известно, сэкономит ли Великобритания, избежав выплат в бюджет ЕС. В 2013 г. страна заплатила Евросоюзу 14,5 млрд долларов. Сторонники Brexit уверены, что Великобритании удастся сэкономить эти средства и направить их на нужды государства. Противники же, в свою

---

¹ Most EU migrants in UK would fail visa rules in event of Brexit // Financial times.

очередь, заявляют, что такая сумма ничтожна по сравнению с прибылью, которая поступила бы при доступе страны к европейскому рынку.

Увидеть последствия выхода Великобритании из ЕС удастся только после подписания соответствующих документов. Нельзя быть до конца уверенным, что прекращение членства в Евросоюзе – это правильный шаг в сложившейся ситуации и после вступления этого решения в силу страна начнет развиваться с новыми темпами, но совершенно точно можно говорить о том, что стремление к взаимовыгодным взаимодействиям может дать существенный рывок в политико-экономическом развитии страны.

Реформа системы охраны товарного знака Европейского союза: сертификационные знаки

The reform of trademark protection system: certification mark

Товарный знак внутри ЕС регулируется как законодательством Европейского союза, так и национальными законами государств-членов ЕС. Это регулирование лежит в основе двух основных систем охраны товарного знака в ЕС.

Первая система подразумевает регистрацию товарного знака Европейского союза или же EUTM (European Union trademark) и предоставляет его правообладателю единую правовую охрану на территории всех стран Европейского союза. Параллельно с единой системой в рамках ЕС продолжает существовать вторая, а именно национальная, когда правовая охрана предоставляется на территории конкретного государства-члена.

23 и 24 декабря 2015 г. Совет ЕС одобрил пакет реформ законодательства, регулирующего торговые знаки в рамках Европейского союза. Пакет реформ состоит из двух актов: Директивы (ЕС) 2015/2436, которая заменяет существующую директиву о гармонизации законов о товарных знаках государств-членов ЕС, и Регламента (ЕС) 2015/2424, вносящего ряд поправок к существующему регулированию товарных знаков в Евросоюзе.

Названные документы представляют собой первую масштабную реформу законодательства о товарных знаках Европейского союза с тех пор, как более чем 15 лет назад этот механизм региональной защиты товарных знаков был запущен. Общими задачами реформы является повышение эффективности, удешевление, повышение доступности и предсказуемости системы регистрации и охраны товарных знаков Европейского союза.

Наиболее заметными, конечно, стали изменения в терминологии. Так, Ведомство по гармонизации на внутреннем рынке (Office for Harmonization of Internal Market – OHIM) стало Ведомством по интеллектуальной собственности Европейского союза (European Union Intellectual Property office – EUIPO). Товарный знак Европейского Сообщества СТМ (Community trademark) переименован в товарный знак Европейского союза EUTM (European Union trademark). Все зарегистрированные на этот момент товарные знаки Сообщества автоматически стали «товарными знаками Европейского союза», а заявки на товарные знаки Сообщества стали «заявками на товарные знаки Европейского союза». Помимо данных изменений, которые сразу бросаются в глаза, было внесено множество значительных поправок по существу, в том числе был введен сертификационный знак Европейского союза, заявку на выдачу которого можно подать с 1 октября 2017 г.

В настоящее время на уровне ЕС в дополнение к обычным торговым знакам ЕС существуют только коллективные. Государства-члены имеют возможность вводить сертификационные или гарантийные знаки на наци-

ональном уровне. Например, в национальном праве Великобритании предусмотрена возможность регистрации сертификационного знака (Section 50 (1) of the the Trade Marks Act 1994, UK). Но в настоящее время существует целый ряд государств-членов ЕС, где национальные законы не содержат положений о сертификационных знаках. Следовательно, просто невозможно получить защиту для сертификационных знаков на этих территориях. Реформа призвана устранить существующий дисбаланс между национальными системами и системой торгового знака ЕС.

Во время как торговый знак действует как индикатор происхождения, знак сертификации выступает в качестве индикатора качества. Это означает, что товары и услуги, в отношении которых он используется, соответствуют определенным стандартам качества независимо от происхождения. Сертификационный знак будет находиться под контролем какой-либо компетентной организации, обладающей возможностью контроля в отношении определенных товаров. Круг заявителей не ограничен, но обычно эти знаки применяются торговыми ассоциациями или другими аналогичными органами, которые заинтересованы в мониторинге и поддержании стандартов в их конкретном поле деятельности.

Согласно ст. 74а Регламента (ЕС) 2015/2424 знак сертификации ЕС будет удостоверяет характеристики товаров и услуг, которые могут включать:

- материал;
- способ производства;
- качество;
- тщательность производства и др.

Происхождение товаров традиционно рассматривается в качестве одной из характеристик, которые могли бы быть подтверждены с помощью сертификационного знака. Так, по законодательству Китая сертификационный знак удостоверяет не только используемые материалы, способы изготовления, качества или другие особые характеристики товаров, но и место его происхождения (ст. 3 Закона КНР «О товарных знаках» 1982 г.). Законодательство ЕС подходит к решению данного вопроса по-другому. Статья 74а нового Регламента (ЕС) 2015/2424 прямо исключает возможность подтверждения географического происхождения сертификационным знаком.

Знак сертификации товаров и услуг преследует ряд важных целей:

- помочь покупателю в рациональном выборе продукции;
- подтвердить параметры качества продукции, которые заявлены изготовителем;
- контролировать уровень безопасности услуги/товара для имущества, здоровья и жизни покупателя.

В качестве известного примера можно привести символ Woolmark, который является зарегистрированным товарным (сертификационным) знаком компании Woolmark. Woolmark представляет собой символ гарантии качества, означающий, что продукты, на которых он используется, изготовлены из 100%-й новой шерсти и соответствуют жестким спецификациям, установленным компанией Woolmark. Он зарегистрирован более чем в 140 странах и право на его использование передано по лицензии изготовителям в 67 странах, продукция которых удовлетворяет этим стандартам качества.

По своей сути сертификационные знаки очень напоминают коллективные знаки, но между ними есть принципиальное отличие. Как правило, владельцем коллективного знака является ассоциация или иное объединение предприятий, члены которого могут использовать коллективный знак при реализации своей продукции. Обычно ассоциация устанавливает ряд требований к использованию товарного знака (например, стандарты качества) и предоставляет отдельным компаниям возможность использовать этот знак, если они соблюдают такие стандарты. Коллективные знаки могут служить эффективным способом совместной реализации продукции группой предприятий, для каждого из которых в отдельности может быть сложнее создать свой собственный знак, который был бы признан потребителями и (или) использовался основными дистрибьюторами. Сертификационные знаки применяются в целях соответствия определенным стандартам, но они не ограничены каким-либо членством. Их может использовать любое лицо, чья продукция соответствует установленным стандартам. Во многих странах основная разница между коллективными и сертификационными знаками состоит именно в том, что первые могут использоваться только определенной группой предприятий, т. е. членами ассоциации, в то время как сертификационные знаки могут использоваться любым лицом, которое соблюдает стандарты, установленные владельцем сертификационного знака.

Нет никаких сомнений в том, что реформы в сфере регулирования торговых знаков стали важным шагом. Сертификационные знаки являются гибким инструментом и могут предложить защиту ассоциациям производителей, малым и средним предприятиям, могут повысить их конкурентоспособность на рынке. Пусть и с задержкой, европейский законодатель внес необходимые изменения, которые, при правильной эксплуатации, могут оказать положительное влияние на экономику ЕС в целом.

Вооруженные силы Европейского союза: правовые аспекты

The European Union military forces: legal aspects

17 февраля Европейский парламент одобрил резолюцию, предложенную экс-премьером Бельгии (также ответственным за переговоры о Brexit'e) Ги Верхофстадтом, об усилении централизации Европейского союза, создании поста министра финансов ЕС и общей европейской армии. Резолюция предлагает создать общую армию Евросоюза, а также ввести должность министра финансов ЕС. Документ поддержали 283 парламентария, против выступили 269, 83 воздержались. Как отмечается телеканалом ВВС «одобрение Европарламента может означать начало реформы основополагающего договора ЕС»¹.

Бельгийский политик считает, что внутри Евросоюза необходимо отдавать приоритет решению большинства стран, не дожидаясь одобрения всех членов ЕС по тому или иному вопросу. Как отмечают корреспонденты ВВС, по сути Верхофстадт предложил ограничение или даже полную ликвидацию права стран-членов Европейского союза отказываться от выполнения коллективных решений.

При этом следует отметить, что вопрос о создании обособленных Вооруженных сил неоднократно поднимался лидерами Евросоюза. В марте 2016 г. глава Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер заявлял, что Евросоюзу необходим союз по безопасности в дополнение к экономическому и монетарному союзу, энергосоюзу, союзу рынка капитала, более того, Европейскому союзу необходимо создать собственную армию как инструмент отстаивания интересов Европы в мире. Идея о создании европейской армии была поддержана президентом Финляндии Саули Ниинисте и канцлером Германии Ангелой Меркель.

Господин Юнкер продолжил лоббировать указанную идею. В частности, в августе 2016 г. на форуме Альбах в Австрии им было сказано, что ЕС нужна общая европейская внешняя политика, политика безопасности и общая европейская оборонная политика с целью когда-то создать европейскую армию. Тогда же глава Еврокомиссии отметил, что для этого не обязательно быть членом НАТО (приведя в пример нейтральный статус Австрии). Однако, подчеркивалось, что подобное образование не должно представлять собой классическую наступательную армию, так как «это не соответствует европейской истории»; создание вооруженных сил нужно только для того, чтобы позволить Европейскому союзу выполнить свою роль в мире. Армия должна (как это обозначалось ранее — в марте) функционировать в качестве инструмента отстаивания интересов Европы в мире. Подобные мысли раз-

---

¹ <http://www.bbc.com/russian/news-38999863>

делил президент Чехии Милош Земан, призвав 18 апреля к созданию единой армии Евросоюза, необходимость формирования которой он объяснил серьезными проблемами с охраной внешних границ организации в период миграционного кризиса. Но в середине июня качестве противника идеи выступила Великобритания, вероятно, как главный военный партнер США в НАТО (например, во время вторжения в Ирак в 2003 г.), пообещав наложить вето на любые попытки создать единую армию Евросоюза. Однако впоследствии позиция Великобритании утратила свое значение вследствие произошедшего референдума о выходе из ЕС.

Интересным для изучения представляется вопрос о возможных правовых последствиях принятой резолюции, каким образом будут реализовываться принятые положения, учитывая тот факт, что вице-президент Еврокомиссии Франс Тиммерманс дал понять, что изменений основополагающих договоров ЕС в ближайшее время не произойдет.

Несмотря на данное заявление, является очевидным, что создание отдельных Вооруженных сил как обособленного образования ЕС потребует и внесения определенных изменений в учредительные договоры Союза. В связи с характером резолюции возможно предположения относительно конкретных положений Договоров, в которых будут внесены изменения, однако, видится нецелесообразным воспринимать данные предположения как перспективы, о которых можно рассуждать с достаточной степенью уверенности.

Изменения в Договоре о Европейском союзе (ДЕС) могут начаться с параграфов декларативного характера, например, во ст. 2 может быть внесено положение примерно следующего содержания: «для обеспечения выполнения Союзом своих функций и с целью способствования миру и безопасности планеты создаются Вооруженные силы Европейского союза».

Разумеется, изменениям в первую очередь может подвергнуться раздел 5 ДЕС (общие положения о внешнеполитической деятельности Союза и специальные положения об общей внешней политике и политике безопасности). Вооруженные силы, по замыслу Юнкера и Верхофстадта, будут представлять собой средства союза (а не национальные средства), с помощью которых Верховный представитель и государства-члены проводят общую внешнюю политику и политику безопасности (в рамках параграфа 3 ст. 26).

Требует отдельного упоминания вопрос о финансировании армии ЕС. Будут ли расходы на содержание и оперативную деятельность военнослужащих регулироваться общими правилами, установленными ст. 41 ДЕС или все же Евросоюз создаст отдельный фонд (вместо Стартового) для финансирования военных операций? Представляется, что нет необходимости изменять структуру финансирования. Формально подобие объединенных вооруженных сил Европы уже функционирует (European Union Force или EUFOR), (хотя и в качестве подмоги силам НАТО в миротворческих операциях), и все расходы регулируются в рамках 41 статьи ДЕС. В таком случае, расходы по созданию системы вооруженных сил, вероятно, будут относиться как административные (согласно параграфу 1 ст. 41 ДЕС) на счет бюджета Союза. Оперативные расходы в отношении операций с участием

вооруженных сил по смыслу параграфа второго ст. 41 не входят в расходные статьи бюджета Союза, как операции, которые имеют военные последствия или последствия в сфере обороны. В данном контексте расходы относятся на счет государств-членов согласно критерию валового национального продукта (если только Совет, постановляя единогласно, не примет иного решения). Положение о том, что применительно к расходам в отношении операций, имеющих военные последствия или последствия в сфере обороны, государства-члены, представители которых в Совете выступили с формальной декларацией на основании второго абзаца параграфа 1 ст. 31, не обязаны вносить вклад в их финансирование, вполне может утратить свою силу вследствие характера принятой резолюции, направленной, как это отмечается корреспондентами ВВС, на усиление централизации Европейского союза. Следует добавить, что согласно содержанию параграфа 3 ст. 41 ДЕС Стартовый фонд вполне может рассматриваться как источник финансирования Вооруженных сил ЕС.

В ст. 42 ДЕС скорее всего будут внесены наиболее значительные изменения. Учтивая свершившееся волеизъявление законодателей ЕС, создание Вооруженных сил лишь вопрос времени. Однако США всегда были яркими противниками идей западноевропейских лидеров о собственных войсках, аргументируя это наличием военного контингента НАТО в Европе, что не удивительно, учитывая, что Америка фактически является неоспоримым лидером военно-политического блока. Указанный факт позволяет Соединенным Штатам ставить Союз в зависимое положение, ограничивая влияние и военный потенциал ЕС и навязывая свою политику. В связи с чем возникает вопрос о взаимодействии ВС ЕС и ОВС (объединенных вооруженных сил) НАТО в новых условиях при наличии параграфа 2 ст. 42 ДЕС (Политика Союза в значении настоящего отдела не затрагивает особого характера политики безопасности и обороны некоторых государств-членов, она уважает обязательства, вытекающие из Североатлантического договора для отдельных государств-членов, которые считают, что их общая оборона реализуется в рамках Организации Североатлантического договора (НАТО), и является совместимой с общей политикой безопасности и обороны, установленной в этих рамках¹).

Следуя общему курсу реформы, теперь предоставляемые государствами-членами в распоряжение Союза военные потенциалы, станут частью ВС ЕС и будут служить для реализации общей политики безопасности и обороны (как это указано в параграфе 3 ст. 42 ДЕС), чтобы содействовать целям, установленным Советом. И, как следствие, может увеличиться роль Агентства в сфере развития оборонных потенциалов, научных исследований, закупок и вооружений («Европейское оборонное агентство»). Таким образом, Евросоюз будет располагать исключительной компетенцией в отношении внешней политики безопасности, что потребует соответствующих коррективов в ст. 3 Договора о функционировании Европейского союза (далее – ДФЕС).

Учитывая все вышесказанное, следует сказать, что упоминаемая резолюция от 17 февраля 2017 г. стала логическим завершением многолетних

---

¹ <http://eulaw.ru/treaties/teu>

стараний лидеров Евросоюза. Именно собственные вооруженные силы позволят интеграционному образованию ослабить военно-политическое влияние США на европейский регион, а, возможно, и на мир в целом. На данный момент остается множество вопросов, которые вероятнее всего не будут разрешены в обозримом будущем: смогут ли страны, являющиеся одновременно участниками НАТО и ЕС, осуществлять соответствующее военное финансирование; на что будет похоже будущие взаимоотношения между Организацией Североатлантического договора и Союзом; может ли в перспективе быть создан специализированный трибунал по военным спорам и многие другие. В пользу Европейского союза, как в первую очередь, организации, построенной на определенных идеалах говорит то, что, в отличие от всех остальных конфедераций, ЕС создает армию с одной-единственной целью – обеспечить выполнение своих функций.

Соотношение понятий «общий рынок», «внутренний рынок» и «единый рынок» ЕС

Corelation of “common market”, “internal market” and “single market” terms

Понятие внутреннего рынка является одним из самых ключевых в торговом праве Европейского союза. Это пространство, включающее 27 государств, в рамках которого свободно перемещаются товары, лица, услуги и капиталы. Внутренний рынок обеспечивает гражданам ЕС свободу в выборе места проживания, работы, учебы и ведения предпринимательской деятельности в рамках ЕС.

Данное понятие впервые было закреплено в Договоре об учреждении Европейского Экономического Сообщества 1957 (Римский договор)¹ и звучало как: Внутренний рынок должен представлять собой пространство без внутренних границ, в котором, согласно положениям настоящего Договора, обеспечивается свободное движение товаров, лиц, услуг и капиталов. Однако понятие внутреннего рынка упоминалось в рамках концепции общего рынка, создание которого и предусматривал договор об учреждении ЕАС. Понятия общего рынка в Договоре закреплено не было.

В правовой доктрине выделяли три основных элемента общего рынка: четыре основные свободы, общие политики Сообщества, таможенный союз². Построение общего рынка должно было завершиться к 1970 г.

Более четко концепция общего рынка была сформирована в решении Суда ЕС от 5 Мая 1982 г. по делу 15/81 *Gaston Schul Douane Expeditie BV v Inspecteur der Invoerrechten en Accijnzen, Roosendaal*. Суд определил общий рынок как «систему устранения всех препятствий трансграничной торговле между государствами-членами в целях слияния их национальных рынков в единый рынок, условия которого должны быть максимально приближены к реальному внутреннему рынку»³. Интересно заметить, что суд в решении оперировал термином «внутренний рынок», определение которого на тот момент так и не было нигде закреплено.

Суд так же употребил термин «единый рынок», который впервые встречается в решении Суда ЕС от 13 июля 1966 г. по делу 32-65 *Italian Republic v Council of the European Economic Community and Commission*

---

¹ Treaty Establishing the European Economic Community (1957). URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12002E%2FTXT>

² *Арабей Е. А.* Внутренний рынок: гармонизация. 24 сентября, 2010 URL: <http://eulaw.ru/content/vnutrenniy-rynok-garmonizaciya>

³ Решение Суда ЕС по делу 15/81 G. Schul. Par. 33.

of the European Economic Community¹. В своем решении Суд выделил два необходимых условия существования единого рынка: ликвидация барьеров и справедливая конкуренция, которые и на данный момент являются неотъемлемыми элементами эффективного функционирования уже внутреннего рынка.

Из этого можно сделать вывод, что, по сути, понятия «внутренний», «единый» и «общий рынок» почти синонимичны, ибо ликвидация барьеров и справедливая конкуренция необходимы для всех этих форм интеграции.

Исходя из решений Суда, концепция общего рынка – это система мер по достижению пространства единого рынка, условия которого должны соответствовать требованиям внутреннего рынка.

В 1985 г. Европейской комиссией была представлена Белая книга² по завершению создания общего рынка, где была сформулирована идея перехода от создания общего рынка к единому внутреннему рынку путем устранения внутренних физических, технических, налоговых барьеров. Также предусматривалось формирование правовой основы единого внутреннего рынка путем инкорпорирования директив непосредственно в законодательство государств-членов.

В 1987 г. в силу вступил Единый европейский акт³, который дополнил Римский договор определением внутреннего рынка как пространства без внутренних границ, в рамках которого осуществляется свобода движения товаров, лиц, предоставления услуг и движения капиталов⁴. Теперь данное понятие включало в себя и гармонизацию правового регулирования государств-членов, так как только при наиболее высоком уровне гармонизации возможно достичь «пространства без внутренних границ».

При этом под свободой движения лиц подразумевались гарантии свободного передвижения и постоянного проживания на всей территории ЕС граждан государств-членов независимо от того, занимаются ли они экономической деятельностью или нет. Данное положение указывает на то, что понятие «внутренний рынок» выходит за рамки экономико-правовых аспектов, затрагивая социальные вопросы.

«Единый внутренний рынок рассматривается в Едином Европейском акте как результат не просто сотрудничества стран членов, но и взаимопроникновения их экономик, что должно привести к формированию качественно-нового экономического объединения в рамках ЕС»⁵.

---

¹ Решение Суда ЕС по делу 32-65 Italian Republic v Council of the European Economic Community and Commission of the European Economic Community.

² White Paper. Com (85) 310 of 14 June 1985. URL: http://europa.eu/documents/comm/white_papers/pdf/com1985_0310_f_en.pdf.

³ Single European Act (1986) URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/sl/TXT/?uri=OJ:L:1987:169:TOC>

⁴ *Постникова Е. В.* Эволюция правового регулирования свободы предоставления услуг в Европейском союзе 28.03.2013 URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=1479>

⁵ *Безруков А. И., Зубченко Л. А.* Европейское сообщество на пути к единому рынку: роль транснационального капитала. М., 1990. С. 41.

Таким образом, концепция общего рынка послужила основой для реализации концепции внутреннего рынка. В содержание понятия «внутренний рынок» включены экономические свободы, положенные в основу общего рынка.

В процессе практики Суда Европейских сообществ (ныне – Суд Европейского союза) были разработаны принципы и цели, благодаря которым понятие «общий рынок» наполнилось юридическим содержанием.

В частности, немалую роль в соотношении всех трех понятий сыграло мнение генерального адвоката Тесауро по делу 300/89 от 13 марта 1991 г.¹ Адвокат указывал на особую важность уровня гармонизации при стремлении к созданию единого внутреннего рынка, поскольку «...нельзя добиться подлинно единого, интегрированного рынка без устранения расхождений между национальными законодательствами».

Интерпретация понятия «внутреннего рынка» во мнении, существенно опирается на понятие «общего рынка». Концепция общего рынка предполагает устранение всех препятствия для торговли внутри Сообщества в целях объединения национальных рынков в единый рынок. Другими словами, понятия «общий рынок» и «внутренний» различаются только по ширине затрагиваемых интеграцией областей, однако, находятся на одном уровне интеграции в рамках Европейского союза.

На данный момент ст. 26 Договора о функционировании Европейского союза² содержит действующее определение внутреннего рынка: «Внутренний рынок охватывает пространство без внутренних границ, в котором согласно положениям Договоров обеспечивается свободное передвижение товаров, лиц, услуг и капиталов».

Понятие внутреннего рынка так же упоминается в ст. 3 Договора о Европейском союзе³ (в редакции Лиссабонского договора), но уже не является основополагающей целью ЕС, а уступает место еще более широкой цели и понятию – создание пространства свободы, безопасности и правосудия без внутренних границ, в рамках которого обеспечивается свободное передвижение лиц во взаимосвязи с соответствующими мерами по вопросам контроля внешних границ, предоставления убежища, иммиграции, а также предотвращения преступности и борьбы с этим явлением.

Таким образом, понятия «внутренний», «единый» и «общий рынок» очень близки по значению, находятся на одном уровне интеграции, в своей основе требуют одних и тех же условий для эффективного существования, просто сферы интеграции постепенно расширяются и расширяются, уводя первичные экономические цели на задний план.

---

¹ Opinion of Mr Advocate General Tesaurο delivered on 13 March 1991 CASE C-300/89.

² Treaty on the Functioning of the European Union URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXT>

³ Treaty of Lisbon Amending the Treaty on European Union and the Treaty Establishing the European Community Signed at Lisbon, 13 December 2007 URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=OJ%3AC%3A2007%3A306%3ATOC>

Общеввропейский закон о продаже (Common European Sales Law [CESL]): «жертва войны компетенций» или «инновационный инструмент»

Common European sales law: the war of competence victim or unorthodox tool

11 октября 2011 г. Европейская комиссия опубликовала проект Common European Sales Law 2011/0284 [CESL] (пер. — Общеввропейский закон о продаже). Общеввропейский Закон о продаже должен стать полным и всесторонним сводом унифицированного договорного права в области купли-продажи. По мнению Комиссии: Успех развития единого рынка ЕС не сломил тех барьеров для трансграничной торговли, которые привносятся различиями национальных законов. Они делают продажи за рубежом делом сложным и дорогостоящим. Необходимость принимать во внимание положения 28 различных национальных актов приводит к дополнительным операционным издержкам, отсутствию правовой определенности для коммерсантов и отсутствию доверия к ним со стороны потребителей».

Действительно, малые и средние предприятия — основа экономики Европы, однако коммерсанты, желающие осуществлять трансграничную деятельность, должны приспосабливать свои договоры к различным требованиям национальных правовых систем стран-членов ЕС, что приводит к существенному подорожанию их товаров.

Сразу после опубликования проект подвергся жесткой критике, его принятие отложилось на неопределенное время. Под сомнение ставилось не только содержимое проекта, но и наличие у органов Европейского союза соответствующей компетенции на принятия такого акта.

Человечеству свойственно принимать все новое в штыки, и думается, что именно прогрессивный характер проекта и стал главной причиной критики, это подтверждается и тем, что главным противником его принятия стало консервативное английское юридическое сообщество.

Спустя два года после опубликования финальной версии Проекта, 17 сентября 2013 комитет Европарламента по правовым вопросам проголосовал за то, чтобы «ввести CESL в действие в качестве диспозитивного акта, подлежащего применению к продажам с участием коммерсантов и потребителей только в тех случаях, когда необходимость соблюдения его положений предусмотрена договорами». Интересно высказывание Вивиан Реддинг, вице-президента и комиссара по делам правосудия ЕС: «Я буду продолжать тесное сотрудничество с Европарламентом, чтобы государства-члены Союза все-таки получили в свое распоряжение этот инструмент, который придаст новый импульс развитию единого рынка.

Таким образом, проект CESL в его текущем виде представляет собой классический акт международной частноправовой унификации, подобный принципам УНИДРУА, ИНКОТЕРМС и т. д. Это, разумеется, уже немало, а потому проект заслуживает самого пристального внимания.

Цель данной статьи – определить место и роль свода в системе права, проанализировать содержимое проекта и раскрыть наиболее проблемные положения, дать правовое заключение касательно соответствия принципу субсидиарности действий Комиссии и Европарламента, выяснить, как повлияет CESL на мировой хозяйственный рынок, в частности на отношения с российскими контрагентами.

Краткая характеристика CESL

Как уже было сказано, особенностью CESL является его факультативный характер, его применение полностью зависит от волеизъявления сторон.

Предметом регулирования являются отношения по купле-продаже товаров (в том числе цифровых), осложненные иностранным элементом. Требование о наличии иностранного элемента свидетельствует о территориальном действии CESL, впрочем, оно свойственно всем международным соглашениям, регулирующим трансграничную коммерческую деятельность.

Помимо содержания самих отношений, CESL регулирует общие положения, свойственные всем договорам: например, оферта и акцепт, исковая давность, способы обеспечения исполнения обязательств.

Проект выделяет 2 вида договоров:

1) договор поставки. В договоре поставки сторонами должны быть коммерсанты, причем один из них должен удовлетворять критериям малого или среднего бизнеса (ст. 7);

2) договор розничной купли-продажи, заключаемый с потребителем

Таким образом, CESL устанавливает определенные требования как к субъектному составу договорных отношений, так и к трансграничности этих отношений. В связи с этим вызывает интерес положение ст. 13 CESL, где говорится, что в рамках национальной правовой системы государства, а вернее уполномоченные органы, могут распространить его действие на внутрисубъектные отношения, не имеющие иностранного элемента, а так же позволить представителям крупного бизнеса позволить использовать CESL в сделках между собой.

CESL в международной правовой системе

Процесс унификации частного права затронул множество областей, главным инструментом здесь всегда были Конвенции. Соответственно, возникал вопрос об их территориальном действии. Что служит критерием трансграничности сделки?

Гаагская конвенция о купле-продаже 1964 г. разрешала этот вопрос следующим образом: ее положения применялись при нахождении предприятий сторон в разных государствах, при условии, что сама сделка имеет интернациональный характер: *международная перевозка, оферта и акцепт, совершены в разных государствах, перевозка товара в другое государство, когда как акцепт и оферта были совершены в одном государстве*. В случае со-

блюдения условий конвенции, она применялась независимо от содержания национального права¹. Однако сделанные государствами оговорки сводили на нет достижения самой Гагской Конвенции.

Следующим шагом в достижении единогласия стала Венская Конвенция о купле-продаже 1980, в соответствии с которой конвенция применяется к договорам купли-продажи товаров, если коммерческие предприятия сторон находятся в разных государствах: *а) когда эти государства являются Договаривающимися государствами; или б) когда, согласно нормам международного частного права, применимо право Договаривающегося государства*².

Статья 4 проекта закона дублирует оба вышеупомянутых альтернативных правила.

В части 4 ст. 4 под местом нахождения коммерсанта понимается местонахождение органов управления предприятия, а в отношении индивидуального предпринимателя — основное место ведения бизнеса. В связи с тем, что, как правило, местонахождения органов-управления совпадает с основным местом ведения бизнеса, подобное различие между ними кажется искусственными и лишними.

Что касается розничных договоров, часть 3 ст. 4 закона устанавливает более простые требования: при определении трансграничного характера отношений проект не ограничивается местом нахождения предприятия-продавца и местом жительства потребителя. CESL может быть применен и в случае нахождения обеих сторон контракта в одном государстве, однако трансграничность сделки будет подтверждаться иными обстоятельствами (например, Датчанин, закупая товар у Датской компании, указывает в качестве адреса доставки свой коттеджа в Швеции).

При аналогичных обстоятельствах, но когда сторонами договора являются исключительно коммерсанты, данный контракт будет расцениваться как внутренний.

Неясно, почему CESL устанавливает больше формальностей к договорам поставки. Отсутствуют какие-либо нормы, регламентирующие ситуацию, когда договор поставки включает доставку товара до филиалов одного юридического лица, но находящихся в разных государствах.

Квалификация волеизъявления

В пояснительной записке к закону указано, что его целью является создание в рамках существующих национальных системах договорного права государств-членов факультативного режима, одинакового для всего Европейского союза. Соглашение об использовании сторонами Общеправительского закона стоит квалифицировать как выбор, осуществленный в рамках соответствующего национального права, признаваемого в качестве применимого исходя из положений Регламента ЕС № 593/2008 (далее — Рим 1).

Как утверждает Комиссия, волеизъявление сторон о применении CESL нельзя отождествлять с оговоркой о применимом праве. Диспозитивный характер CESL исключает его автоматическое применение, если стороны прямо не укажут это в договоре.

---

¹ Статья 2 Гагской Конвенции о купле-продаже товаров 1964 г.

² Статья 1 Гагской Конвенции о купле-продаже товаров 1964 г.

Принцип автономии воли должен трактоваться в широком смысле: в случае возникновения спора между коммерсантами, когда Рим I отсылает к национальному праву государства-члена, и стороны договорятся о применении CESL, именно его положения будут применяться при разрешении спора. Однако если спор вытекает из договора розничной купли-продажи, появляется дополнительное условие: потребитель должен дать однозначное согласие на применение судом CESL, несмотря на то, что подобное условие уже содержится в договоре¹.

Приведем пример. Гражданин Польши прилетел в Италию с целью купить себе новую одежду. Будучи «активным» потребителем, физически находясь в магазине продавца, его статус как потребителя будет регулироваться Итальянским законодательством, защитой права потребителей своей страны он пользоваться не может². В свою очередь магазин с целью маркетинга предлагает ему, заключая сделку, воспользоваться положениями CESL, переведенного на все официальные языки Европейского союза.

Так зачем же потребителям дополнительно подтверждать свое согласие? Все потому что Комиссия ориентировалась, прежде всего, на онлайн-покупки, совершаемые «пассивными» потребителями, правовое положение которых по своему национальному закону может оказаться гораздо благоприятнее, нежели чем защита посредством CESL.

Принцип subsidiarity

Уже говорилось, что возможность применение CESL во внутренних контрактах ограничена, данное ограничение преодолевается санкционирующим актом государства-члена.

В пояснительной записке указано, что подобный барьер установлен в целях соблюдения принципа subsidiarity³.

Федеральное собрание Германии (Бундестаг) заявило, что проект Комиссии противоречит данному принципу, а все контрактное право, независимо от того имеет ли договор трансграничный характер или нет, должно оставаться в исключительной компетенции государств-членов. Данная критика с точки зрения юридического анализа не обоснована.

Сформированный за многолетнюю историю внутренний рынок посредством многочисленных Директив о статусе потребителей Европейского союза, издаваемых с 1985 г., и так защищает статус потребителей.

Если основная цель внутреннего рынка может быть достигнута только путем гармонизации, то принцип subsidiarity не может создавать препятствия для ее осуществления. Согласно ст. 5 Договора о Европейском союзе, принцип subsidiarity представляет собой правило разграничения компетенции, в соответствии с которым союз обладает правом нормотворчества не только в прямо указанных случаях, но и когда это необходимо для достижения целей Союза.

---

¹ Часть 2 ст. 8 CESL.

² Часть 2 ст. 6 Рим I.

³ Часть 3 ст. 5 Договора о Европейском союзе.

Финансовый аспект наличия двух договорных режимов

Учитывая, что CESL не будет применяться во внутригосударственных сделках, среднестатистические продавцы потеряют возможность использования данного договорной режим в отношении большей части совершаемых ими сделок. В свою очередь, для проникновения на иностранный рынок им потребуются значительные инвестиции как в деловую репутацию (бренд), так и в систему реализации. С точки зрения экономической теории, подобные затраты породят рост цен экспортных товаров, что поставит положение экспортеров в неравное положение по сравнению с национальными продавцами.

Стоит сказать, что сделки купли-продажи редко оказываются предметом судебного разбирательства, многие продавцы все же могут предпочесть использование своего национального законодательства и обычных для них условий контракта, в редких случаях рискуя применением судом в возникших спорах императивных правил иностранных государств. Это обесценивает многолетний труд ученых, политиков и государственных чиновников по созданию CESL.

Филиалы юридических лиц и CESL

Часть 5 ст. 4 проекта прямо допускает возможность заключения договоров от имени филиала, агента, другого учреждения продавца. В данном случае, местонахождение таких учреждений следует рассматривать в качестве основного местонахождение продавца. Это означает, что компании получают возможность использования своих иностранных представительств с целью оптимизации своих расходов. Так, британская компания, желающая укрепить свое положение, может, например, создать филиал в Латвии. В свою очередь, поскольку деятельность такого представительства будет сведена только к заключению контрактов, затраты на его создание будут весьма низкими относительно открывающегося для них нового рынка.

CESL предоставляет определенное преимущество для небольших государств-членов, таких как Латвия, Кипр, Мальта. Эти страны могли бы стать основными площадками Европейской электронной коммерции, ведение бизнеса с их территории придаст отношениям трансграничный характер¹. На территории этих стран будут созданы представительства иностранных компаний, имеющих право на заключение сделок, в то время как основное производство будет сконцентрировано рядом с крупными городами в других государствах.

Продавцы смогут организовывать демонстрационные залы, в которых покупатели будут осматривать товар непосредственно, а заключение договора в свою очередь будет осуществляться посредством терминала или компьютера, который связывается с иностранным филиалом, фиксирующим акцепт потребителя. Реальное исполнение договора при этом будет находиться вблизи с местом жительства потребителя.

Таким образом, деления сделок на внутренние и трансграничные — искусственно и ретроспективно по своей природе.

---

¹ Часть 5 ст. 4 CESL.

Венская Конвенция и CESL

Свободная торговля – основополагающий принцип, вытекающий из режима наибольшего благоприятствования, установленного ГАТТ, являющегося частью Марракешского Соглашения об учреждении Всемирной торговой организации.

Во время как правовая система внутреннего рынка Европейского союза и система, установленная в рамках Всемирной торговой организации, имеет свои отличия, политические обязательства Союза в содействии развитию свободной торговли сохраняются. Если CESL будет способствовать развитию международной торговли во внутреннем рынке, его действие будет распространяться так же и на отношения с лицами из третьих стран.

С точки зрения частного права, ориентируемого на интересы частных лиц, правовое регулирование отношений между продавцом из Австрии и покупателем из Германии должно быть аналогичным регулированию отношений между продавцом из России и покупателем из Германии.

Говоря о соотношении Венской Конвенции и CESL, следует отметить, что Венская Конвенция не регулирует куплю-продажу товаров для личного пользования¹.

Учитывая перспективную роль онлайн-сделок, практическая потребность в CESL очевидна. Он позволяет сторонам применять его положения, если хотя бы одна сторона договора имеет национальную принадлежность государства-члена ЕС. Это позволит, например, Российским продавцам использовать закон в договорах, заключаемых с европейскими потребителями.

Практическая применимость CELS в договорах поставки, заключаемых с покупателями из третьих стран, наоборот, носит спорный характер, многие положения проекта совпадают с нормами Венской Конвенцией. Какой акт будет применяться, зависит от волеизъявления самих сторон.

Правовая неопределенность в сделках с контрагентами из третьих стран

Подобная проблема может возникнуть тогда, когда поставщик из Португалии, действующий на рынке Бразилии, не укажет в договоре условие о применимом праве, в результате чего правоотношения с местными потребителями будут регулироваться правом Бразилии. Если же стороны выберут в качестве применимого права правовую систему Португалии, императивные нормы Бразилии, касающиеся прав потребителей все равно будут иметь юридическую силу². Таким образом, сделанное Комиссией заявление, что с точки зрения CELS существование неоднородного потребительского законодательства в государствах-членах значения не имеет значения, не учитывает ситуации, когда слабой стороной в договоре оказываются потребители из третьих-государств.

Говоря о тяжбах в судах третьих государств, проблема становится еще более очевидной, данные суды руководствуются нормами своего международного частного права; во время как автономия воли существует во мно-

---

¹ Статья 2 Венской Конвенции 1980 г.

² Часть 2 ст. 6 Рим I.

гих странах, некоторые государства ее не признают, в их числе Бразилия. Даже если суд все-таки должен будет применить иностранное право, он может не правильно установить его содержание, не правильно определить место CELS в системе права. Традиционно, при применении иностранного права суд устанавливает содержание его норм в соответствии с практикой и доктриной в соответствующем иностранном государстве;

Договоры поставки, заключаемые с контрагентами из третьих стран

В то время как использование CELS в розничных договорах не преодолевает правовую неопределенность, что обусловлено неоднородностью правовой защиты потребителей в различных государствах, его использование в договорах поставки считается более эффективным.

Однако возможность сослаться на CELS имеется не во всех сделках. В соответствии со ст. 7, одна из сторон должна соответствовать критериям малого или среднего бизнеса:

- 1) штат компании меньше 250 человек;
- 2) годовой оборот предприятия не превышает 50 000 000 евро;
- 3) состояние предприятия по финансовым отчетам не превышает 43 000 000 евро.

Такие критерии были впервые оговорены в Рекомендации Комиссии 2003 г., она определяла круг предпринимателей, имеющих право на участие в программах финансирования в рамках промышленной политики Союза.

В пояснительной записке к проекту наличие этих критериев было обусловлено соблюдением принципа пропорциональности: наличие компетенции Европейского союза по данному вопросу связано с потребностью в урегулировании проблемного сектора внутреннего рынка, в котором крупный бизнес не участвует.

Отрицательным последствием этих требований является то, что компания при заключении договора, может и не знать, подпадает ли она под критерии малого или среднего бизнеса конкретно на тот момент времени.

В целом, исключение из правового регулирования сделок между крупными компаниями является необоснованным и неудачным, то же самое можно сказать о возможности введения национальных санкционирующих актов. Вряд ли стороны выберут в качестве применимого права неизвестную ни одной из сторон правовую систему, поскольку подобный выбор приведет к тому, что это право будет регулировать все иные отношения, которые не охватываются CELS.

Использование CELS контрагентами из третьих стран в своих сделках

Возможность использования CELS в таких договорах отсутствует¹. Говоря о коммерческих сделках, подобный запрет не оправдан. Коммерческие споры часто становятся предметом рассмотрения в арбитражных судах, расположенных в крупнейших городах Европы: в Лондоне, Париже, Стокгольме, Вене. В свою очередь, весьма распространенной практикой является выбор в качестве применимого права страны суда.

---

¹ Статья 4 CESL.

Таким образом, Российская компания-продавец и Корейская компания-покупатель могут выбрать арбитраж, находящийся в Париже, и при этом использовать французское право, однако стороны не будут иметь право ссылаться на CELS, несмотря на включение его во французскую правовую систему.

Суд вряд ли примет во внимание условие о CELS, аргументируя это тем, что оно противоречит действующему праву, а для разрешения спора он воспользуется 200-летним французским кодексом, а не современным законом, учитывающим все потребности современного коммерческого права.

Заключение

В 1980-х гг. в научном сообществе зародилась концепция создания вторичного Европейского договорного права, главным ее приверженцем стал Оле Ландо, возглавивший соответствующий процесс. В 2001 г. Комиссия впервые выразила поддержку данной концепции. С этого момента она усиленно занималась подготовкой и составлением проекта, изменившего бы существующее представление о договорном праве. В течение 10 лет Комиссия совершала существенные шаги в этом направлении: проводила консультации, заручилась поддержкой научного сообщества в области договорного права, организовывала встречи и научные конференции, формировала экспертные группы, публиковала технико-экономическое обоснование данного проекта.

Все силы были сосредоточены на материально-правовом аспекте договора купли-продажи, в то время как вопросы о применимости закона не поднимались, не обсуждались, а ответы на них оставались загадкой вплоть до лета 2011 г.

Сделанные в статье выводы носят не самый оптимистичный характер. Комиссия, сосредоточившись на внутреннем рынке, делая упор на регулирование сделок с участием потребителей, совершаемых онлайн, исключила возможность применения будущего режима в отношении большого числа сделок, что с точки зрения частного права является неправильным и противоречит общим принципам построения единого рынка.

Множество исключений и ограничений – главный недостаток проекта, установление некоторых из них связано с попытками Комиссии воспользоваться положениями ст. 114 Договора о функционировании Европейского союза в качестве обоснования своей компетенции.

Содержание права должно определяться на основе имеющихся и возможных потребностях делового сообщества в данном регулировании, а не формироваться как результат споров о компетенции.

Приходится надеяться, что некоторые из указанных недостатков будут устранены совместными усилиями Европарламента, Комиссии и всего Союза в целом.

Правовое регулирование рекламы в контексте защиты прав потребителей

Legal regulation of advertising in consumers' protection context

Защита прав потребителей одна из главных задач, стоящих перед государствами, надгосударственными образованиями и интеграционными объединениями. И законодательство служит инструментом, гарантирующим наибольшую защищенность одновременно и слабейшим, и самым заинтересованным субъектам рынка – потребителям. Ст. 4 Договора о функционировании Европейского союза (далее – ДФЕС) относит защиту потребителей к совместной компетенции Союза и государств-членов. В Хартии Европейского союза об основных правах (далее – Хартия ЕС) ст. 36 закреплено, что в политике Союза обеспечивается высокий уровень защиты потребителей.

Конкуренция – один из механизмов, направленный на защиту прав потребителей и отстаивание их интересов. Победить в борьбе за симпатию должен тот, кто предоставит заинтересованному кругу лиц наилучший вариант. Но мало просто произвести продукт, готовый к выходу на рынок, пусть даже более качественный, инновационный и конкурентоспособный. Без рекламы – основного способа общения между потребителем и производителем – предложение просто потеряется среди массы других. И тогда встает вопрос о получении информации потребителями.

Еще Консультативный комитет по защите прав потребителей созданный в 1973 г. в рамках Комиссии в первых программах выделил основные права потребителя, включая в них право на информацию¹. В 1986 г. Решением Совета «О дальнейшей ориентации политики Европейского экономического сообщества по защите интересов потребителей» акцент переносится с прав потребителя на потребительский выбор. Дальнейшее развитие данного направления отмечается в решении «О дальнейших приоритетных направлениях политики защиты потребителей», трехлетние планы действий в области защиты прав потребителей в ЭЭС, принимаемые с 1990 по 1999 г., также включали положения о праве потребителей на информацию. На время следующих программ (2002–2006, 2007–2013 гг.) приходится принятие кодифицирующего акта в области защиты потребителей – Директивы 2011/83/ЕС от 25 октября 2011 г. «О правах потребителей» (далее – Директива 2011/83/ЕС)², которая в том числе устанавливает требования по

---

¹ *Кашкин С. Ю.* Право Европейского союза: в 2 т. Т. 2. Особенная часть.

² Directive 2011/83/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2011 on consumer rights, amending Council Directive 93/13/EEC and Directive 1999/44/EC of the European Parliament and of the Council and repealing Council Directive 85/577/EEC and Directive 97/7/EC of the European Parliament and of the Council. Опубликована в Официальном журнале N L 304, 22.11.2011. С. 64.

предоставлению информации. Помимо прочего право потребителей на информацию закреплено ст. 169 ДФЕС.

На протяжении всего пути совершенствования политики по защите прав потребителей присутствует внимание к предоставлению потребителю информации. Реклама же является предварительным знакомством потребителя с продуктом или продавцом, создавая у первого представление о них посредством первичной информации.

В 2007 г. вступила в силу Директива № 2006/114/ЕС «О вводящей в заблуждение и сравнительной рекламе», которая обобщает законодательный опыт Европейского союза в отношении рекламы (далее – Директива)¹.

В ст. 1 Директивы говорится, что она направлена на защиту продавцов, однако, учитывая важную функцию рекламы в свободном обращении товаров и оказании услуг, гармонизация законодательства в данной сфере: введение общего понятийного аппарата, критериев и областей действия, защитных механизмов, – препятствует доступу на рынок искаженной информации, которая в свою очередь, формирует ложное представление у потребителя, негативно влияя на возможность выбора потребителем более выгодных для него предложений. Также из этой статьи можно сделать вывод, что действие Директивы распространяется только на коммерческую рекламу, не обращаясь к политической, социальной и прочим видам рекламы.

Та же идея прослеживается и в ст. 2, где закрепляются основные понятия. Рекламой является только «сообщение в любой форме с целью создания у потребителя представления о товаре, бизнесе, ремесле или профессии, с тем, чтобы способствовать предложению товаров или услуг, в том числе недвижимого имущества, прав и обязанностей».

Однако здесь важно то, что реклама в Директиве, хоть и определяется не как информация, однако так или иначе содержится сведения, которые в соответствии со ст. 5 Директивы 2011/83/ЕС, является информацией: основные характеристики товаров или услуг; сведения о продавце (фирменное наименование, географический адрес места нахождения, номер телефона); общую стоимость товаров или услуг, включая налоги, или, в случае если ввиду характера товаров или услуг цена не может быть определена заранее, способ определения цены, а также, если это применимо, все дополнительные сборы за перевозку, доставку и почтовые сборы или, в случае если такие сборы не могут быть определены заранее, тот факт, что взимание таких сборов возможно. Также в ст. 3 Директивы 2006/114 говорится, что при анализе рекламы, вводящей в заблуждение, учитывается информация, содержащаяся в ней.

Под вводящую в заблуждение рекламу подпадает любая реклама, которая в любом виде, включая ее презентацию, или обманывает, или может ввести в заблуждение лиц, которым она адресована, которых она достигает и может повлиять на их экономическое поведение по причине своего мошеннического характера или по этой же причине причиняет или может причинить ущерб конкуренту.

---

¹ Directive 2006/114/EC of the European Parliament and of the Council of 12 December 2006 concerning misleading and comparative advertising. Опубликована в Официальном журнале Европейских сообществ N L 376, 27.12.2006, с. 21.

Анализируя данное определение, можно вывести следующее. Для того, чтобы отнести рекламу к «вводящей в заблуждение», достаточно соблюдения одного из следующих условий:

- влияния, посредством мошеннического характера, на экономическое поведение лиц, которым адресована, и которых достигает;
- причинения или возможности причинения ущерба конкуренту в силу мошеннического характера.

В ст. 3 Директивы дан открытый перечень информации, содержащейся в рекламе, которая анализируется при определении того, имеет ли место введение в заблуждение. Обращается внимание, что учитываться должны все особенности рекламы, однако, конкретно указываются сведения о характеристике товаров и услуг, цены и права на интеллектуальную собственность, квалификацию, награды и прочие.

В ст. 8 Директивы указаны минимальные положения о вводящей в заблуждение рекламе, обеспечивающие защиту от нее, и государствам-членам не запрещено ужесточать эти нормы или сохранять в национальном законодательстве более жесткие рамки регулирования.

Сравнительная реклама является еще одним видом рекламы, определение которой дается в данной Директиве, и означает любую рекламу, которая явно или косвенно идентифицирует конкурента или товары либо услуги, предлагаемые конкурентами. Проще говоря, реклама, направленная на сравнение своего продукта, с продуктом конкурента. Только если в случае с рекламой, вводящей в заблуждение, Директива дает определения для ограничения распространения такой рекламы, с сравнительной рекламой дела обстоят наоборот. В Директиве как раз закрепляется требование на разрешение сравнительной рекламы, соответствующей определенным критериям, на территории государств-членов.

Ст. 4 Директивы содержит условия, при соблюдении которых сравнительная реклама должна допускаться на рынки, при этом учитывая все следующие критерии:

- а) она не вводит в заблуждение;
- б) она сравнивает товары или услуги, отвечающие одним и тем же потребностям или предназначенные для одной и той же цели;
- в) она объективно сравнивает одну или более материальных, характерные, поддающиеся проверке и типичные черты этих товаров и услуг, которые могут включать стоимость;
- д) она не дискредитирует и не очерняет товарные знаки, фирменные наименования, другие отличительные знаки, товаров, услуг, видов деятельности или обстоятельств конкурента;
- е) продукцию, на которой обозначено место происхождения, она сравнивает с продукцией того же происхождения;
- ф) она не принимает незаслуженные преимущества репутации торговой марки, торгового наименования или другие отличительные знаки конкурента или места происхождения конкурирующих продуктов;
- г) она не представляет товары и услуги, как имитацию или подражание товарам и услугам, относящимся к охраняемому товарному знаку или фирменному наименованию;

h) она не вводит в заблуждение относительно продавцов, рекламодателей и конкурентов и не порождает смешение торговых марок, наименований фирм, других отличительных знаков, товаров или услуг рекламодателей и конкурентов.

«Введение в заблуждение» понимается как в значении данной Директивы, рассмотренном выше, так и с учетом ст. 6 и ст. 7 Директивы 2005/29/ЕС от 11 мая 2005 г. о недобросовестной коммерческой практике по отношению к потребителям на внутреннем рынке (Директива о недобросовестной коммерческой практике)¹, в которой дается определение вводящей в заблуждение коммерческой деятельности, под которую подпадают и действия, и бездействие.

Статья 8 Директива не препятствует государствам-членам сохранять или принимать положения с целью обеспечить более широкую защиту сравнительной рекламы, если не считать область сравнения.

Более подробно также раскрывается использование сравнительной рекламы с использованием чужого товарного знака.

Статья 5 Первой директивы Совета 89/104/ЕЭС от 21 декабря 1988 г., направленная на сближение законодательств государств-членов, касающихся торговых марок, предоставляет эксклюзивные права собственника зарегистрированной торговой марки, в том числе право на предотвращение использования любой третьей стороной в ходе торговли любого знака, идентичного или аналогичного торговой марке в отношении идентичных товаров или услуг, или даже, при необходимости, других товаров. Но для того, эффективности сравнительной рекламы, разрешается определять товары или услуги конкурента, ссылаясь на его торговую марку или наименование фирмы.

Подобное использование чужой торговой марки, наименования фирмы или других отличительных знаков не нарушает исключительное право собственника в случаях, когда оно соответствует условиям, предусмотренным Директивой, и имеет целью лишь выделение особенностей конкурентов, чтобы объективно подчеркнуть различия между ними.

Подводя итог, хотелось бы сказать, что на уровне Союза уделяется достаточно большое внимание к рекламе, как виду информации, которая оказывает существенное влияние на рынок. При ее регулировании акцент делается как на защиту продавцов-конкурентов, так и потребителей. Для возможности продавцов максимально полно взаимодействовать с последними, применяя различные приемы, законодательно разрешается сравнение различных продуктов, вплоть до разрешения в сравнительной рекламе добросовестно ссылаться на чужой товарный знак. Одновременно делается все для ограничения возможности мошенническим способом исказить или переиначить важные сведения, чтобы повлиять на решение потребителя.

---

¹ Directive 2005/29/EC of the European Parliament and of the Council of 11 May 2005 concerning unfair business-to-consumer commercial practices in the internal market («Unfair Commercial Practices Directive»). (Text with EEA relevance). Опубликовано в Официальном Журнале N L 149, 11.06.2005, с. 22–39.

Тенденции развития европейского права в сфере регулирования миграционных проблем

Development trends in European migration law

Вступление

Как известно, совокупность правовых норм, регулирующих различные вопросы правового характера на европейском пространстве, называется европейским правом. В пределах Европы европейское право регулирует различные сферы, включая имеющие особенное значение для европейских стран.

В том числе частью европейского права является и миграционное законодательство в пределах Европейского союза. Правовые нормы, регулирующие само явление миграции, и проблемы, связанные с ней, имеют высокую степень актуальности в виду того, что в современное время в Европе наблюдаются широкомасштабные миграционные процессы, имеющие различные причины.

Как бы то не было, миграционное право является одной из тех составляющих европейского права, которые являются наиболее перспективными, и тенденции в развитии которых имеют принципиальное значение для европейских стран.

Связь между современными проблемами миграции и ее истоками

Как принято считать, явление миграций основано на двух факторах, которыми обусловлено само существование явления массового переселения большого количества людей из одних стран в другие.

Одна из причин существования миграции, являющаяся основанием для допуска людей из других стран на территорию государств, в рамках текущего контекста например европейских, это экономическая причина. В развитых странах Европы часто складывается ситуация, когда одни виды работы в связи с условиями и содержанием труда имеют большую популярность, чем другие, и в сферах последних образуется дефицит рабочих рук, который заполняется мигрантами, готовыми выполнять работу, на которую не имеется спрос у местного населения. Например, именно таким путем во второй половине XX века в ФРГ появились турки, в том числе имеющие немецкое гражданство, поскольку после второй мировой войны развивающейся экономике ФРГ недоставало рабочих рук из числа немецкого населения и был задействован труд турецких мигрантов.

Также экономической причиной является то, что в ряде стран имеется высокий уровень развития экономики при уровне численности населения, недостаточном для удовлетворения всех потребностей экономики страны. В таком случае дефицит рабочих рук ликвидируется мигрантами.

Данные две экономические причины являются основными, в связи с которыми власти ряда стран Европы поощряют приток мигрантов в свои государства, и содействуют миграционному процессу.

Также имеется вторая причина — гуманистическая. Данная причина заключается в том, что среди прав человека, признанных на международном уровне, имеются права, исходя из которых человек может жить где пожелает и переселяться в страны, более комфортные для проживания. Суть в том, что в ряде наиболее развитых стран данные права закреплены на уровне национального права, что является причиной наличия миграционных процессов.

Современная миграция в страны Европы имеет две вышеупомянутые причины, и, соответственно, вся правовая база, регламентирующая вопросы миграции более конкретно, построена на данной основе. Такое устройство правовых норм, изначально имело ряд недостатков, и проблема которых окажется актуальной с началом миграционного кризиса в Европе, правовые действия в рамках работы по устранению данных недостатков и пробелов являются основными тенденциями развития миграционного права стран Европы как части европейского права в целом.

Проблемы миграционного права стран Европы как основа для тенденций развития данной части европейского права.

Одной из проблем действующего европейского миграционного законодательства является неравномерное распределение ответственности между странами ЕС за мигрантов. Исходит данная проблема из правовых норм Дублинского соглашения, согласно которым мигрантами занимается та страна, в которую они первоочередно прибыли. Сделано это было для того, чтобы не было ситуаций, когда мигранты обращаются сразу к властям нескольких стран, или все страны им отказали.

Однако на деле ситуация сложилась так, что значительное количество мигрантов оказались в странах ЕС, которые были первыми на их пути следования: Хорватии, Венгрии и т. д., которые не имеют возможности и опыт для содержания мигрантов, и данных государствам они попросту не нужны. Причина в том, что мигранты, как правило, бедные люди, они не могут прилететь на самолете сразу в Германию, а следуют морским и сухопутным маршрутами через Турцию и Средиземное море и, естественно, вместо выбранных для себя сначала попадают в страны, включая вышеназванные.

Аналогичная ситуация сложилась вокруг предложения властных структур организации ЕС о распределении мигрантов между странами союза. Часть стран, которым мигранты не нужны, и которые не могут их содержать, отказываются размещать их у себя. Таковыми, например, являются Польша и Венгрия, в последней было сделано ситуативное заявление о том, что мигранты это проблема не всех стран ЕС, а только Германии, которая приняла наибольшее количество упомянутых лиц.

Подобные разногласия между властями отдельных стран-членов ЕС создают политические споры касательно правильности функционирования организации. Например, одним из оснований для выхода из ЕС Великобритании являлась проблема мигрантов. Британия приняла себе ровно столько мигрантов, сколько посчитала нужным, и большее количество принимать власти Британии отказались.

Таким образом, на основе анализа вышесказанного можно выделить вторую проблему европейского миграционного права — это установка на

своеобразное равенство государств касательно миграционной политики, идущая вразрез с интересами части стран Европейского союза.

Тенденции развития европейского миграционного права

Тенденции развития рассматриваемой части европейского права прямо основываются на проблемах миграционного права, которые и были рассмотрены для определения направлений развития права, поскольку развитие правовых норм это их совершенствование, и его осуществление зависит от характера имеющихся проблем.

Передпереход к конкретике примечательно отметить то, что обозначенные проблемы не были ярко выражены в течение долгого периода времени в связи с малым количеством мигрантов, с которыми действовавший правовой механизм справлялся. Во время миграционного кризиса, во время которого количество мигрантов резко возросло и проблемы обострились. В данное время соответственно обозначилась перспектива совершенствования законодательства и устранение имеющихся его недостатков.

Соответственно показал свою несостоятельность правовой механизм, в соответствии с которым мигрантов принимает та страна, которая является первой на пути мигрантов. На практике данное правило создало непредсказуемый и противоположный результат, который создает напряженность в пределах ЕС, поскольку данные страны не имеют ни опыт, ни возможность работы с мигрантами. Данной правовой норме нужна более эффективная альтернатива.

Также, как показала практика, страны ЕС четко разделились на принимающие мигрантов и не желающие этого делать. Проблема в том, что в пределах Шенгенской зоны отсутствует контроль на внутренних границах, и мигранты беспрепятственно проникают в страны, в которых их присутствие по мнению местных властей не желательно. Это привело к восстановлению контроля на ряде внутренних границ, что создало некоторые правовые споры, и подвело власти некоторых государств, например Венгрии, к строительству стен на границах для противодействия бесконтрольным перемещениям мигрантов.

Если явление миграции имеет положительную роль в отдельных странах ЕС, то целесообразно усовершенствовать правовые нормы организации для недопущения проблем, связанных с различиями в политике касательно мигрантов различных членов ЕС, имеющий разный уровень развития экономики и различные приоритетные политические задачи.

Вывод

Тенденции развития европейского права в части миграционного регулирования обусловлены имеющимися проблемами, которые создали недостатки и недочеты действующих правовых норм, и указанные тенденции развития направлены соответственно на совершенствование миграционного законодательства под имеющиеся задачи и проблемы.

Право на вступление в брак и его защита в Европейском суде по правам человека

Right to marry and its' protection in European Court of Human Rights

Для семейного права, как ни для какой области права, характерны значительные различия между правовыми системами различных государств. Это объясняется тем, что на регулирование семейных отношений существенное влияние оказывают национальные особенности и традиции. В современном мире на международном уровне не существует документа, который бы давал легальное определение понятию «брак». Нет и единого подхода к правовому регулированию данных отношений. Так, во Франции брачные отношения регулируются Гражданским кодексом. В Великобритании брачные и семейные отношения регулируются группой нормативных актов: Законом о браке 1994 г., Законом о заключении однополых браков 2013 г., Законом о разводе 1993 г. и т. п. Рассмотрим закрепление права на вступление в брак в международных документах.

Право на вступление в брак на международном уровне впервые было закреплено в Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹ 1950 г. (далее – Европейская Конвенция). Ст. 12 Конвенции гласит: «Мужчины и женщины, достигшие брачного возраста, имеют право вступать в брак и создавать семью в соответствии с национальным законодательством». Таким образом, данный акт выделяет несколько условий для вступления в брак, а именно: у вступающих должна быть разная гендерная принадлежность, и они должны достигнуть определенного национальным законодательством брачного возраста.

В Хартии Европейского союза об основных правах² 2000 г. (в ред. 2007 г.) в ст. 9 так же закреплено право на вступление в брак и создание семьи: «Мужчины и женщины, достигшие брачного возраста, имеют право вступать в брак и создавать семью в соответствии с национальным законодательством». Из данной статьи нельзя вывести никаких признаков брака и условий для вступления в брачные отношения.

В Конституции РФ прямо не закреплено право на вступление в брак. В ст. 38 говорится о том, что семья, материнство и детство находятся под

---

¹ «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)), Консультант Плюс.

² URL: <http://eulaw.ru/treaties/charter> (дата обращения: 08.10.2016).

защитой государства, однако непосредственно брачные отношения регулируются на уровне федерального кодифицированного акта, а именно Семейного Кодекса РФ. Семейный Кодекс РФ не содержит понятия брака. Исходя из смысла раздела II СК РФ можно заключить, что **брак в РФ** – союз мужчины и женщины, достигших брачного возраста и не связанных кровным родством определенной степени, зарегистрированный уполномоченными на то органами в определенном законом порядке.

Как известно, судебная система Европейского союза (далее – ЕС) состоит из трех звеньев: Европейского суда, Трибунала и специализированных трибуналов (которые на данный момент находятся в процессе ликвидации). Однако и один из этих органов не обладает юрисдикцией для разрешения споров между гражданами, возникающими по поводу брачно-семейных отношений. Данные споры рассматриваются национальными судами. Тем не менее, у граждан ЕС есть право обратиться в Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ), так как все страны – участницы ЕС ратифицировали Европейскую конвенцию. Такое право есть и у граждан РФ после исчерпания всех внутренних средств защиты своего нарушенного права.

В последнее время ЕСПЧ рассмотрел большое количество жалоб граждан на нарушение ст. 12 Европейской Конвенции. Если систематизировать эти жалобы по правовому основанию, то можно выделить несколько наиболее распространенных, а именно: непризнание однополых браков; отказ в регистрации или продления брака после смены пола; запрет брака с недееспособными лицами; запрет на вступление в брак с лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы; запрет на снижение брачного возраста; запрет на полигамные браки. Особый интерес представляют жалобы, касающиеся права на вступление в брак транссексуалов, которые ЕСПЧ рассматривает с 1980-х гг. Изначально ЕСПЧ не признавал нарушения в отношении этих лиц ст. 12 Европейской конвенции. Однако в последнее десятилетие позиция ЕСПЧ изменилась: начиная с 2002 г. По делам «I. против Великобритании»¹, «Кристина Гудвин против Великобритании»² ЕСПЧ прямо установил, что лишение транссексуалов права на вступление в брак недопустимо, а также высказал представляющее убедительное мнение о том, что если государство разрешает хирургические операции, облегчающие состояние транссексуала, то отказ признавать правовые последствия того результата, на который было направлено лечение (нередко финансируемое или софинансируемое самим государством), представляется нелогичным. Представляют также интерес позиции ЕСПЧ по делу Хэмелайнен против Финляндии³. Брак в Финлян-

---

¹ Постановление ЕСПЧ от 11.07.2002 «Дело «I. против Соединенного Королевства» (жалоба № 25680/94).

² Гудвин против Соединенного Королевства (Goodwin v. the United Kingdom): Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 марта 1996 г. (жалоба № 17488/90).

³ Хэмелайнен против Финляндии (Hamalainen v. Finland) (№ 37359/09). Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 июля 2014 г. (вынесено Большой Палатой Европейского Суда).

дии — союз мужчины и женщины, однако однополые лица могут заключить контракт о создании гражданского союза. При рождении заявительница была мужчиной и вступила в брак с женщиной, в котором у заявительницы появился ребенок. Затем заявительница сделала операцию по смене пола. Несмотря на то, что она изменила свои первые имена, она не могла добиться смены пола в ее паспорте, пока ее супруга не согласится на преобразование их брака в гражданский союз либо до развода. Супруги хотели остаться в браке: развод противоречил их религиозным убеждениям, и они считали, что гражданский союз не обеспечивает в должной мере права их семьи. Европейский Суд вновь подтвердил, что Конвенция не возлагает на государства, ратифицировавшие ее, обязательство санкционировать однополые браки. Согласно позиции ЕСПЧ было допустимо требовать преобразования брака как предварительного условия юридического признания обретенного пола. Различия между этими концепциями не превращают финскую систему в неадекватную с точки зрения позитивных обязательств государства. Таким образом, ЕСПЧ признал разницу в правовом статусе однополых и традиционных пар допустимой.

Если рассматривать примеры жалоб граждан РФ в ЕСПЧ, то следует сказать, что в последнее время многие из них связаны с отказом государства санкционировать браки с недееспособными лицами. Например, дело Лашина (Lashin) против Российской Федерации (жалоба N 33117/02)¹. Заявитель был признан недееспособным в связи с психическим заболеванием. Долгое время он с помощью судебных инстанций пытался восстановить дееспособность, однако ему было отказано даже в проведении независимой медицинской экспертизы. В этот период заявитель и его невеста подавали заявления в органы ЗАГС, однако там им было отказано в принятии документов ввиду недееспособности заявителя. ЕСПЧ, рассмотрев жалобу, указал, что невозможность вступления заявителя в брак — одно из правовых последствий его статуса недееспособного. ЕСПЧ также отметил, что сохранение этого статуса (единственной меры защиты, применимой в соответствии с Гражданским кодексом России к душевнобольным) было при данных обстоятельствах непропорциональным и нарушающим ст. 8 Европейской Конвенции. Иными словами, заявитель не мог жениться по причине недостатков национального процесса принятия решений и жесткости российского законодательства о недееспособности.

Обобщая все вышесказанное, можно прийти к нескольким выводам. Во-первых, отсутствие понятия «брак» в международно-правовых документах на практике приводит к дифференциации объема правовой защиты, предоставляемой ЕСПЧ гражданам разных государств. Конечно, современные реалии делают затруднительным формирование общего понимания института брака, однако представляется необходимым обобщение наиболее общих черт брачных отношений для достижения большей интеграции национальных систем стран Европы. Кроме того, ЕСПЧ уже отошел от понимания брака только как союза мужчины и женщины, так как он уже давно

---

¹ Постановление ЕСПЧ от 22.01.2013 «Дело “Лашин (Lashin) против Российской Федерации”» (жалоба № 33117/02), СПС «Консультант Плюс».

рассматривает жалобы на нарушения ст. 12 не только традиционных, но и однополых пар. Следовательно, ст. 12 Европейской Конвенции нуждается в пересмотре. Более того, на мой взгляд, ЕСПЧ в вопросе регулирования брачных отношений необходимо определиться с приматами, которые должны составлять основы международного семейного права. Во-вторых, исходя из приведенных выше положений, усматривается различие в понимании права на брак в праве Европейского союза и в Европейской Конвенции. Отсутствие в Европейском союзе собственной судебной инстанции, которая смогла бы решать такие дела через призму права европейского союза, его ценности, на практике нередко ставит ЕСПЧ перед противоречивыми задачами. Создание такой судебной инстанции, по моему мнению, будет способствовать достижению цели Европейского союза – европейской интеграции. В-третьих, рассматривая право на вступление в брак в РФ, так же необходимо признать, что защита института брака и права на вступление в него нуждается в определении и существенной доработке их правовой защиты.

К вопросу о правовом регулировании признания квалификаций в Европейском союзе

Legal regulation of professional qualifications recognition in the European Union

Первоначально образование не являлось объектом регулирования Европейского союза. Акты первичного права не уделяли особого внимания сфере образования, включая единичные положения, которые обеспечивали создание и функционирование общего рынка Союза. Однако по мере постепенного достижения экономических целей европейская интеграция стала охватывать все большее количество сфер общественной жизни, в том числе образование и профессиональную подготовку кадров. Первые мероприятия, затрагивающие образование, произошли в 1970-х гг., несмотря на то, что они и были весьма скромными. Закрепление полномочий Союза в сфере образования произошло в Маастрихтском договоре 1992 г.

На сегодняшний день Договор о функционировании Европейского союза в ст. 6 закрепляет положение, согласно которому «Союз располагает компетенцией осуществлять деятельность, направленную на поддержку, координацию или дополнение действий государств-членов в сфере образования, профессионального обучения, молодежи и спорта». Кроме указанной статьи правовую основу деятельности в этой области общественных отношений составляет раздел 12 Договора о функционировании Европейского союза. И как бы в «дополнение» к компетенции в области образования положения ст. 53 Договора о функционировании Европейского союза указывают на осуществление мероприятий по взаимному признанию дипломов и квалификаций в рамках Союза.

Признание профессиональных квалификаций и подтверждающих их документов является одной из основных форм взаимного признания¹.

Под взаимным признанием документов об образовании, выданных иностранным государством, понимается признание уполномоченными органами принимающего государства законной силы указанных документов на своей территории для доступа лица к образовательной или профессиональной деятельности.

Лиссабонская Конвенция 1997 г. о взаимном признании документов об образовании в ст. 1 закрепляет единый термин для различных документов (в государствах документы об образовании различаются как по видам, наименованию, так и по содержанию) «квалификация».

Признаваться могут как программы и дипломы одного учебного заведения другим, например, для дальнейшего продолжения обучения (признание

---

¹ *Кашкин С. Ю., Калининченко П. А., Четвериков А. О.* Введение в право Европейского союза. М., 2010.

степеней образования, периодов обучения и т. д.), так и профессиональное признание для права осуществления профессиональной деятельности в принимающем государстве члене. В первом случае признаются эквивалентными документы, а во втором — происходит оценка достаточности полученной квалификации для осуществления профессиональной деятельности по определенной специальности.

Говоря непосредственно о регулировании данного вопроса в рамках источников вторичного права, стоит отметить, что изначально признание дипломов и квалификаций производилось секторально, т. е. применительно к каждой отдельной профессии. С конца 1970 г. было принято множество директив, которые гармонизировали требования к квалификации таких профессий, как медицинские работники, ветеринары, архитекторы и другие. Это привело к образованию большого количества актов, но не привело к практическому применению указанных источников. С конца 1980-х гг. Сообществом был изменен подход к регулированию данных отношений: было принято обобщить все отдельные директивы в одну общую.

Так в 1989 г. была принята первая Директива 89/48¹, закреплявшая общий подход к признанию дипломов о высшем университетском образовании, которое должно было длиться не менее 3 лет. Признание должно было происходить на основе принципа взаимного доверия: если гражданин Европейского союза отвечал требованиям, установленным в Директиве, то власти принимающего его государства-члена не могли отказать ему на основании того, что его уровень квалификации не соответствует национальному законодательству, хотя это еще не являлось гарантией того, что лицо будет иметь допуск к профессии. Именно поэтому директивой предусматривалась возможность прохождения практики для повышения квалификации или сдачи экзаменационного теста в определенных случаях.

Вслед за ней в 1992 г. была принята новая Директива 92/51², которая распространялась на профессии, обучение которым длилось менее года.

Третья Директива 1999/42³ основывалась на сроке непрерывного опыта и обладания необходимыми навыками (в отличие от Директив 1989 и 1992 гг., критериями которых являлись наличие диплома или обладание определенным уровнем квалификации).

Наконец, после продолжительной работы по пересмотру вышеуказанных и специальных актов, была принята общая Директива 2005/36/ЕС⁴, вступившая в силу в 2007 г. Согласно ст. 1 данной Директивы ее целями является установление правил, согласно которым любое государство-член Европейского союза, ставящее допуск к какой-либо регулируемой профессиональной деятельности и ее осуществлению на своей территории в зависимость от обладания конкретной профессиональной квалифика-

---

¹ Council Directive 89/48/EEC of 21 December 1988 // Official Journal L 19.1989. 24 Jan.

² Council Directive 92/51/EEC of 18 June 1992 // Official Journal L 209. 1992 24 July.

³ Directive 1999/42/EC of the European Parliament and of the Council of 7 June 1999 // Official Journal L 201. 1999. 31 July.

⁴ Directive 2005/36/EC of the European Parliament and of the Council of 7 September 2005 // Official Journal L 255. 2005. 30 Sept.

цией, обязано признавать документы о профессиональной квалификации, полученные в другом или других государствах-членах Европейского союза и позволяющие их обладателю осуществлять там деятельность по данной профессии. Тут стоит обратить внимание, что виды деятельности, по которым признается квалификация, должны быть сопоставимы в принимающем государстве-члене и в том, в котором получена квалификация. Соответственно, указанный акт так же, как и предыдущие, основывается на принципе взаимного доверия.

Директива применима в отношении всех граждан государств-членов Европейского союза, включая представителей свободных профессий, желающих на независимой основе либо на основе найма осуществлять деятельность по какой-либо регулируемой профессии в любом из государств-членов Европейского союза, не являющихся государством, где ими получена квалификация. Кроме того, Директива также применяется ко всем гражданам государства-члена Европейского союза, которые прошли профессиональную стажировку за пределами государства-члена Европейского союза, однако допуск таких граждан к деятельности является правом, а не обязанностью принимающего государства-члена.

Согласно общему правилу, установленному в Директиве, гражданин, получивший диплом об окончании университета и обучавшийся там не менее 3 лет, если этого достаточно для осуществления профессиональной деятельности на территории государства-члена, где получен диплом, имеет право заниматься этой же профессией в принимающем государстве-члене.

В определенных случаях от лица может потребоваться подтверждение профессиональной пригодности в виде сдачи экзаменационного теста или наличие практического опыта (ст. 14):

1) если в принимающем государстве минимальный курс, необходимый для получения образования по профессии, длиннее более чем на год, либо образование, полученное им, охватывает материал, существенно отличающийся от дисциплин, содержащихся в документах о формальном образовании, требующихся в принимающем государстве-члене;

2) регулируемая профессия в принимающем государстве охватывает один или несколько видов регулируемой профессиональной деятельности, не существующих в рамках соответствующей профессии в государстве-члене происхождения претендента, и подготовка, требуемая принимающим государством-членом, охватывает предметы, существенно отличающиеся от предметов, содержащихся в аттестационных свидетельствах или документах о формальном образовании претендента.

Помимо общего режима, основанного на принципе взаимного доверия и признания, если профессия не подпадает под специально урегулированный режим, Директива устанавливает автоматический режим признания в отношении медицинских работников и архитекторов, а также других видов торговой, промышленной и иной деятельности при условии квалификации, подтвержденной опытом.

Несмотря на то, что законодательство в сфере признания дипломов достаточно динамично развивается, оно все равно не может охватить все аспекты регулирования. Следовательно, при отсутствии регулирования на

уровне источников вторичного права, необходимо обратиться к судебной практике, например, решения по следующим делам: C-340/89 Vlassopoulou, C-234/97 Fernandez de Bobadilla²⁰, C-238/98 Hocsman¹.

Юридическая профессия является особым видом деятельности, так как предполагает наличие специальных правовых знаний, которые специфичны для каждой страны. Однако развитие интеграции в рамках Европейского союза и расширении международной практики представителей юридических профессий повлекли за собой необходимость в урегулировании этой деятельности, а особенно вопрос о признании профессиональных квалификаций.

В 1998 г. была принята специальная Директива 98/5 «Об упрощении порядка осуществления на постоянной основе адвокатской профессии в ином государстве-члене, нежели то, где была приобретена квалификация»², направленная на регулирование адвокатской деятельности, действующая и в настоящее время.

Основной причиной принятия Директивы 98/5/ЕС было создание более упрощенного способа интегрирования в профессию принимающего государства тем адвокатам, которые получили диплом в другом государстве-члене Европейского союза. До принятия указанной Директивы адвокаты пользовались исключительно общим порядком признания квалификаций, вследствие чего они чаще, чем представители других профессий, подвергались дополнительному экзаменационному тестированию или прохождению стажировки.

В силу наличия двух Директив, регулирующих вопросы признания квалификаций, могла возникнуть неопределенность, какой из двух документов подлежит применению?

Однако этот вопрос урегулирован в самой Директиве 98/5/ЕС: адвокат сам выбирает между использованием норм той или иной директивы (например, п. 2 ст. 10).

Директива 98/5/ЕС направлена на упрощение порядка осуществления на постоянной основе адвокатской профессии в независимом качестве или в качестве наемного работника в ином государстве-члене, нежели то, где была приобретена профессиональная квалификация. В целях Директивы под «адвокатом» понимается любое лицо, являющееся гражданином одного из государств-членов, которое управомочено осуществлять свою профессиональную деятельность под одним из профессиональных титулов, указанных в ст. 1 Директивы (например, в Чехии *advocate* и т. д.). Под «исходным профессиональным титулом» понимается профессиональный титул государства-члена, в котором адвокат приобрел право обладать данным титулом до осуществления адвокатской профессии в принимающем государстве-члене, а под «соответствующим профессиональным титулом» понимаются любой профессиональный титул или любая профессия, отно-

---

¹ Case C -340/89 Vlassopoulou, Case C-234/97 Fernandez de Bobadilla, Case C-238/98 Hocsman of 14 sept. 2000 // URL: <http://curia.europa.eu>.

² Directive 98/5/EC of the European Parliament and of the Council of 16 February 1998 // Official Journal L 77. 1998. 14 Mars.

сящиеся к ведению компетентного органа, в реестр которого записывается адвокат.

Соответственно, по истечении трех лет адвокат, практикующий под своим исходным профессиональным титулом, который подтвердит факт осуществления эффективной и регулярной деятельности в течение этого срока в принимающем государстве-члене, по статусу приравнивается к местным специалистам, т. е. такой адвокат получает право использовать профессиональный титул, адвокатской профессии в принимающем государстве-члене Европейского союза (ст. 10).

Для того чтобы осуществлять свою профессиональную деятельность в принимающем государстве, адвокату необходимо записаться в реестр компетентного органа данного государства-члена. Запись осуществляется на основании справки о том, что данный адвокат записан в реестр, выдаваемой в государстве, где адвокатом получено право осуществлять деятельность (ст. 3).

Согласно Директиве адвокат, практикующий под своим исходным профессиональным титулом, осуществляет те же виды профессиональной деятельности, что и адвокат, практикующий под профессиональным титулом принимающего государства-члена, и может давать юридические консультации по праву своего государства-члена происхождения, по праву Сообщества, по международному праву и по праву принимающего государства-члена. В любом случае он должен соблюдать процессуальные нормы, действующие в национальных судах. При осуществлении адвокатом представительской деятельности, либо защиты в суде принимающее государство может обязать адвокатов, практикующих под своим исходным профессиональным титулом, совершать процессуальные действия либо совместно с адвокатом, практикующим в суде, рассматривающем дело, который при случае будет нести ответственность перед этим судом, либо совместно с судебным поверенным, практикующим при этом суде. Кроме перечисленных прав, адвокат также может практиковать в объединениях или группах, если это предусмотрено национальным законодательством принимающего государства.

Из всего вышеуказанного можно заключить, что система регулирования, закрепленная в Директиве 98/5/ЕС является более мягкой и способна подстраиваться под конкретные особенности профессии юриста, однако и она не лишена некоторых недостатков.

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на высокую степень интеграции внутри Европейского союза, и стремления к устранению всех препятствий на пути осуществления таких свобод внутреннего рынка, как свобода учреждения и свобода предоставления услуг, особенно касающихся признания дипломов и квалификаций, существуют еще некоторые пробелы в регулировании. Однако правовой механизм регулирования продолжает постепенно развиваться как на уровне прецедентной практики, так и на уровне источников вторичного права.

Правовое регулирование торговли «культурными товарами» в Европейском союзе

Legal regulation of trade in cultural goods in the European Union

Европейская культура необычайно разнообразна, она оказала и оказывает влияние на культуры народов по всему миру. В настоящее время на первый план выдвигаются общеевропейские ценности при сохранении их многообразия и специфики.

Хотя изначально культура не являлась объектом регулирования Европейского союза, однако по мере постепенного достижения первоначальных экономических целей европейская интеграция стала охватывать все большее количество сфер общественной жизни, в том числе и культурную.

Первые мероприятия, затрагивающие культуру, произошли в 1970-х гг., несмотря на то, что они и были весьма скромными. По-настоящему о деятельности Европейского Сообщества в рассматриваемой сфере можно говорить, начиная с 1980–1990-х гг.

Впервые полномочия Европейского союза в области культуры были закреплены в Маастрихтском договоре 1992 г. На сегодняшний день эти положения перенесены в ст. 3 Договора о Европейском союзе, а именно сказано об «уважении богатства своего культурного и языкового разнообразия и заботе о сохранении и развитии Европейского культурного наследия».

Важным аспектом является то, что ст. 167 (бывшая ст. 151) Договора о функционировании Европейского союза закрепляет положение, в соответствии с которым все другие направления деятельности Союза должны руководствоваться культурными аспектами: «Союз учитывает культурные аспекты в своей деятельности, проводимой согласно другим положениям Договоров, в частности, с целью обеспечить уважение и поощрение разнообразия его культур».

Развивают вышеуказанные положения такие документы, как Резолюция об интеграции культурных аспектов в деятельность Сообщества 1997, Хартия Европейского союза об основных правах 2000 г., Резолюция о роли культуры в развитии Европейского союза номер 2002/С32/02 от 21.01.2002 и другие.

Сфера культуры относится к предметам совместного ведения Европейского союза и государств-членов, но важно подчеркнуть, что большая часть вопросов, связанных с данной сферой урегулировано именно национальным законодательством. Право Европейского союза указывает общие ориентиры, которых должны придерживаться государства-члены.

Ранее уже было обозначено богатство и многообразие культуры европейских государств, каждое из которых заинтересовано в сохранении

своих культурных ценностей на своей территории. Тем не менее, развитие человечества невозможно без распространения последних, а в некоторых случаях это препятствует и сохранению памятников культуры.

Следовательно, при распространении, а именно торговле, культурными объектами возникает несколько основных вопросов: 1) что попадает под категорию «культурные товары»; 2) как на «культурные товары» действует принцип свободы движения товаров; 3) соотношение понятий «культурные товары» и «национальные сокровища, имеющие художественную, историческую или археологическую ценность».

Понятие товара было выработано судебной практикой Европейского союза в деле C-7/68 «Italianart», который был истолкован как «все, что измеряется в денежной стоимости и является объектом коммерческих операций»¹. Под данное определение попадает множество объектов, в том числе и «культурные товары». Вследствие этого возникла необходимость определения круга объектов, являющихся «культурными товарами». Эту задачу выполнили источники вторичного права Европейского союза.

Первоначально это было сделано в Регламенте Совета ЕЭС 3911/92 от 9 декабря 1992 г. об экспорте товаров культурного назначения, однако впоследствии из-за внесенных существенных изменений и возникновения необходимости более ясного и рационального изложения его положений Регламент подлежал кодификации. В 2008 г. был принят Регламент 116/2009 об экспорте товаров культурного назначения, в соответствии с которым «культурные товары» — это все культурные объекты, перечисленные в Приложении к Регламенту 116/2009. Приложение перечисляет различные категории культурных объектов — книги, напечатанные более 100 лет назад, карты, напечатанные более 200 лет назад, транспортные средства, выпущенные более 75 лет назад и т. д.

Экспорт и импорт культурных товаров осуществляется на основе лицензий. Конкретные условия, виды лицензий, необходимость соблюдения других формальностей зависят от конкретного государства. Например, если гражданин Франции захочет приобрести объект культуры в Италии, то он будет ориентироваться на соответствующее законодательство Италии. Такие критерии, как возраст, гражданство, национальность либо место жительства лица значения иметь не будут.

Законодательство о защите национальных сокровищ и культурных ценностей зависят от приоритетов государств — участников Европейского союза. Например, в Швеции запрещен вывоз культурных объектов, созданных в этой стране, либо гражданином Швеции независимо от того, где был создан объект. В Соединенном королевстве особо регулируется вывоз портретов исторических деятелей Британии. В Венгрии выдаются два вида лицензий: лицензия Европейского союза на вывоз культурных товаров за пределы таможенной зоны ЕС и национальные лицензии при вывозе за пределы Венгрии (в зависимости от конкретных обстоятельств выдаются либо обе лицензии, либо одна).

---

¹ C-7/68 «Commission v. Italy (Italian Art)» [1968] // ECR 423.

Лицензия является основным средством контроля за перемещением культурных объектов в странах ЕС. Она выдается компетентными органами государства-члена. Это могут быть специализированные организации, связанные с охраной и защитой культурного наследия, либо какие-либо организации при музеях и др. (в Румынии данные функции выполняет Министерство по делам культуры и религии). Кроме выше указанных организаций контроль за ввозом и вывозом культурных ценностей осуществляют таможенные органы и полиция.

Более сложным является вопрос о распространении на «культурные товары» свободы движения товаров.

Проблема заключается в том, что ст. 36 Договора о функционировании Европейского союза вводит ограничение на свободу передвижения товаров для защиты «национальных сокровищ, имеющих художественную, историческую или археологическую ценность». Однако такие запреты или ограничения не должны выступать средством произвольной дискриминации или замаскированным ограничением в торговле между государствами-членами, что на практике оказалось малодейственным.

Государства-члены широко толковали указанную норму, вследствие чего практически все культурные объекты попадали под категорию национальных сокровищ, и все государства-члены приняли законы, запрещающие вывоз за границу национальных культурных ценностей, или ввели систему выдачи предварительных разрешений для лиц, занимающихся торговлей в этой сфере.

В 1984 г. Люксембургским судом была предпринята попытка разрешить эту проблему, но Суд так и не дал четкого ответа. Суд указал на возможность защиты культуры как одной из важнейших задач Сообщества и охватываемой исключением ст. 36 Договора о функционировании Европейского союза, но широкое толкование положения ст. 30 Договора могло бы привести к тому, что данная оговорка распространялась на все культурные объекты, что привело бы к выведению из оборота огромного сектора коммерческой деятельности¹.

Кроме того, Суд не сформулировал четких критериев для разграничения понятий «культурные товары» и «национальные сокровища...».

Эта проблема была разрешена Директивой 93/7/ЕЭС от 15 марта 1993 г. о возвращении культурных объектов, противоправно вывезенных с территории государств-членов.

Приложение Директивы закрепляет список «национальных сокровищ...» в значении ст. 36 Договора о функционировании ЕС. Данный список совпадает с перечнем «культурных товаров», перечисленным в Приложении к Регламенту 116/2009.

Рассмотрим обозначенные вопросы на примере Великобритании.

Под объектом, представляющим культурный интерес понимается «любой объект, представляющие культурный интерес, изготовленный или произведенный более 50 лет назад, за исключением почтовых марок, других предметов, представляющих филателистический интерес, свидетельств

---

¹ C-60/84 и 61/84 «Cinethuque» [1985] // ECR 2605.

о рождении, заключении брака, смерти лица и другие документы, относящиеся к личности экспортера либо его супруга, а также экспортируемые товары и объекты, являющийся личной собственностью»¹.

Регулирующими органами в сфере культуры являются Министерство культуры, массовой информации и спорта (в компетенцию входят такие полномочия, как регулирование политики в области вывоза культурных объектов, охрана и защита национальных сокровищ), Комитет по надзору за вывозом произведений искусства и предметов, представляющих культурный интерес, Совет по делам музеев, библиотек и архивов (компетентный орган для выдачи экспортных лицензий ЕС (лицензий ЕС на вывоз) и лицензий Великобритании на вывоз).

Исходя из законодательства, можно выделить следующие режимы лицензий:

1) открытая генеральная лицензия на вывоз из Великобритании, которая дает разрешение на вывоз культурных ценностей, оцененных ниже установленных стоимостных лимитов;

2) индивидуальная лицензия на вывоз при превышении стоимостью установленных лимитов. Кроме того, можно выделить отдельные виды лицензий, зависящие от категории культурных объектов; страны ввоза, стоимостной оценки, временных характеристик:

а) лицензия Великобритании (для вывоза во всех направлениях, необходимость в ней отпадает при наличии лицензии ЕС);

б) лицензия ЕС (вывоз в третьи страны);

в) открытая генеральная лицензия на вывоз (вывоз в пределах ЕС);

г) открытая генеральная лицензия на вывоз ЕС (временный вывоз музыкантами музыкальных инструментов в третьи страны);

д) открытая индивидуальная лицензия (в основном выдается национальным музеям, галереям).

Согласно Статуту № 2759 от 2003 г существует особый тест для определения, представляет ли объект культуры особую национальную ценность (так называемые критерии Вэйверли). Заявления на выдачу лицензии на вывоз культурных товаров, которые могут подходить под категорию «национальные сокровища...», передаются экспертам-консультантам в национальный музей либо галерею. Оценка происходит по трем критериям:

1) действительно ли предмет тесно связан с историей страны и жизнью нации, что его вывоз стал бы невозможной утратой;

2) имеет ли предмет исключительную эстетическую ценность;

3) имеет ли предмет особое значение для изучения какого-либо направления в области искусства, науки или истории.

К объектам первой категории могут относиться и ценности, которые не были созданы в Великобритании, но имеют огромное значение в связи с ассоциацией с важной персоной, местом или событием (например, портрет Генриха Стюарта).

Оценка исключительной эстетической важности является субъективным суждением. Однако сюда входят не только великие произведения жи-

---

¹ *Statutory Instrument 2003 No. 2759: The Export of Objects of Cultural Interest (Control) Order 2003.*

вописи или скульптуры. Это может также быть и изысканная Табакерка. Экспертами учитываются состояние, а также качество объекта культуры, степень повреждения или восстановления.

При ответе на третий вопрос теста необходимо опираться на значение культурной ценности самой по себе, либо на ее связь с выдающимся человеком, с определенным значимым местом, архивом, коллекцией. В Статуте указано, что при ответе на этот вопрос области и направления должны толковаться достаточно широко: не только искусство, наука или история, но и, например, археология, этнография, антропология, палеонтология (при условии определения «окаменелости»), техника, архитектура или литература и т. д. Этот перечень открытый.

Если эксперт-консультант установит соответствие предмета одному или более критериям Вэйверли, то он вправе возражать против выдачи лицензии на вывоз. Заявление будет передано в Комитет по надзору за вывозом произведений искусства и предметов, представляющих культурный интерес.

Однако лицо может подать в данный комитет письменное заявление с аргументами, которые, по его мнению, доказывают, что предмет не соответствует критериям Вэйверли. Далее следует процедура отсрочки в выдаче лицензии и обжалования решения.

Если у эксперта-консультанта не возникает возражений, то выдается лицензия.

Из всего вышеперечисленного можно сделать следующие выводы:

- 1) вторичное право Европейского союза точно определяет «культурные товары», соотносит «культурные товары» и «национальные сокровища...»;
- 2) не каждый объект культуры признается «культурным товаром»;
- 3) вследствие того, что перечни «культурных товаров» и «национальных сокровищ...» совпадают, вытекает, что на торговлю «культурными товарами» распространяется оговорка ст. 36 Договора о функционировании ЕС.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. Андриянов.</i> Экономическое содержание гражданства Европейского союза	3
<i>А. Боринос.</i> Наднациональность в праве Европейского союза и применение наднациональности для Евразийского союза.....	7
<i>Н. Бородачев.</i> Право на прерывание беременности в России и Европе	11
<i>В. Бухалов.</i> О европейской модели отмены смертной казни	16
<i>Ж. Денисова.</i> Тенденции развития информационного взаимодействия между государствами – членами Европейского союза	19
<i>Г. Дюков.</i> Что представляет собой Седьмая программа деятельности ЕС в области окружающей среды до 2020 г.....	23
<i>Т. Заплатина.</i> Интеграция в сфере академического и профессионального признания в Европейском союзе: особенности и перспективы развития.....	28
<i>Д. Казимиров.</i> Конституционные правила о выходе из ЕС Великобритании: анализ дела R v Secretary of State for Exiting the European Union, ex parte Miller [2017].....	33
<i>Д. Камойленко.</i> The Right to be Forgotten in the EU and Russia	39
<i>Д. Камойленко.</i> The Real Nature of Human Rights	44
<i>Я. Карпенко.</i> Правовое регулирование отношений по использованию товарного знака в странах Европейского союза.....	46
<i>А. Карпова.</i> Особенности трудоустройства граждан РФ в странах Европейского союза.....	49
<i>Н. Кононова, А. Музыченко.</i> Брексит как основа для реформирования механизмов деятельности Европейского союза	55
<i>Е. Коробова.</i> «Голубая Карта» для Евразийского экономического союза	60
<i>А. Лагаева, А. Симаченко.</i> Правовое регулирование защиты эмбрионов в Европейском союзе.....	64

<i>М. Логвинова.</i> Перспективы развития Европейского исследовательского пространства.....	70
<i>В. Мазуренко.</i> Формирование общей европейской системы предоставления убежища.....	74
<i>А. Николаишкина, А. Неустроева.</i> Ограничительные меры Европейского союза против России: правовая природа и последствия их введения.....	79
<i>Е. Овсейцев.</i> Возможные правовые последствия выхода Великобритании из Европейского союза.....	83
<i>Е. Рогачева.</i> Реформа системы охраны товарного знака Европейского союза: сертификационные знаки.....	87
<i>А. Секержинский.</i> Вооруженные силы Европейского союза: правовые аспекты.....	90
<i>Г. Серегина.</i> Соотношение понятий «общий рынок», «внутренний рынок» и «единый рынок» ЕС.....	94
<i>Я. Соларев.</i> Общеевропейский закон о продаже (Common European Sales Law [CESL]): «жертва войны компетенций» или «инновационный инструмент».....	97
<i>А. Степанюк.</i> Правовое регулирование рекламы в контексте защиты прав потребителей.....	105
<i>В. Тюменцев.</i> Тенденции развития европейского права в сфере регулирования миграционных проблем.....	109
<i>Д. Хвостовец.</i> Право на вступление в брак и его защита в Европейском суде по правам человека.....	112
<i>М. Чиркова.</i> К вопросу о правовом регулировании признания квалификаций в Европейском союзе.....	116
<i>М. Чиркова.</i> Правовое регулирование торговли «культурными товарами» в Европейском союзе.....	121